

БАЙРОНЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНИЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1864

БАЙРОНЪ

СОЧИНЕНІЯ
ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ник. Вас. Гербеля

II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15

1864

Дозволено Ценсурю. С. Петербургъ, 24 ноября 1864 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ составъ 2-го тома «Сочиненій лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ», предлагаемаго нынѣ вниманію русской читающей публики, вошло: тридцать мелкихъ стихотвореній Байрона, въ переводахъ Н. В. Берга, П. И. Вейнберга, Н. В. Гербеля, Н. П. Грекова, А. А. Григорьева, А. В. Дружинина, С. И. Дурова, И. И. Козлова, М. Ю. Лермонтова, Л. А. Мея, Н. И. Огарева, А. Н. Плещеева, К. К. Случевского, И. С. Тургенева, Ѳ. И. Тютчева и Н. Ѳ. Щербины, три поэмы — «Невѣста Абидосская», «Беппо» и «Гяуръ», въ переводахъ И. И. Козлова, Д. Д. Минаева и А. И. Студитскаго и драматическая поэма «Манфредъ», въ переводѣ Д. Д. Минаева.

Большая часть мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ и, конечно, лучшихъ произведеній Байрона.

«Невѣста Абидосская» вышла въ свѣтъ въ началѣ декабря 1813 года. Всю весну Байронъ былъ занятъ исправленіями и передѣлкою въ этой поэмѣ,

которой эффекта на публику ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Типографщики и издатель не знали что дѣлать, непрерывно получая приказанія пердѣлать одно, выбросить другое, прибавить третіе. Любопытны эти сотни записокъ къ Мюррею, въ которыхъ сквозь строки, заключающія корректурныя замѣтки, проглядываетъ вся мучительная работа Байрона о томъ, чтобы сколько можно менѣе осталось въ его поэмѣ мѣстъ, па которыхъ могло бы съ неудовольствіемъ остановиться вниманіе.

«Бепно», эта поэтическая шутка въ венеціанскомъ стилѣ, съ которою такъ трудно что нибудь сравнить въ литературѣ того времени, написано въ 1817 году въ Венеціи, и появилась въ свѣтъ вслѣдъ за IV пѣснью «Чайльдъ-Гарольда».

Поэма «Гяуръ» появилась въ печати въ началѣ 1813 года. Она печаталась выпусками, что было очень удобно для нетерпѣливаго автора, который могъ предаваться вдохновенію по мѣрѣ того, какъ оно къ нему приходило, и не былъ связанъ постоянною работою, какой требуетъ изданіе вдругъ полнаго сочиненія. Предметъ поэмы также имѣлъ много прелести для него, потому что въ ней изображена была часть событій собственной его жизни, повторены дѣйствительно испытанныя ощущенія. Высокія поэтическія красоты природы и воображенія, обильно разсѣянные въ «Гяурѣ», возбудили всеобщій энтузіазмъ къ автору и его произведенію, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Успѣхъ

«Гяура» былъ такъ великъ, что осенью того же года нужно было приступить къ пятому изданію поэмы. Каждый разъ, когда присылали Байрону корректурные листы, онъ прибавлялъ въ нихъ множество новыхъ стиховъ, къ отчаянію наборщиковъ. Письма и записки къ Мюррею доказываютъ, вмѣстѣ съ добавленными стихами, подъ какимъ сильнымъ вліяніемъ вдохновенія былъ тогда поэтъ. Напримѣръ: «Возвращаю вамъ корректуру. Сдѣлайте милость, не присылайте мнѣ ихъ болѣе: на меня напала такая стихоманія, что я безконечно готовъ прибавлять въ слѣдующихъ частяхъ». Или: «Не безъ труда успѣлъ я избавиться отъ прибавленій въ этой безконечной поэмѣ, которая, какъ змѣя, каждый мѣсяцъ вырастаетъ нѣсколькими кольцами».

Драматическая поэма «Манфредъ», эта байроновская варьяція сказанія о Фаустѣ, задумана и начата авторомъ въ 1816 году, на берегу Женевскаго озера, и окончена въ февралѣ слѣдующаго года въ Венеціи. Содержаніе піесы неопредѣленное, метафизическое, необъяснимое. Кромѣ двухъ или трехъ лицъ, всѣ прочія — духи земли, воздуха и воды. Герой — что-то въ родѣ мага. Волнуемый разными страданіями, которыхъ причина оставлена въ полутуманѣ, онъ призываетъ духовъ, которые являются и ни къ чему не служатъ. Интересенъ отзывъ Гете объ этой піесѣ, напечатанный въ «Kunst und Alterthum». Вотъ небольшой отрывокъ изъ этой

статьи: «Драма Байрона «Манфредъ» была для меня «изумительнымъ явленіемъ. Этотъ необыкновенный «поэтъ усвоилъ себѣ моего «Фауста» и извлекъ «изъ него обильную пищу для своего ипохондри- «ческаго духа. По свѣду употребилъ онъ основ- «пья начала, согласно съ своею цѣлью, такъ что «ни одно не осталось тѣмъ, чѣмъ было, и именно «въ этомъ я не могу надивиться его генію. Мы «видимъ также въ этомъ произведеніи квинтъ-эс- «сенцію поразительнаго таланта, который пожи- «раетъ самаго себя. Характеръ жизни и поэзіи Бай- «рона едва ли допускаетъ вѣрную и справедливую «оцѣнку. Онъ часто сознавался въ томъ, что его «терзаетъ, часто изображалъ свои страданія, и «едва ли найдется душа, способная симпатизиро- «вать этимъ неисцѣлимымъ страданьямъ».

Третій томъ «Байрона», въ которомъ будетъ помѣщенъ полный стихотворный переводъ «Чайльдъ-Гарольда», печатается и выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени; слѣдующіе томы, куда войдутъ, между прочимъ, «Донъ-Жуанъ», «Корсаръ» и «Лара», въ переводахъ Д. Д. Минаева, не замедлятъ выходомъ.

Н. Гербель.

21-го ноября 1864 года.

С. Петербургъ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

СТАНСЫ КЪ АВГУСТЪ. ¹

Хоть минули и счастье и слава
И звѣзда закатилась моя,
Ты одна не взяла себѣ права
Поносить и тревожить меня;
Ты одна не шатнулась душою,
Въ нѣжномъ сердцѣ твой братъ не упалъ,
И любовь, столь цѣнимую мною,
Я въ тебѣ лишь одной отыскалъ.

Пусть же шлетъ, улыбаясь привѣтно,
Мать-природа свои мнѣ дары:
Я отдался ей весь беззавѣтно,
Вспоминая улыбку сестры;

И пускай на сраженъе съ волнами
 Бурный вихоръ по небу летить,
 Я скорблю лишъ о томъ, что межъ нами
 Океанъ необъятный лежитъ.

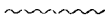
Пусть послѣдній мой якорь сорвался,
 Пусть исчезъ онъ средь мутныхъ зыбей,
 Пусть повсюду злой недугъ ворвался —
 Не согнусь предъ судьбою своей!
 Пусть клеветуютъ безстыдные люди,
 Помогая жестокой судьбѣ —
 Не пробить имъ закованной груди:
 Ей защитой — мечта о *тебѣ!*

Изъ людей — ты одна мнѣ не льстила,
 Между женщинъ — осталась вѣрна;
 Ты въ разлукѣ меня не забыла,
 Клеветамъ не вняла ты одна;
 Не стремилась за общимъ потокомъ,
 Не слабѣла горячей душой,
 За любовь не платила упрѣкомъ,
 За добро не платила враждой.

Я усталъ; но людей не кляню я
 И себя не зову ихъ врагомъ —
 Пусть ихъ рвутся, свирѣпо ликуя,
 На войну съ одинокимъ бойцомъ!
 Я могу ли корить ихъ презрѣнемъ?
 Бой неравный мнѣ очи открылъ;
 Мнѣ отрадны борьба и гоненье:
 Черезъ нихъ я *тебя* оцѣнилъ!

Средь обломковъ и дикой пустыни
Я безъ страха и гордо стою:
Не отбить имъ послѣдней святыни:
Не утрачу любовь я твою!
И пустыни той видъ не печаленъ,
И обломки тѣ дороги мнѣ,
И блеситъ изъ-подъ груды развалинъ
Бриліантъ, невредимый въ огнѣ!

А. Дружининъ.

II.

ПРОСТИ. ²

Была пора — они любили,
Но ихъ злодѣи разлучили;
А вѣрность съ правдой не въ сердцахъ
Живуть теперъ, но въ небесахъ.
На вѣкъ для нихъ погибла радость;
Терниста жизнь, безъ цвѣта младость,
И мысль, что розно жизнь пройдетъ,
Безумства ядъ имъ въ душу льетъ.

Но въ жизни, имъ осиротѣлой,
Уже обоимъ не сыскать,
Чѣмъ можно бъ было опустѣлой
Души страданья улаждать.
Другъ съ другомъ розно, а тоскою
Сердечны язвы все хранятъ:
Такъ два, расторгнутыхъ грозою,
Утеса мрачныя стоятъ —
Ихъ бездна съ ревомъ разлучаетъ,
И громъ разить и потрясаетъ;
Но въ нихъ ни громъ, ни вихрь, ни градъ,
Ни лѣтній зной, ни зимній хладъ
Слѣдовъ того не истребили,
Чѣмъ нѣкогда другъ другу были.

(Изъ поэмы Колериджа «Кристалль».)

Прости! и если такъ судьбою
Намъ суждено — навѣкъ прости!
Пусть ты безжалостна — съ тобою
Вражды мнѣ сердца не снести.

Не можетъ быть, чтобъ повстрѣчала
Ты непреклонность чувства въ томъ,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратно-сладкимъ сномъ!

Когда бъ ты въ ней насквозь удрѣла
Всѣ чувства сердца моего,
Тогда бы, вѣрно, пожалѣла,
Что столько презрѣла его.

Пусть свѣтъ улыбкой одобряетъ
Теперь ударъ жестокий твой;
Тебя хвалою онъ обижаетъ,
Чужою купленной бѣдой.

Пускай я, очернёнь виною,
Себя далъ право обвинять;
Но для чего жь убить рукою,
Меня привыкшей обнимать?

И вѣрь, о, вѣрь! пылъ страсти нѣжной
Лишь годы могутъ охлаждать;
Но вдругъ не въ силахъ гнѣвъ мятежный
Отъ сердца сердце оторвать.

Твое тожъ чувство сохраняетъ;
 Удѣлъ же мой — страдать, любить! —
 И мысль безсмысленная терзаетъ,
 Что мы не будемъ вмѣстѣ жить.

Печальный вопль надъ мертвецами
 Съ той думой страшной какъ сравнять?
 Мы оба живы, но вдовцами
 Уже намъ день съ тобой встрѣчать.

И въ часъ, какъ нашу дочь ласкаешь,
 Любуясь лепетомъ рѣчей,
 Какъ объ отцѣ ей намекаешь,
 Ея отецъ въ разлукѣ съ ней.

Когда жъ твой взоръ малютка ловить —
 Её цалуя, вспомани
 О томъ, тебѣ кто счастья молить,
 Кто рай нашолъ въ твоей любви.

И если сходство въ ней найдется
 Съ отцомъ, прокнутымъ тобой,
 Твое вдругъ сердце встрепенется
 И трепеть сердца — будетъ мой.

Мои вины, быть можетъ, знаешь,
 Мое безумство — можно ль знать?
 Надежды — ты же увлекаешь —
 Съ тобой увядшія летятъ.

Ты потрясла моей душою;
Презрѣвшій свѣтъ, духъ гордый мой
Тебѣ покорнымъ былъ; съ тобою
Разставшись, расстаюсь съ душой!

Свершилось все — слова напрасны,
И нѣтъ напраснѣй словъ моихъ;
Но въ чувствахъ сердца мы не властны —
И нѣтъ преградъ стремленью ихъ.

Прости жь, прости! Тебя лишенный,
Всего, въ чомъ думалъ счастье зрѣть,
Истлѣвшій сердцемъ, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

И. Козловъ.

III.

35

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВЪ АЛЬБОМЪ, НА МАЛЪТЪ.

1.

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если, послѣ многихъ лѣтъ,
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужь нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

М. Лермонтовъ.

2.

Какъ медлитъ путника вниманье
На хладныхъ камняхъ гробовыхъ,
Такъ привлечетъ друзей моихъ
Руки знакомой начертанье.

Чрезъ много, много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ:
«Его ужъ нѣту въ нашемъ кругѣ;
Но сердце здѣсь погребено!»

Ф. Тютчевъ.

IV.

НЕ ВСПОМИНАЙ.

Мой другъ, не приводи на память мнѣ тѣхъ дней—

Тѣхъ дней, исполненныхъ волненья,

Когда душа моя сливалась съ твоей:

Имъ нѣтъ — не можетъ быть забвенья,

Пока еще кипятъ въ насъ жизненные силы,

И оба — ты и я — не спимъ на днѣ могилы.

Тебѣ ли позабыть, и позабуду ль я,

Когда, любуясь тобою,

Я чувствовалъ, какъ грудь вздымалась твоя?

И вотъ — ты снова предо мною

Съ своими томными, усталыми глазами,

И молчаливыми, но страстными устами.

Когда склонялась ты ко мнѣ, моя любовь,

Твои глаза преображались:

То сдерживали страсть, то распяляли кровь...

Но мы все болѣе сближались,

И жаркія уста встрѣчались въ желаньѣ,

Какъ будто для того, чтобъ замереть въ лобзаньѣ.

И вотъ твои глаза смыкались до поры —
 И отягченныя зѣницы
 Скрывали подъ собой ихъ синіе шары,
 Межъ тѣмъ какъ длинныя рѣсницы,
 Сгущая тѣнь свою надъ алыми щеками,
 Казались на снѣгу простертыми крылами.

Недавно снилось мнѣ, что страсть протекшихъ,
 дней,
 Любовь былая воротилась.
 И сонъ тотъ слаще былъ въ фантазіи своей,
 Чѣмъ еслибъ сердце насладилося
 Огнемъ иныхъ-очей, исполненныхъ участя,
 Огнемъ иныхъ сердець въ дѣйствительности
 счастья.

Къ чему же говорить, къ чему напоминать
 Мнѣ о часахъ давно-минувшихъ,
 Когда ихъ сладкій сонъ намъ можетъ возвращать
 До той поры, пока уснувшихъ
 Не скроетъ насъ навѣкъ надгробный камень
 въ полѣ,
 Съ изсѣченнымъ стихомъ, что насъ ужь нѣту болѣ.

И. Гербель.

КОГДА ПРОЩАЛИСЬ МЫ СЪ ТОБОЙ.

1.

Когда прощались мы съ тобой,
Вздыхая горячо,
Ко мнѣ кудрявой головой
Ты пала на плечо...
Въ твоихъ глазахъ была печаль,
Молчанье на устахъ...
А мнѣ невѣдомая даль
Внушала тайный страхъ.

Росы холодная струя
Упала съ высоты —
И угадалъ заранѣ я,
Что мнѣ измѣнишь ты.
Сбылось пророчество: молва
Разносить всюду вѣсть,
Что ты священныя права
Утратила на честь.

И каждый разъ, какъ слышу я
 Объ участи твоей,
 На части рвется грудь моя
 Сильнѣе и сильнѣй.
 Толпа не знаетъ, можетъ быть,
 Про тайный нашъ союзъ —
 И смѣло рветъ святую нить
 Сердечныхъ нашихъ узъ.

Какъ бытъ!... знать, есть всему пора...
 Но плачу я о томъ,
 Что сердцу льстившее вчера
 Промчалось легкимъ сномъ.
 Ахъ! если гдѣ-нибудь опять
 Увижусь я съ тобой,
 Скажи, какъ мнѣ тебя встрѣчать?—
 Молчаньемъ и слезой...

С. Дурень.

2.

Когда безмолвные, въ минуты разставанья,
 Съ слезами горькими, съ безумною тоской,
 Съ полуразбитыми сердцами отъ страданья,
 На долгіе года прощались мы съ тобой, —
 Блѣдна и холодна была твоя ланита,
 Прощальный поцалуй еще былъ холоднѣй,
 И, кажется, въ тотъ часъ мнѣ въ нихъ была
 открыта
 Вся горькая судьба моихъ грядущихъ дней.

И въ этотъ часъ роса спадала заревая,
 Холодной влагою чело мое кропя:
 Она вонзалася въ меня, предвозвѣщая
 Все то, что чувствуетъ теперь душа моя.
 И вотъ нарушены обѣты всѣ тобою;
 О пустотѣ твоей вездѣ молва гремитъ,
 И если имя я твое услышу — мною
 Овладеваютъ вдругъ тоска и жгучій стыдъ.

Да, если я его услышу гдѣ невольно —
 Какъ погребальный звонъ въ ушахъ звенить

оно

И пробѣгаетъ дрожь, и стыдно мнѣ и больно,
 Зачѣмъ любить тебя мнѣ было суждено.
 Они не знаютъ — нѣтъ, не знаютъ эти люди,
 Что знаю я тебя, что связь межъ нами есть...
 О! долго вылетать изъ этой будутъ груди
 Проклятья... по какъ ихъ ужасно произнестъ!

Мы тайно встрѣтились. Въ безмолвіи, объятый
 Тоской безумною, скорблю я, полный думъ,
 О томъ, что вѣтренной душой задѣтъ могла ты,
 И что употребить во зло умѣлъ твой умъ;
 Но если суждена намъ встрѣча небесами,
 Намъ, невидавшимся такъ много, много лѣтъ,
 Что я скажу тебѣ? Молчаньемъ и слезами
 Тебѣ пошлю я мой привѣтъ!...

И. Грековъ.

VI.

НЪ И * * *

О! если бы — вмѣсто всѣхъ молній очей —
Дала бы ты нѣжности волю,
Быть можетъ они не будили бѣ страстей,
Но рай бы имъ выпалъ на долю.

Ты блещешь такою небесной красой —
Хотя и горять твои очи —
Что мы повергаемся въ прахъ предъ тобой;
Но выдержать взгляда нѣтъ мочи.

Когда ты природой была создана,
Въ тебѣ совершенство блистало —
И долго, благая, боялась она,
Чтобъ небо тебя не призвало.

Чтобъ только избавить тебя — отвратить
Отъ глазъ твоихъ сонмы святые,
Природа должна была пламя вложить
Въ глаза, до того неземные.

Съ тѣхъ поръ загорѣлся твой взглядъ роковой
И смертнаго жжетъ и тревожить:
Онъ падаетъ ницъ предъ твоей красотой,
Но выдержать взгляда не можетъ.

Въ звѣзду превращенныя, свѣтлой звѣздой
Горятъ волоса Береники;
Но нѣтъ тебѣ мѣста межъ ними: собой
Затмила бѣ ты звѣздные лики.

Когда бѣ твои очи заискрились тамъ —
Созвѣздія меркнуть бы стали,
И самыя солнца, подобно звѣздамъ,
Едва бы на небѣ мерцали.

И. Гербель.

VII.

КЪ М. С. Т.

О! если мнѣ, порой, въ прекрасномъ сновидѣннѣ
Приснится, что любимъ я пламенно тобой —
Не правда ль: ты простишь мнѣ это упоенье?
Не изольешь свой гнѣвъ на сонъ минутный мой?

Вѣдь про любовь твою мнѣ можетъ только сниться:
Она доступна лишь для міра тайныхъ грѣзъ,
Когда же настаетъ мгновенье пробудиться —
Что остается мнѣ? — тоска и горечь слѣзъ.

Скорѣй же усыпи меня, сомни мнѣ очи
И душу улади отраднымъ сномъ, Морфей.
О! если будетъ онъ похожъ на сонъ той ночи —
Какое счастье опять душѣ моей!

Нѣтъ, не сдвигай бровей сурово такъ и строго!
Нѣтъ, не завидуй мнѣ, перлъ счастья моего!
Когда во снѣ моемъ виновенъ я такъ много —
Знай: искупаю я страданьями его.

Пусть онъ меня даритъ твоей улыбкой нѣжной—
Не думай, что за то нѣтъ въ мірѣ казни мнѣ:
За тѣ мгновенія блаженства — неизбежно
Я пробужденіемъ наказанъ ужь вполне.

Н. Грековъ

VIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Смѣнились отчаянья тоскою
Лучи надежды молодой...
Всему конецъ!.. Но что жь передо мною —
Мгновенною падучею звѣздою
Мелькаетъ свѣтлый призракъ твой!

Всему конецъ, но безъ конца страданье —
Вотъ все, что я подъ сердцемъ берегу...
Прощай любовь, блаженство, упованье!
Но отчего прибавить не могу:
Прощай и ты, воспоминанье!

И. Щербина.

IX.

СТАНСЫ.

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
Сладокъ голосъ твой.
Море шумное смирилось,
Будто звукамъ покорилось,
Тихо лоно водъ блеститъ,
Убаюканъ вѣтеръ спитъ.

На морскомъ дрожитъ просторѣ
Лучъ луны блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
Какъ во снѣ дити.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи—
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ зыбь морей.

Н. Огаревъ.

Х.

СТИХИ,

написанные при полученіи извѣстія о болѣзни лэди Бай-
ронъ³.

Страдала ты — и не былъ я съ тобою!
Грустила ты — и я бродилъ въ дали!
Зачѣмъ Бѣда съ сестрой своей Тоскою,
Нежданья, отсель къ тебѣ пришли?
Я предсказалъ тебѣ ихъ посѣщенье,
Предвидѣлъ я гоненія слѣды,
И за борьбой минуты разслабленья
И скорбный часъ унынья и бѣды...
Не въ битвы часъ, не въ грозный часъ разлуки
Мы вѣчнаго всѣмъ сердцемъ жаждемъ сна,
Но въ тяжкій мигъ затишья послѣ муки,
Когда при насъ осталась *жизнь* одна.

Такъ, я отмщенъ! Судьбой своей гонимый,
Я грѣшенъ былъ, и могъ преступенъ быть;
Но не *тебѣ*, не женщинѣ любимой
Господь велѣлъ грѣхи мои казнить!
И долго ты не будешь знать покоя
И много бѣдъ еще переживешь;

Въ моей груди посѣявъ горе злое,
Ты горькій плодъ въ душѣ своей пожнешь!
И пусть лстецы исполнены вниманья,
И вокругъ тебя пускай тѣснится свѣтъ:
Безжалостнымъ не будетъ состраданья,
Безжалостнымъ на небѣ мѣста нѣтъ!

Я много жилъ и былъ богатъ врагами,
И въ честный бой ходилъ прямымъ путёмъ:
Я мстилъ врагамъ или дѣлалъ ихъ друзьями;
Но *ты* была невѣдомымъ врагомъ!
Средь тишины и страсти безмятежной
Таинственно свершая дѣло зла,
Ты въ слабости плѣнительной и нѣжной,
Какъ бы въ бронѣ, закована была.
И тихо шла извиистой тропою
Въ моей груди согрѣтая змѣя...
Хвались теперь: свершила ты со мною,
Чего съ *тобой* не могъ бы сдѣлать я!

А. Дружининъ.

XI.

НѢ Д...

Когда я прижималъ тебя къ груди своей,
Любви и счастья полнѣ и примиренѣ съ судьбою,
Я думалъ: только смерть насъ разлучитъ съ тобою;
Но вотъ разлучены мы завистью людей!

Пускай тебя навѣкъ, прелестное созданье,
Отторгла злоба ихъ отъ сердца моего...
Но вѣрь, имъ не изгнать твой образъ изъ него —
Пока не палъ твой другъ подъ бременемъ страданья!

И если мертвецы пріютъ покинутъ свой
И къ вѣчной жизни прахъ изъ тлѣнья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нѣтъ рай для меня, гдѣ нѣтъ тебя со мной!

А. Плещеевъ.

XII.

ЛВИНСКОЙ ДѢВУШКѢ.

1.

X
Часъ разлуки бѣтъ — прости
Аѳинянка! возврати
Другу сердце и покой,
Иль оставь на вѣкъ съ собой.
Вотъ обѣтъ мой — знай его:
Ζῶγ μου, σὰς ἀγαπῶ! ⁴

За румянецъ этихъ щокъ,
Чтò эгейскій вѣтерокъ
Цаловалъ тайкомъ не разъ,
За огонь газельныхъ глазъ,
За кудрявое чело:
Ζῶγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

Поцалуемъ устъ твоихъ,
Зыбью персей молодыхъ,
Рѣчью тайною цвѣтовъ,
Говорившихъ больше словъ —

Всѣмъ клянусь, что душу жгло:
Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

Афинянка! обо мнѣ
Вспомяни наединѣ...
Въ Истамболѣ уѣду я,
Но Афинѣ душа моя
Не покинетъ для него:
Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

Л. Мей.

2.

Зоя милая, прощай!
Я иду въ далекій край...
Зоя милая, прощай,
Только сердце мнѣ отдай
Прежде, чѣмъ разстанусь я!
Нѣтъ, возьми всего меня:
Я хочу быть вѣкъ съ тобой—
Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

И за локопъ-завитокъ,
Чтò эгейскій вѣтерокъ
Такъ лелѣялъ, колыхалъ,
И съ любовью цаловалъ,
За огонь твоихъ очей,
За мелодіи рѣчей,
И за губки, и за все —
Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

За румянецъ на щекахъ,
 За цвѣточки на грудяхъ,
 Чтò со мною говорятъ
 Тò, о чемъ уста молчатъ,
 И за то, что я грустилъ,
 И за то, что весель былъ,
 И за всю мою любовь —
 Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

Роза Аттики, прости!
 Ворочусь я — не грусти.
 Вспоминай, не забывай:
 Я иду въ далекий край,
 Въ Истамболъ буду я —
 Будетъ здѣсь душа моя,
 Гдѣ отрадно быть съ тобой —
 Ζώγ μου, σὰς ἀγαπῶ!

Н. Щербина.

ХІІІ.

СТИХИ, ВЫРѢЗАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕРЕПА. ⁵

Зачѣмъ трепещешь ты? Не думай,
Что я иного міра гость,
Мертвецъ холодный и угрюмый,
Гробовъ безмысленная кость!

Я не начну о жизни прошлой
Давно извѣстный всѣмъ рассказъ,
И утомительный, и пошлый,
Какіе слышалъ ты не разъ.

Нѣтъ, не мертвецъ передъ тобою:
Какъ ты, я жилъ, любилъ, страдалъ,
Но умеръ я и взять землѣю,
И долго гнилъ, и долго спалъ.

Меня нашелъ ты межъ гробами
И, мною кубокъ замѣня,
Ты нынѣ пьянствуешь съ друзьями...
Итакъ дотронься до меня!

Не столько холодны и грубы
Уста холодных людей,
Какъ отвратительныя губы
Могильныхъ жителей-червей!

Пусть нынѣ буду въ пользу брата —
И тамъ, гдѣ мозгу нѣтъ давно,
Гдѣ свѣтлый умъ блещѣлъ когда-то,
Пускай блеститъ твое вино!

Пей, пей, пока еще, ликуя,
Живешь и пьешь между своихъ!
Покуда, надо мной риѣмуя,
Смѣшишь, или пугаешь ихъ!

Умрешь — и, можетъ быть, достанутъ
Твой черепъ также, и надъ нимъ
Трунить и забавляться станутъ,
И риѣмовать, какъ надъ моимъ!

И. Бергъ.

XIV.

СТАНСЫ.

Рѣшусь — пора освободиться
Отъ мрачной горести моей,
Вздохнуть въ послѣдній разъ, проститься
Съ любовью, съ памятью твоей!
Заботъ и свѣта я чуждался,
И не для нихъ былъ созданъ я;
Теперь же съ радостью разстался.
Какиѣ бѣдамъ страшить меня?

Хочу пировъ, хочу похмѣлья;
Бездушнымъ въ свѣтѣ стану жить;
Со всѣми радъ дѣлать веселья,
Ни съ кѣмъ же горя не дѣлать.
То ль было прежнюю порою!
Но счастье жизни отнято:
Здѣсь въ мірѣ брошенъ и тобою,
Ничто ужъ ты — и всё ничто.

Улыбка — горю лишь угроза;
Изъ-подъ нея печаль виднѣй;
Она какъ на гробницѣ роза.
Мученье сжатое сильнѣй.

Хоть межъ друзей въ бесѣдѣ шумной
 Невольно чаша оживить,
 Весельемъ вспыхнетъ духъ безумной,
 Но сердце томное грустить.

Взойдетъ, бывало, мѣсяцъ полный
 Надъ кораблемъ въ тиши ночной:
 Онъ серебрить эгейски волны...
 А я, къ тебѣ стремясь душой,
 Любилъ мечтать, что взоръ твой милой
 Теперь плѣняетъ та жь луна.
 О Тирза! надъ твоей могилой
 Тогда сбѣтила ужь она.

Въ часы безсонные недуга,
 Какъ ядъ кипѣлъ, волнуя кровь —
 «Пѣтъ, думалъ я, страданьемъ друга
 «Ужь не встревожится любовь!»
 Ненужный даръ тому свобода,
 Кто въ узахъ жертва дряхлыхъ лѣтъ.
 Хоть воскреситъ меня природа —
 Къ чему? — тебя въ живыхъ ужь нѣтъ.

Когда любовь и жизнь такъ новы,
 Въ тѣ дни залогъ мнѣ данъ тобой:
 Печали краской рокъ суровый
 Мрачить его передо мной.
 Навѣкъ той сердце охладѣло,
 Кѣмъ было все оживлено;
 Мое безъ смерти онѣмѣло,
 Но чувства мукъ не лишено.

Залогъ любви, печали вѣчной,
Прижмись, прижмись къ груди моей;
Будь стражемъ вѣрности сердечной,
Иль сердце грустное убей!
Въ тоскѣ не гаснетъ жаръ мятежный,
Горитъ за сѣнью гробовой,
И къ мертвой пламень безнадежный
Святѣе, чѣмъ любовь къ живой.

И. Козловъ.

XV.

ЭКСПРОМПТЪ ВЪ ОТВѢТЪ ДРУГУ.

Когда изъ глубины души моей больной
Печаль появится во взорѣ —
Не бойся за меня, безцѣнный ангель мой,
Не спрашивай меня о горѣ.
Мои страданія дѣвуютъ свой пріютъ,
Свое обычное жилище —
И скоро съ моего лица они сойдутъ
Въ безмолвное души моей владбище.

С. Дуровъ.

XVI.

СТАНСЫ.

Намъ нельзя полуночныхъ гуляній
Продолжать въ часъ всеобщаго сна,
Хотя сердце ждетъ тѣхъ же свиданій,
И луна, какъ и прежде, ясна.

Отъ влинка протираются ножны,
Отъ страстей разрывается грудь;
Нуженъ сердцу покой невозможный,
Да должна и любовь отдохнуть.

И хоть ночь создана для лобзаній,
Тѣхъ лобзаній, что дню не видать,
Мы съ тобой полуночныхъ гуляній,
Милый другъ, не должны продолжать.

К. Случевскій.

XVII.

О ЕСЛИ ИНОГДА.

О! если иногда средь свѣтскаго волненья
Въ душѣ моей затмится образъ твой,
Съ твоею тѣнью дорогѣй
Опять встрѣчаюсь я въ моемъ уединеньи.
И въ этотъ часъ тоски нѣмой,
Среди могильнаго молчанья
Одинъ питаю грусть мою,
Я вызываю всѣ воспоминанья,
Которыя отъ свѣта я таю.
Прости же мнѣ, когда хоть на мгновенье
Принадлежащую тебѣ
Мысль обращаю я къ толпѣ,
Когда, въ душѣ своей скрывая ядъ мученья,
Я улыбаюсь порой.
Не думай, чтобъ печаль моя была слабѣе,
Затѣмъ, что силуясь я казаться веселѣе
Передъ бездушною толпой —
Нѣтъ, я хочу, предъ нею равнодушнѣе,

Чтобъ ни единый вздохъ мой не былъ ей под-
 слуханъ —
 Вздохъ, посылаемый къ тебѣ моей тоской,
 И если на пирахъ мной чаша круговая
 Порою выпита до дна,
 Недумай, чтобъ я пилъ затѣмъ, чтобъ грусть нѣмая
 Была виномъ заглушена:
 Чтобъ усыпить ея избытокъ
 И безнадежныхъ думъ приливъ къ душѣ моей
 Въ той чашѣ налитой напитокомъ
 Быть долженъ крѣпче и сильнѣй.
 О! еслибы она на мигъ одинъ затмила
 Тоску въ душѣ и образъ твой въ мечтахъ,
 Тогда, не дрогнувши бы, въ прахъ
 Ее рука моя разбила!
 И еслибъ у меня ты въ сердцѣ не жила,
 Какая бъ пустота въ немъ страшная была!
 И кто бытвой почтилъ надгробный камень?
 Пусть суждено тебѣ забвеніе людей;
 Но я — я сохраню въ душѣ моей
 Непогасимой страсти пламень.
 Я знаю, такъ же бы ты сдѣлала, какъ тотъ,
 О комъ ужъ безъ тебя никто, о, другъ единый,
 Въ безмолвный часъ его кручины
 Слезы горячей не прольетъ!
 Одна лишь ты ему была блаженствомъ рай...
 Увы! не долго мнѣ ты счастьемъ цвѣла:
 Ты слишкомъ здѣсь небесною была,
 Чтобъ чья-нибудь любовь земная
 Твоей любви достойна быть могла.

И. Грековъ.

XVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ПОРТУГАЛЬСКОМУ.

Въ кипѣннѣ нѣжности сердечной
Ты *жизнью* друга назвалъ:
Привѣтъ безцѣнный, еслибъ вѣчно
Живая молодость цвѣла.
Къ могилѣ все летитъ стрѣлою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не *жизнью*, а *душою*
Безсмертной, какъ моя любовь.

М. Козловъ.

XIX.

Т Ъ М А.

Я видѣлъ сонъ... не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое — и звѣзды
Скитались безъ цѣли, безъ лучей
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ —
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди — въ ужасѣ бѣды великой —
Забыли страсти прежнія; сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтѣ робко сжались — и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнчанныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ имѣющихъ жилище —
Въ костры слагались; города горѣли —
И люди собирались толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ затѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,

Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли.
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ.
Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обрушались —
И лица, при неровномъ трепетаньи
Послѣднихъ, замирающихъ огней,
Казались неземными. Кто лежалъ
Закрывъ глаза, да плакалъ; кто сидѣлъ
Руками подпираясь — улыбался;
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ и въ ужасѣ безумномъ
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ, а потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махали
Ненужными крылами; даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами; змѣи
Ползли, вились среди толпы, шипѣли
Безвредныя: ихъ убивали люди
На пищу. Снова вспыхнула война,
Погасшая на-время. Кровью купленъ
Кусокъ былъ каждый; всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти — смерти,
Безславной, неизбежной... Страшный голодъ
Терзалъ людей — и быстро гибли люди;
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу; пожиралъ скелетъ скелета,
И даже псы хозяевъ раздирали.

Одинъ лишь пёсъ остался трупъ вѣренъ,
 Звѣрей, людей голодныхъ отгонялъ —
 Пока другіе трупы привлекали
 Ихъ зубы жадные... но пищи самъ .
 Не принималъ; съ унылымъ, долгимъ стономъ
 И быстрымъ, грустнымъ крикомъ, все лизалъ
 Онъ руку, безотвѣтную на ласку —
 И умеръ наконецъ. Такъ постепенно
 Всѣхъ голодъ истребилъ; лишь двое гражданъ
 Столицы пышной — нѣкогда враговъ —
 Въ живыхъ осталось... встрѣтились они
 У гаснущихъ остатковъ алтаря,
 Гдѣ много было собрано вещей
 Святыхъ для грѣшнаго употребленья...
 Холодными, костлявыми руками,
 Дрожа, вскопали золу... огонёкъ
 Подъ слабымъ ихъ дыханьемъ вспыхнулъ слабо,
 Какъ бы въ насмѣшку имъ; когда же стало
 Свѣтлѣе, оба подняли глаза,
 Взглянули, вскрикнули, и тутъ же вмѣстѣ,
 Отъ ужаса взаимнаго, внезапно
 Упали мертвыми, не зная, кто
 Былъ тотъ, на чьемъ лицѣ стояло слово:
Голодный... то есть — *врагъ*. И міръ былъ пусть —
 Тотъ многолюдный міръ, могучій міръ
 Былъ мертвой массой, безъ травы, деревьевъ,
 Безъ жизни, времени, людей, движенья...
 То хаосъ смерти былъ. Озера, рѣки,
 И море — все затихло. Ничего
 Не шевелилось въ безднѣ молчаливой.
 Безлюдные лежали корабли
 И гнили на недвижной, сонной влагѣ;

Безъ шума по частямъ валились мачты
И, падая, волны не возмущали.
Моря давно не вѣдали приливовъ;
Погибла ихъ владычица-луна;
Завяли вѣтры въ воздухѣ нѣмомъ;
Исчезли тучи: тьмѣ не нужно было
Ихъ помощи — она была повсюду...

И. Тургеневъ.

XX.

С О Н Ъ.

1.

Жизнь двойственна: нашъ сонъ свой мѣръ имѣеть,
И этотъ мѣръ — граница между тѣмъ,
Что ложно мы зовемъ существованьемъ
И смертію; свой мѣръ имѣеть сонъ —
Обширный мѣръ дѣйствительности диной;
Встающія въ немъ грѣзы дышуть, плачуть,
Блаженствуютъ и мучатся; онѣ
На бодрый духъ владутъ свои оковы,
Снимаютъ гнѣтъ съ недремлющихъ заботъ,
Двоятъ намъ жизнь и дѣлаются частью
И насъ самихъ, и нашихъ всѣхъ часовъ.
Какъ вѣчности глашатаи, какъ духи
Прошедшаго проносятся онѣ,
О будущемъ вѣщая какъ Сивиллы.
У нихъ въ рукахъ блаженство и печаль;
Онѣ изъ насъ все дѣлаютъ, что только
Угодно имъ, и устрашаютъ насъ
Видѣньями временъ давно минувшихъ.

Но этотъ міръ дѣйствительный ли міръ?
 Не тѣнь ли онъ былого? Эти грѣзы —
 Созданія ли духа или нѣтъ?
 Нашъ духъ творить тѣла и поселяетъ
 Въ планетахъ онъ такія существа,
 Прекраснѣе какихъ ч не бывало,
 И придаетъ дыханіе тѣламъ,
 Переживать способнымъ все плотское.
 Хотѣлъ бы я опять къ себѣ призвать
 Видѣніе, которое явилось
 Мнѣ разъ одинъ — быть можетъ и во снѣ...

2.

Два существа во цвѣтѣ юной силы
 Передо мной стояли на холмѣ
 Прелестнѣйшемъ; отлогій и зеленый,
 Онъ цѣпь холмовъ, казалось, замыкалъ;
 Но ногъ его вода не омывала.
 За то ландшафтъ весь полонъ жизни былъ:
 Кругомъ лѣса и нивы золотыя,
 И сельскія жилища тутъ и тамъ,
 И тихій дымъ на ихъ убогихъ крышахъ.
 Зеленый холмъ носилъ на головѣ
 Какъ-будто бы корону изъ деревьевъ,
 Насаженныхъ въ кружокъ рукой людей,
 А не игрой случайно природы.
 Тамъ дѣвушка и мальчикъ на холмѣ
 Передо мной стояли и смотрѣли:
 Она — на все, что было близъ нея
 И, какъ она, блистало красотою;
 А онъ смотрѣлъ лишь на нее одну.
 И молоды тотъ и другая были,

Но неравны годами; какъ луна
 Прекрасная на краѣ горизонта,
 Она теперь была близка къ порѣ
 Последняго, цвѣтущаго развитія.
 А мальчикъ былъ годами не богатъ,
 Но сердце въ немъ опередило годы.
 Его глаза лишь на одно лицо
 На всей землѣ съ любовію смотрѣли,
 И то лицо блистало для него
 Какъ солнца свѣтъ; не могъ онъ оторваться
 Отъ глазъ ея; онъ ею лишь дышалъ,
 Лишь ею жилъ; въ ней слышалъ онъ свой голосъ,
 Предъ ней молчалъ, но звукъ ея рѣчей
 Въ него вселялъ какой-то сладкій трепеть.
 Въ ней видѣлъ онъ и зрѣніе свое:
 Глаза его слѣдили за глазами
 Ея одной и видѣли лишь то,
 На что она смотрѣла; всѣ предметы
 Ея лишь взоръ ему украсить могъ.
 Онъ пересталъ жить самъ собой; въ ней видѣлъ
 Онъ жизнь свою, великій океанъ,
 Куда текли стремительно потоки
 Всѣхъ думъ его; звукъ голоса ея,
 Ея руки одно прикосновеніе
 Въ его крови то дѣлали приливъ,
 То вдругъ отливъ, и щеки загорались
 Огнемъ любви, и сердце замирало
 Въ груди, само не зная отчего.
 Но этихъ чувствъ она не раздѣляла,
 И вздохъ ея летѣлъ не для него.
 Онъ былъ ей братъ — и только; кровныхъ
 братьевъ

Не довелось имѣть ей, — и ему
 Лишь одному названье это въ дѣтствѣ .
 Дала она — она, послѣдній членъ
 Почтеннаго и древняго семейства,
 Въ былые дни онъ имя то любилъ,
 Теперь оно его не утѣшало.
 И почему? Ахъ! годы принесли
 Нерадостный отвѣтъ его сомнѣньямъ.
 Ахъ! онъ узналъ, что дорогъ ей другой.
 И въ этотъ часъ, взойдя на холмъ зеленый,
 Смотрѣла въ даль она, чтобъ увидать,
 Спѣшитъ ли онъ, возлюбленный, на встрѣчу
 Желаніямъ томительнымъ ея!?

3.

Но тутъ мой сонъ внезапно измѣнился.
 Я видѣлъ домъ старинный; передъ нимъ
 Осѣдланная лошадь землю била;
 Въ готической моельнѣ, одиноко,
 Мой юноша, съ лицомъ печально-блѣднымъ,
 Взадъ и впередъ ходилъ; по временамъ
 Садился онъ и схватывалъ перо
 И вдругъ писалъ загадочное что-то.
 Потомъ опять лицо онъ закрывалъ
 Обѣими руками, и все тѣло
 Какъ въ судоргахъ дрожало... Вдругъ опять
 Онъ вскакивалъ, руками и зубами
 Свое письмо на части рвалъ, но слезъ
 Не проливалъ... Но вотъ онъ сталъ спокойнѣй,
 И тихій свѣтъ проникъ въ его глаза.
 Нежданно дверь моельни отворилась —
 Вошла она — предметъ его любви,

Съ спокойною и милою улыбкой,
 Хоть хорошо извѣстно было ей,
 Что къ ней пылалъ онъ горькою любовью,
 Что тѣнь ея кидала мрачный свѣтъ
 На душу всю несчастнаго; страданье
 И скорбь его — все видѣла она...
 Но нѣтъ — не все... Онъ всталъ и руку милой
 Пожалъ какъ другъ — и на лицѣ его
 Я въ этотъ мигъ увидѣлъ начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 Но скоро все изгладилось... Руку
 Онъ выпустилъ и медленно пошелъ
 Изъ комнаты... Казалось, что разлуки
 Тутъ не было; такъ весело они,
 Спокойно такъ другъ другу улыбались!
 И вышелъ онъ въ высокія ворота,
 Сѣлъ на коня и поскакалъ впередъ.
 И сѣраго, стариннаго порога
 Ужъ никогда не видѣлъ съ той поры.

4.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Изъ юноши онъ мужемъ зрѣлымъ сталъ.
 Далекія пустыни знойныхъ странъ
 Избралъ себѣ отчизной, упивался
 Палящими лучами; видъ его
 И страшень былъ, и мраченъ; не осталось
 Въ немъ ничего отъ прежняго. Всегда
 Онъ странствовалъ по морю и по сушѣ...
 Рой образовъ преслѣдовалъ меня
 И набѣгалъ на душу точно волны,
 Но всюду онъ мнѣ видѣлся... И разъ

Увидѣлъ я: отъ зноя убѣгая,
 Онъ межъ колоннъ разрушенныхъ лежалъ,
 Въ тѣни тѣхъ стѣнъ, развалины которыхъ
 Пережили строителей своихъ.
 И тутъ онъ спалъ. Кругомъ паслись верблюды,
 Не вдалекѣ — фонтанъ, а у него —
 Привязаны породистые кони.
 Въ широкой плащъ одѣтый человекъ
 Сидѣлъ, какъ стражъ, межъ тѣмъ, какъ сладко спали
 Вокругъ его соотчичи его.
 Небесный сводъ служилъ для нихъ покровомъ,
 И этотъ сводъ былъ такъ лазуренъ, чистъ,
 И такъ блисталъ прозрачной красотою,
 Что только Богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ...

5.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
 Та дѣвушка — предметъ его любви* —
 Съ другимъ была обвинчана. Въ отчизнѣ
 Она жила, далеко отъ него.
 Вокругъ нея рѣзвились чудо-дѣти,
 И дѣвочки, и мальчики. Но скорбь
 Была видна въ ея чертахъ прекрасныхъ.
 На всемъ лицѣ лежала тѣнь глубокой
 Борьбы съ собой; тревожно взоръ блуждалъ,
 Какъ-будто бы невидимыя слезы
 Какъ тяжкій гнетъ лежали на глазахъ.
 Но гдѣ же, въ чемъ причина этой скорби?
 Вѣдь у нея все было, что она
 Любила такъ; вѣдь тотъ, кто такъ безумно
 Любилъ ее, ушелъ въ далекий край,
 Все унесъ съ собою, что смущало

Ея души святую чистоту:
 Преступныя надежды, и желанья,
 И явную, тревожную любовь.
 Къ чему же скорбь? Вѣдь онъ ей не былъ дорогъ,
 Вѣдь ни одной надежды никогда
 Не подала она ему, и вѣрно
 Не могъ онъ быть виновникомъ того,
 Что въ сердце къ ней теперь вливалось горе,
 Явившись въ немъ какъ призракъ дней былыхъ.

6.

Мой сонъ опять внезапно пзмѣнился.
 На родину вернулся странникъ вновь;
 Вотъ онъ стоитъ предъ алтаремъ съ невѣстой.
 Она мила, прекрасна, но не то
 Что та — звѣзда всей юности минувшей!
 У алтаря стоитъ онъ, но въ чертахъ
 Такая жъ грусть, какъ нѣкогда въ моельнѣ,
 И та же дрожь, и тотъ же странный видъ,
 И на лицѣ, какъ прежде, начертанье
 Какихъ-то думъ, невыразимыхъ думъ.
 И снова все изгладилось, какъ прежде.
 Такъ онъ стоялъ, спокойный, и обѣтъ
 Проговорилъ спокойно, но не слышалъ
 Самъ словъ своихъ; все шло кругомъ въ глазахъ;
 Передъ собой онъ ничего не видѣлъ,
 И ничего не понималъ. Въ умѣ
 Воскресли вновь старинный домъ, ворота,
 И комнаты знакомыя, и мѣсто,
 И день, и часъ, и солнца свѣтъ, и тѣнь,
 И — ахъ! она — судьба его всей жизни...
 Все видитъ онъ, все вспоминаетъ онъ...

Но для чего вы, злые сны былого,
Невстали такъ, не во время пришли?

7.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Та женщина, кого онъ такъ любилъ —
О, какъ ее душевные недуги
Ужасно измѣнили! Духъ ея
Разстался съ ней и странствовалъ далеко;
Въ глазахъ ея потухнулъ прежній блескъ,
Смѣнившійся небеснымъ выраженьемъ.
Царицею жила она теперь, —
Царицею въ своемъ волшебномъ царствѣ.
Въ ея умѣ смѣшались межъ собой
Несродныя одна съ другою мысли,
И образы, невидимые намъ,
Ея глазамъ являлись очень ясно.
И свѣтъ ее безумною назвалъ.
Но мудреца безумье смыслъ глубокий
Въ себѣ таитъ, и вся тоска его —
Ужасный даръ. Она не что иное
Какъ телескопъ всей правды, съ жизнью насъ
Сближающій: она намъ помогаетъ
Всю эту жизнь увидѣть въ наготѣ,
И черезчуръ, до ужаса правдиво,
Холодную дѣйствительность рисуетъ.

8.

Мой сонъ опять внезапно измѣнился.
Скиталецъ былъ, какъ прежде, одинокъ.
Изъ тѣхъ существъ, которыми онъ прежде
Былъ окруженъ, одни ушли, другіе

Шли на него открытою войной.
 Онъ на челѣ носилъ печать проклятъя
 И горести отчаянной; кругомъ
 Тѣснилися презрѣніе и злоба;
 Во всемъ вкушалъ онъ горькую печаль,
 И наконецъ, какъ Митридатъ понтійскій,
 Питаться сталъ отравой; но она
 Утратила надъ нимъ всю злую силу
 И только жизнь поддерживала въ немъ;
 Да, онъ жилъ тѣмъ, что для другихъ — могила.
 Сдружился онъ съ горами; разговоръ
 Велъ съ звѣздами и духами вселенной:
 Они его учили чудесамъ
 Тайственныхъ мистерій; книга ночи
 Теперь была открыта для него,
 И голоса, несясь изъ безднъ глубокихъ,
 О таинствахъ и чудесахъ ему
 Чудеснаго шептали много, много...

9.

Мой сонъ прошелъ. Окончились видѣнья.
 Но странно! жребій этихъ двухъ существъ
 Почти-что былъ съ дѣйствительностью сходенъ.
 Безумье жизнь покончило въ одномъ,
 Страданіе великое — въ обоихъ.

И. Вейнбергъ.

XXI.

ТОМАСУ МУРУ.

Корабль мой меня поджидаетъ;
Матросы готовятъ ладью;
Но прежде, чѣмъ въ море — за Мура,
За Мура любезнаго пью!

Со вздохомъ гляжу я на дружбу,
Съ улыбкой — на козни враговъ...
И что бъ мнѣ судьба ни сулила,
Я выдержать битву готовъ.

Пусть вокругъ меня море бушуетъ —
Я слажу съ упрямой волной;
Пусть буду покинутъ въ пустынь —
Найду я воды ключевой.

И если останется капля,
Простертый во прахъ, ее
Съ послѣднимъ дыханьемъ я выпью,
Томъ Муръ, за здоровье твое!

И тою водой возліянье
Свершу я, какъ этимъ виномъ,
За общихъ друзей, за здоровье
Твое, мой задумчивый Томъ!

И. Гербель.

XXII.

ТОМАСУ МУРУ.

Какъ поживаешь,
О Томасъ Муръ?
Какъ поживаешь,
О Томасъ Муръ?
Сердцемъ ли таешь,
Пѣсни ль слагаешь,
Очи ль лобзаешь,
О Томасъ Муръ?

Шумъ карнавала
Слышится, Муръ!
Шумъ карнавала
Близится, Муръ!
Пѣсни и пляски,
Флейты и маски,
Говоръ и ласки —
Вотъ они, Муръ!

Н. Гербель.

XXIII.

ПРОСТИ.

1.

Прости! коль могутъ къ небесамъ
Взлѣтать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слѣзъ порой
Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой...

Уста молчать, засохъ мой взоръ.
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь;
Лишь знаю я — и могъ снести —
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую: прости! прости!

М. Лермонтовъ.

2.

Прощай! И если за другихъ
Пріемлютъ небеса моленья —
Не тщетно вопль молитвъ моихъ
Несется въ горнія селенья.
Что вздохи, слезы, вопли? Знай:
Страшнѣе кары преступленья,
Слезы кровавой угрызенья —
Смыслъ этихъ словъ: прощай! прощай!

Въ очахъ нѣтъ слезъ, въ устахъ нѣтъ звука;
Но точатъ мозгъ, но давятъ грудь
И неотвязной думы мука,
И скорбь, которой не заснуть.
Безъ жалобъ въ сердцѣ, какъ въ могилѣ,
Таю я страсти адъ и рай;
Лишь знаю: тщетно мы любили,
Лишь чувствую: прощай! прощай!

А. Григорьевъ.

XXIV.

ДА БУДЕТЪ ВѢЧНЫЙ МИРЪ СЪ ТОБОЙ!

Да будетъ вѣчный миръ съ тобой!
Еще въ небесное жилище
Не возлетала надъ землёй
Душа возвышеннѣй и чище.

Существованья твоего
Ничто людское не смущало:
Безсмертья только одного
Тебѣ у насъ не доставало.

Пускай же твой могильный холмъ
Не вѣетъ горькою утратой,
Да разрастаются на нёмъ
Цвѣты грядюю полосатой...

Не надъ тобою зеленѣть
Вѣтвямъ плакучимъ грустной ивы:
Зачѣмъ, скажите, сожалѣть
О тѣхъ, которые счастливы?..

С. Дуровъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Когда и мракъ, и сонъ въ поляхъ,
 И ночь разлучить насъ,
 Меня, мой другъ, невольный страхъ
 Волнуетъ каждый разъ.

Я знаю, ночь пройдетъ одна —
 На утро мы съ тобой;
 Но дума втайнѣ смущена
 Тревожною тоской.

О! какъ же сердцу не грустить?
 Какъ высказать печаль,
 Когда отъ тѣхъ, съ кѣмъ мило жить,
 Стремилась въ тѣмну даль;

Когда, быть можетъ, увлечотъ
 Невѣрная судьба
 На цѣлый мѣсяць, цѣлый годъ,
 Быть можетъ, навсегда!

И. Козловъ.

XXVI.

22
СЕГОДНЯ МНѢ ИСПОЛНИЛОСЬ 36 ЛѢТЪ.

Миссолонги, 22 января 1824 г. ⁶

О сердце! замолчи! пора забыть страданья...
Ужѣ любви ни въ комъ тебѣ не возбудить;
Но если возбуждать её не въ состояннѣ,
Все жь я хочу еще любить.

Какъ листья, дни мои поблѣкли и завяли;
Цвѣты моей любви оборваны грозой,
И вотъ — грызущій червь, упреки и печали
Одни остались со мной.

Какъ гибельный вулканъ, средь глади водъ без-
брежной,
Мой внутренній огонь клокочетъ съ давнихъ поръ;
Не свѣточъ онъ зажжотъ, таинственный и нѣжный,
А погребальный мой костёръ.

Ни страха, ни надеждъ, ни гордаго страданья,
Ни пламени любви, растроченной въ борьбѣ,
Я раздвѣлять теперь ужѣ не въ состояннѣ,
Неся ихъ цѣпи на себѣ...

Но здѣсь ли и теперь, когда все жаждетъ боя,
Такая мысль могла возстать въ умѣ моёмъ,
Гдѣ слава лаврами вѣнчаетъ гробъ героя,
Или чело его вѣнкомъ?

И слава Греціи вокругъ меня сіяетъ,
Съ ея полями битвъ, хоругвью и мечомъ.
Здѣсь каждый бранный щитъ отважному вѣщаетъ:
«Иль съ нимъ, или на нёмъ!»

Возстань!.. (не Греція — она уже возстала...)
Но ты, душа моя, очнися и возстань
И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя
играла,
Зажгись въ груди моей на брань!

Возстань и раздави могучею пятою
Воспрянувшихъ страстей отжившія мечты!
Возстань, чтобъ отвѣчать холодностью одною
На смѣхъ и слезы красоты!

Къ чему же жить, когда ты юности жалѣешь?
Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной предъ тобой.
Впередъ! и покажи, что ты еще сдумѣешь
Погибнуть въ битвѣ какъ герой!

Иди, ищи того, что часто въ нашей долѣ,
Не думая найти, находятъ безъ труда —
Могилу воина; найти ее на полѣ
И успокойся на всегда!

И. Гербель.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ МЕЛКИМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

1.

СТАНСЫ КЪ АВГУСТЪ.

¹⁾ Леди Августа Лей — сестра Байрона. Эти стансы — прощальный привѣтъ той, чья неизмѣнная любовь была единственнымъ утѣшеніемъ поэта во время семейнаго несчастія — были, кажется, послѣдними стихами, написанными лордомъ Байрономъ въ Англіи. «Сестра моя теперь со мной», писалъ онъ, отъ 16-го апрѣля 1816 года, Роджерсу: «но завтра она уѣзжаетъ. Мы расстаемся во всякомъ случаѣ на долго, а можетъ быть и на всегда. Это обстоятельство послужитъ мнѣ извиненіемъ предъ вами и Шериданомъ въ томъ, что я не могу видѣться съ вами нынче вечеромъ». Это было послѣднее свиданіе Байрона съ сестрою — единственнымъ существомъ, которое оставлялъ онъ тогда съ сожалѣніемъ.

II.

ПРОСТИ.

²⁾ Стихотвореніе это относится къ леди Байронъ и не предназначалось для печати. Оно сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ по нескромности одного пріятеля поэта, которому тотъ позволилъ списать его.

X.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ИЗВѢСТІЯ О БОЛѢЗНИ ЛЕДИ БАЙРОНЪ.

³⁾ Стихи эти были написаны вскорѣ послѣ неудачной попытки лорда Байрона къ примиренію съ женою, сдѣланной до пѣздки его въ Швейцарію и Италію. Они не назначались для печати и только впоследствии вошли въ собраніе стихотвореній Байрона.

XII.

АЭНИСКОЙ ДѢВУШКѢ.

4) «Это — романское выраженіе любви. Если я переведу его, то обижу тѣмъ мужчинъ, которые могутъ принять это за недовѣріе къ ихъ способности перевести приведенную фразу самимъ, а если не переведу, то обижу дамъ. Боясь недоразумѣнія со стороны послѣднихъ, я рѣшаюсь перевести, прося извиненія у учёныхъ. Это значитъ: «Жизнь моя, люблю тебя!», что звучитъ очень мило на всѣхъ языкахъ. Фраза эта теперь такъ же часто употребляется въ Греціи, какъ употреблялись ея первыя два слова римлянами, эротическія выраженія которыхъ перешли къ грекамъ». *Байронъ.*

XIII.

СТИХИ, ВЫРЪЗАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕРЕПА.

5) «Садовникъ, копая землю, нашелъ черепъ, принадлежавшій, вѣроятно, какому нибудь монаху абатства того времени, когда оно уже перестало быть монастыремъ. Пораженный его огромностью и тѣмъ, что онъ такъ хорошо сохранился, мнѣ пришла странная мысль сдѣлать изъ него чашу для вина. Я отправилъ черепъ въ городъ — и онъ возвратился ко мнѣ оттуда отлично отполированный и какого-то пестраго цвѣта, въ родѣ черепахи». *Байронъ.*

XXVI.

СЕГОДНЯ МНѢ ИСПОЛНИЛОСЬ 36 ЛѢТЪ.

6) «Сегодня утромъ, 22-го января 1824 года лордъ Байронъ пришелъ изъ своей спальни въ комнату, гдѣ былъ полковникъ Стангопъ и еще нѣсколько пріятелей и весело сказалъ: «Вы все укоряете меня, что я не пишу стиховъ. Нынче день моего рожденія, и я только что кончилъ вотъ эту вещь, которая мнѣ кажется лучше обыкновеннаго». И онъ показалъ имъ эти возвышенные и трогательные стихи». *Графъ Гамба.*

НЕВЪСТА АБИДОССКАЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Кто знаетъ край далекій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и томный миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они какъ призраки растутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной?
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка:
Гдѣ ястребъ тихъ, а горлица дика.
Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ шумить и вѣтса виноградъ,
Гдѣ вѣтерокъ, носищій аромать,
Подъ ношею въ эфирѣ утопаетъ,
Во всей красѣ гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещрѣнъ,
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ,
Гдѣ дивно все, видъ рощей и полянъ,
Лазурный сводъ и радужный туманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ?
И дѣвы тамъ свѣжѣ розъ душистыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ волнистыхъ.
Тотъ край — Востокъ, то — солнца сторона!
Въ ней дышитъ все божественной красою;

Но люди тамъ съ безжалостной душою...
 Земля какъ рай... Увы! зачѣмъ она —
 Прекрасная — злодѣямъ предана?
 Въ ихъ сердцахъ месть; ихъ повѣсти печальны,
 Какъ стонъ любви, какъ поцалуи прощальный.

II.

Собравъ диванъ, Яфаръ съдой
 Сидѣлъ угрюмо. Вкругъ стояли
 Рабы готовою толпой —
 И стражей быть, и мчаться въ бой.
 Но думы мрачныя летали
 Надъ престарѣлою главой.
 И, по обычаямъ Востока,
 Хотя поклонники пророка
 Скрываютъ хитро отъ очей.
 Порывы бурныя страстей —
 Все, кромѣ спѣси ихъ надменной;
 Но взоры пасмурны, смущенны
 Являли всѣмъ, что въ тайнѣ онъ
 Какимъ-то горемъ угнетѣнъ.

III.

«Оставьте насъ!» Идутъ толпою.
 «Гаруна вѣрнаго ко мнѣ!»
 И вотъ — Яфаръ наединѣ
 Остался съ сыномъ. Предъ пашою
 Арабъ стоитъ. «Гарунъ! скорѣй
 «Иди за дочерью моею
 «И приведи ко мнѣ съ собою;
 «Но пережди, чтобъ внѣшній дворъ
 «Толпа военныхъ миновала:

«Бѣда тому, чей узрить взоръ
 «Ея лицо безъ покрывала!
 «Судьба Зюлейки рѣшена;
 «Но ты ни слова; пусть она
 «Свой жребій отъ меня узнаеть».
 — «Что мнѣ паша повелѣваетъ,
 «Исполню я». Другихъ нѣтъ словъ
 Межъ властелина и рабовъ.
 И вотъ ужъ къ башнѣ отдаленной
 Начальникъ эвнуховъ бѣжитъ.
 Тогда, съ покорностью смиренной,
 Принявъ привѣтно-нѣжный видъ,
 Умильно сынъ къ отцу подходитъ —
 И, поклонясь, молодой Селимъ
 Съ пашою грознымъ рѣчь заводитъ,
 Съ почтеньемъ стоя передъ нимъ.

«Ты гнѣвенъ, — но чужой виною,
 «Отецъ! сестры не упрекай,
 «Рабыни черной не карай...
 «Виновенъ я передъ тобою.
 «Сегодня раннею зарей
 «Такъ солнце весело играло,
 «Такою свѣтлою красой
 «Поля и волны озаряло —
 «Мой сонъ неволью отъ очей
 «Бѣжалъ; но грусть меня смущала,
 «Что тайныхъ чувствъ души моей
 «Ничья душа не раздѣляла...
 «Я перервалъ Зюлейки сонъ —
 «И какъ замки сторожевые
 «Доступны мнѣ въ часы ночные,

«То мимо усыпленныхъ жонъ
 «Тихонько въ садъ мы убѣжали —
 «И рощи, волны, небеса,
 «Какъ бы для насъ цвѣли, сіяли,
 «И мнилось: наша ихъ краса...
 «Мы унеслись — мы были рады
 «Отдаться сладостнымъ мечтамъ;
 «Междуна сказки, пѣсни Сади ¹
 «Еще милѣй казались намъ, —
 «Какъ вѣщій грохотъ барабана ²
 «Мнѣ вдругъ напомнилъ часъ дивана —
 «И во дворецъ являюсь я:
 «Къ тебѣ мой долгъ меня приводитъ.
 «Но и теперь сестра моя —
 «Задумчива — по рошамъ бродить.
 «О, не гнѣвись! толпа рабовъ
 «Гаремъ всечасно охраняетъ,
 «И въ тихій мракъ твоихъ садовъ
 «Лукавый взоръ не проникаетъ.»

IV.

«О сынъ рабы!» паша вскричалъ:
 «Напрасно я надеждой льстился,
 «Чтобъ ты съ годами возмужалъ.
 «Отъ нечестивой ты родился!
 «Иной бы, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
 «То борзыхъ объѣзжалъ коней,
 «То стрѣлы раннею зарёю
 «Бросалъ бы мѣткою рукою,
 «Но — грекъ не вѣрой, грекъ душой —
 «Ты любишь нѣгу и покой,
 «Сидишь надъ свѣтлыми водами,

« Или плѣнишься цвѣтами.
 « Ахъ! признаюсь, желалъ бы я,
 « Чтобъ, взоръ лѣнивый весели,
 « Хотя бъ небесное свѣтило
 « Твой слабый духъ воспламенило.
 « Но — нѣтъ! позоръ земли родной!
 « О! если бурною рѣкой
 « Полки московитинъ нахлынутъ,
 « Стамбула башни въ прахъ низринутъ,
 « И разорить мечомъ, огнѣмъ
 « Отцовъ завѣтную обитель —
 « Ты, грозной съчи вялый зритель,
 « Ты лёнъ приди, — и стукъ мечей
 « Лишь страхъ родить въ душѣ твоей...
 « Но самъ ты мчишься за бѣдою...
 « Смотри же, чтобъ опить съ тобою
 « Зюлейка тайно не ушла...
 « Не то — вотъ лукъ и вотъ стрѣла!»

V.

Уста селимовы молчали;
 По взоръ отцовъ, отцова рѣчь
 Убийственнѣй, чѣмъ русскій мечъ,
 Младое сердце уязвляли.
 « Я сынъ рабы? я слабъ душой!
 « Кто жъ мой отецъ?... Давно бъ иной
 « Паль мертвый за упрекъ такой».

Такъ думы чорныя раждались,
 И очи гнѣвомъ разгарались,
 И гнѣва скрыть онъ не хотѣлъ.
 Яфаръ на сына посмотрѣлъ —
 И содрогнулся... Ужъ явилась

Кичливость юноши предъ нимъ;
 Онъ зреть, какъ раздражонъ Селимъ,
 И какъ душа въ немъ взволновалась.
 «Что жъ ты ни слова мнѣ въ отвѣтъ?
 «Я вижу все: отваги нѣтъ, —
 «Но ты упрямъ; а будь ты смѣлый
 «И сильный, и годами зрѣлый —
 «Ты вѣрно бы свое копье
 «Переломилъ — хоть объ мое.»
 И взглядъ презрѣнья довершаетъ
 Паши насмѣшливый укоръ;
 Но дерзкій видъ, обидный взоръ
 Селимъ безстрашно возвращаетъ —
 Самъ гордо на него глядитъ,
 Гроза въ очахъ его горитъ,
 И старецъ взоры опускаетъ,
 И съ тайной злобою молчитъ.
 «Онъ мнѣ рожденъ для оскорбленья,
 «Онъ мнѣ постылъ со дня рожденья,
 «Но что жъ? — его безъ силы длань
 «Лишь серну дикую и лань
 «Разить на ловлѣ безопасной;
 «Его страшиться мнѣ напрасно.
 «Ему ли съ робкою душой
 «За честь летѣть на смертный бой?
 «Меня кичливость въ немъ смущаетъ,
 «Въ немъ кровь... чья кровь?... Уже ль онъ
 знаетъ?..
 «Въ моихъ очахъ онъ, какъ арабъ,
 «Какъ слабый въ битвахъ, подлый рабъ..
 «Я усмирю въ немъ духъ мятежный!
 «Но чей я слышу голосъ нѣжный?...

«Не такъ плѣнителенъ напѣвъ
 «Эдемскихъ свѣтлоокихъ дѣвъ.
 «О дочь! тобою жизньъ яснѣе.
 «Ты матери своей милѣе;
 «Съ тобою мнѣ, подъ сумракъ лѣтъ,
 «Однѣ надежды, горя нѣтъ;
 «Какъ путника въ степи безводной
 «Живить на солнцѣ ключъ холодной,
 «Такъ веселить взоръ жадный мой
 «Явленье Пери молодой.
 «Какой поклонникъ въ поднебесной
 «Передъ гробницею чудесной
 «Пророка пламеннѣй молилъ?
 «Кто такъ за жизньъ благодарилъ,
 «Какъ я за дочь, мою отраду,
 «Его прекрасную награду?
 «Дитя мое... О! сладко мнѣ
 «Благословенье дать тебѣ!»

VI.

Плѣнительна, свѣтла, какъ та мечта живая,
 Которая съ собой несетъ видѣнья рая
 Страдальца горестнымъ, видѣннй полнымъ
 снамъ,
 И радуеть тоску, что встрѣча есть сердцамъ,
 Что въ небѣ отдана отрада намъ земная,
 Мила, какъ память той, чей святъ безцѣнный
 прахъ,
 Чиста, какъ у дѣтей молитва на устахъ —
 Была Яфара дочь. Заплакалъ вождь угрюмый,
 Когда она вошла, и не отъ мрачной думы.
 Кто самъ не испыталъ, что словъ на свѣтѣ нѣтъ

Могущей красоты изобразить сиянье?
 Предстанетъ ли предъ кѣмъ: въ душѣ очарованье,
 Исчезнетъ — и въ очахъ затмится Божій свѣтъ,
 И, сладостно томясь, веселый и унылый,
 Онъ сердцемъ признаетъ всю власть чудесной
 силы.

Зюлейка такъ блеститъ той прелестью молодой,
 Которой имя нѣтъ, безвѣстной ей одной,
 Невинностью цвѣтетъ, любовью пламенѣтъ,
 И музыка у ней съ лица, какъ будто, вѣтъ,³
 И сердце нѣжное льетъ жизнь ея красамъ.
 А взоръ? — о! этотъ взоръ — онъ былъ душою
 самъ!

Она вошла — главу склонила
 И руки бѣлыя крестомъ
 На перси юныя сложила —
 И передъ сумрачнымъ отцомъ
 Съ улыбкою смиренной стала,
 И на плечо къ нему припала,
 И бѣлоснѣжную рукой
 Привѣтно старца обнимала.
 Лаская дочь, Яфаръ нѣмой,
 Унылый, дѣло начатое
 Уже готовъ былъ отмѣнить;
 Яфаръ боялся погубить
 Ея веселье молодое;
 Онъ чувствомъ былъ прикованъ къ ней:
 Но гордость въ немъ всѣхъ чувствъ спльнѣй.

VII.

«Зюлейка — сердца утѣшенье!
 «Тебѣ сей день докажетъ вновь

«Мою отцовскую любовь;
 «Съ тобой мнѣ тяжело разлученье;
 «Но я, забывъ печаль мою,
 «Тебя въ замужство отдаю.
 «Женихъ твой славенъ, — межъ военныхъ
 «Онъ всѣхъ храбрѣй. Османъ рожденъ
 «Отъ древнихъ, доблестныхъ племенъ —
 «Отъ Тимарьетовъ неизмѣнныхъ,
 «Никѣмъ, нигдѣ непобѣжденныхъ;
 «Короче, я тебѣ скажу:
 «Онъ родственникъ Пасванъ-Оглу. ⁴
 «До лѣтъ его какое дѣло!
 «Не юноши искалъ я самъ;
 «Тебѣ жъ приданое я дамъ,
 «Которымъ ты гордишься смѣло.
 «Когда жъ все будетъ свершено, —
 «И наши силы за одно,
 «То посмѣемся мы съ Османомъ
 «Надъ жизнь отъемлющимъ фирманомъ —
 «И головы не сбережетъ,
 «Кто въ даръ снурокъ къ намъ привезетъ. ⁵
 «Теперь, моей внимая волю,
 «Послушна мнѣ, ему вѣрна,
 «Уже ты съ нимъ искать должна
 «Любви и счастья въ новой долѣ.»

VIII.

И дѣва юною главою
 Безмолвно, робкая, поникла,
 И вѣсть, разящею стрѣлой,
 Казалось, грудь ея проникла.
 Въ смятеньи тяжкомъ и нѣмомъ,

И чувствамъ воли дать не смѣя,
 Она стояла предъ отцомъ
 Блѣдна, какъ ранняя лилея.
 Вотъ вздохъ прокрался; на щекахъ
 Зардѣлись дѣвственныя розы,
 И на потупленныхъ очахъ
 Невольно навернулись слѣзы.
 Что можетъ, что съ твоей красой,
 Румянецъ дѣвственный, равняться! —
 И жалость нѣжная тобой
 Всегда готова любоваться!
 И что, что можетъ такъ плѣнять,
 Какъ слезы красоты стыдливой?
 Ихъ жаль самой любви счастливой
 Лобзаньемъ страстнымъ осушать!
 Но ужъ о томъ, какъ съ ней одною
 Селимъ въ саду гулялъ зарею,
 Иль не хотѣлъ, иль позабылъ,
 Яфаръ совсѣмъ не говорилъ.
 Онъ трижды хлопаетъ руками, ⁶
 Чубукъ въ алмазахъ съ янтарями ⁷
 Рабамъ вошедшимъ отдаетъ;
 Ужъ конь его арабскій ждетъ;
 Онъ бодро на него садится,
 И въ поле чистое летитъ —
 Смотрѣтъ воинственный джиридъ;
 Предъ нимъ, за нимъ несется, мчится
 Дельгисовъ, ⁸ мамелюковъ рой
 И черныхъ мавровъ легкой строй;
 Готовы дротики тупые,
 Кинжалы, сабли ужъ блестятъ;
 Туда всѣ скачутъ, всѣ летятъ,

Лишь у воротъ неподкупные
Татары на часахъ стоятъ.

IX.

И подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межъ Дарданелъ онъ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ;
Но онъ, унылый, не видалъ
Ни моря съ синими волнами,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцевъ удалыхъ,
Стремящихся передъ пашою
Шумъ грозный съчей роковыхъ
Представить бранною игрою.
Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣвають,
Какъ сабли острыя мелькаютъ,
И какъ съ размаха пополамъ
Чалмы двойныя разсѣкаютъ; ⁹
Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ
За свистомъ дротиковъ несется
И какъ въ долину раздается:
Аллахъ! Аллахъ! ихъ дивій влигъ... ¹⁰
Душа полна мечтой одною —
Яфара дочерью младою.

X.

Задумчиво сидѣлъ Селимъ,
Печаленъ, блѣденъ, недвижимъ,

И сквозь рѣшотку онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ.
Вздохнула дѣва, вздохъ невольно
Ея всѣ думы рассказалъ.
Такой внезапною грозою
Душа Зюлейки смущена —
Ахъ! розной съ нимъ — но и она
Уже волнуется тоской
Въ любви младенческой, живой:
У ней такъ нѣжно сердце билось;
Но вдругъ теперь въ груди молодой
Невнятно что-то пробудилось:
Какой-то стыдъ, какой-то страхъ,
И рѣчь нѣмѣетъ на устахъ.
И можно ль долго ей таиться?
И какъ начать? и въ чемъ открыться?
«Что можетъ такъ его томить?
«Зачѣмъ ему меня чуждаться?
«Не такъ мы съ нимъ привыкли жить,
«Не такъ намъ должно разставаться!»
И вотъ нарочно вокругъ него
Прекрасная въ раздумьи ходитъ,
А онъ и взора своего
Уже на дѣву не возводитъ.
Но что жъ — кувшинъ въ углу блеститъ
Съ персидской розовой водою;
Она къ ней весело летитъ
И плещетъ легкою рукою
На стѣны мраморны съ рѣзбою,
На златотканые ковры —
Восточной роскоши дары.
Потомъ на милаго взглянула,

Къ нему бросается стрѣлой
 И вдругъ душистою водой,
 Рвзвась, на юношу плеснула;
 Но онъ не слышитъ, не глядитъ,
 И подъ одеждой парчевою
 Вода душистая бѣжитъ
 Студеною по немъ струею,
 А онъ не чувствуетъ. Селимъ
 Сидитъ какъ мраморъ недвижимъ.
 «Онъ все молчитъ, тоской томимый;
 «Но разгоню его мечты...
 «Бывало, онъ любилъ цвѣты,
 «И я ему цвѣтокъ любимый
 «Сама сорву, сама подамъ».
 И дѣва кинулась къ цвѣтамъ,
 Весельемъ дѣтскимъ оживилась,
 И роза мигомъ сорвана —
 И вотъ бѣжитъ, и вотъ она
 У ногъ Селима очутилась.

«Любовникъ розы — соловей ¹¹
 «Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый;
 «Онъ станетъ пѣсню своей
 «Всю ночь плѣнять твой духъ унылый.

«Онъ любитъ пѣть во тьмѣ ночей, —
 «И дышитъ пѣснь его тоскою;
 «Но, обнадеженный мечтою,
 «Споетъ онъ пѣсню веселѣй.

«И съ думой тайною моею
 «Тебя коснется пѣнья сладость,

«И напоетъ на сердце радость
«Любовникъ розы — соловей.

XI.

«Но ты цвѣтка не принимаешь,
«И гнѣвъ на горестномъ челѣ, —
«Ужь ты со мною не играешь!
«Скажи, кому жь ты милъ, какъ мнѣ?
«О мой Селимъ! о, сердцу милый!
«Меня страшить твой взоръ унылый,
«Уже ль меня ты разлюбилъ?
«Ахъ! если выдумкой напрасной
«Твоей тоски не усладилъ
«И соловей мой сладкогласной:
«На грудь ко мнѣ склонись, склонись,
«Вотъ поцалуй — развеселись!
«Родитель грозный мой съ тобою,
«Я знаю, и суровъ и строгъ;
«Но ты къ нему привыкнуть могъ,
«И какъ за то любимъ ты мною!
«Увы! не то ль крушить тебя,
«Что замужъ выдаютъ меня?
«Османъ, женихъ мой нареченной...
«Иль, можетъ быть, онъ недругъ твой?
«Клянуся Меккою святой,
«Клянусь любовью неизмѣнной,
«Когда не ты велишь мнѣ самъ,
«Руки султану не отдамъ!
«Уже ль, Селимъ, тебя лишиться,
«И сердцемъ мнѣ съ другимъ дѣлиться?
«О! если бъ что, какой судьбой,
«Меня съ тобою разлучило, —

«Кто будетъ другъ — хранитель мой,
 «И быть кому твоею милой?
 «Не билъ, и не пробьетъ для насъ
 «Ужасный разставанья часъ!
 «Самъ Азраилъ, ¹² явясь предъ нами
 «Съ колчаномъ смерти за плечами,
 «Стрѣлой одною насъ сразить
 «И въ прахъ одинъ соединить!»

ХІІ.

Онъ ожилъ — дышитъ — зреть — вникаетъ,
 Онъ дѣву тихо поднимаетъ,
 Печали нѣтъ, исчезъ укоръ,
 И вся душа въ очахъ сверкаетъ,
 И думы тайной полонъ взоръ.

Какъ спертый дубами
 Потокъ, разъярясь,
 Бушуетъ волнами,
 Въ долину стремись;
 Какъ ночью зарницы
 Изъ тучи блестятъ,
 Сквозь темны рѣсницы
 Такъ очи горятъ.
 Ни конь, оживленный
 Военной трубой,
 Ни левъ, уязвленный
 Внезапной стрѣлой,
 Ни варваръ, смятенный
 Полночной порой,
 Страшнѣй не трепещетъ,
 Когда вдругъ заблещетъ
 Кинжалъ роковой,

Какъ онъ — въ пылу любви мятежной —
 Дрожалъ при влятвѣ дѣвы нѣжной,
 И все, что думалъ, что таилъ,
 Въ порывѣ пламенномъ открылъ:
 «Моя, и будешь ты моею!
 «Моя и здѣсь, моя и тамъ!
 «Мы клятвой связаны твоею,
 «Она свята обоимъ намъ;
 «Ту клятву — вѣрь, ее внушила
 «Тебѣ таинственно любовь.
 «Не знаешь ты, какую кровь
 «Она одна остановила!
 «Но не блѣднѣй — тобой, въ тебѣ
 «Все мило, все священно мнѣ.
 «Я всѣхъ сокровищъ драгоценныхъ,
 «У Истакара сокровенныхъ
 «Въ пещерахъ глубоко въ землѣ, ¹³
 «За кудри не возьму младя,
 «Небрежно въ кольца завитыя
 «На дѣвственномъ твоемъ челѣ.
 «Какъ страшно тучи надо мною
 «Сегодня гранули грозою!
 «Мнѣ смѣлъ сказать родитель твой,
 «Что вилъ и робокъ я душой,
 «Что будто я рожденъ рабой....
 «Теперь узнаетъ онъ, надменный,
 «Кто сынъ рабы его презрѣнной!...
 «Увидитъ онъ, таковъ ли я,
 «Чтобъ могъ онъ устрашить меня!
 «И по тебѣ, быть можетъ, снова
 «Я назову его отцомъ.
 «Но о сердечномъ, о святомъ

«Обѣтъ нашемъ ты ни слова.
 «Извѣстенъ мнѣ коварный бей...
 «Онъ смѣлъ искать руки твоей!
 «Его чины, его имѣнье —
 «Плоды неправды, ухищренья.
 «Онъ съ негропонтскихъ береговъ,¹⁴
 «Не лучше родомъ онъ жидовъ.
 «Но знай, судьба не такъ сурова,
 «Лишь тайной клятвы не открой,
 «А споръ ему имѣть со мной!
 «Ужь мечь на чорный день готова —
 «Есть и винжалы, и друзья...
 «И ты не вѣдаешь кто я.»

XIII.

«Кто ты? О! что жъ ты измѣнился?
 «Давно ль румяная заря
 «Веселымъ видѣла тебя,—
 «И вдругъ тоскою омрачился;
 «Ты зналъ, нельзя любви моей
 «Ни охладѣть, ни быть живѣй;
 «Дышу надеждою одною,
 «Твой взглядъ, улыбку, рѣчь ловить,
 «Тобою сердце веселить,
 «И жить и умереть съ тобою.
 «И можетъ быть ночную тѣнь
 «За то одно я ненавижу,
 «Что лишь когда сіяетъ день,
 «Селима я свободно вижу.
 «Цалуй меня, цалуй, цалуй
 «Въ уста, и въ очи, и въ ланиты!
 «Но, ахъ! онъ жжотъ — твой поцалуй,

«Пылаетъ въ немъ огонь сокрытый;
 «Ужь и меня объѣмлетъ страхъ,
 «Я вся дрожу и пламеню, —
 «И стелется туманъ въ очахъ,
 «И чувствую, что я красню.
 «Хочу я нѣжностью живой
 «Лелѣть милаго покой,
 «Съ нимъ раздѣлять и жизнь и сладость,
 «И бѣдность весело сносить...
 «Съ тобой во всемъ найду и радость,
 «Лишь бы тебя не пережить...
 «О, нѣтъ, нельзя желать Селму
 «Еще нѣжнѣе быть любиму.
 «Любить нѣжнѣй могу ли я?
 «Но ты и взоромъ и рѣчами
 «Наводишь ужасъ на меня!
 «Что за книжалы, за друзья?
 «Какая тайна между нами?
 «И клятву нашихъ двухъ сердець
 «Хотя бѣ узналъ Яфаръ угрюмой,
 «Ужь надъ моей сердечной думой
 «Не властенъ грозный мой отецъ.
 «Но вѣрь, Селимъ, мой надеждъ —
 «Не приневолятъ онъ меня!
 «Могу ль я не любить тебя,
 «Тебя, кого любила прежде?
 «Съ тобою вмѣстѣ дѣтскихъ дней
 «Часы веселые летѣли,
 «Съ тобой играла въ колыбели, —
 «Ты спутникъ младости моей.
 «Что жъ хочешь ты, чтобъ мы тайлись
 «Въ любви прекрасной и святой,

«Невинной нашею мечтой,
 «Которой прежде мы гордились?
 «Законы наши, вѣра, Богъ
 «Велить намъ жить безвѣстно въ свѣтѣ;
 «Но для меня ль пророкъ былъ строгъ
 «Въ своемъ таинственномъ завѣтѣ?
 «Въ удѣлѣ, сердцу дорогомъ,
 «Онъ все мнѣ далъ въ тебѣ одномъ.
 «Ахъ! и меня печаль терзала! —
 «Какъ руку чуждому отдать?
 «Отцу я все бы рассказала,
 «Но ты, Селимъ, велишь молчать.
 «Съ душой неопытной, простою,
 «Ужасенъ мнѣ обмана видъ,
 «И что-то все, грози бѣдою,
 «Какъ тяжкій грѣхъ, мени страшить.
 «Но вотъ ужъ кончился джиридъ,
 «И чекодаръ ¹⁵ летитъ обратно;
 «Вотъ и отецъ съ забавы ратной...
 «Боюсь взглянуть я на него...
 «Селимъ, скажи мнѣ, отчего?»

XIV.

«Зюлейка, ты спѣши укрыться
 «Въ высокомъ теремѣ своемъ;
 «Я долженъ, я могу явиться
 «Передъ разгнѣваннымъ отцомъ.
 «Внезапно съ береговъ Дуная
 «Къ намъ вѣсть примчалась роковая.
 «Визирь писалъ, что врагъ разбитъ,
 «А самъ отъ гяуровъ бѣжить.
 «Но подвигамъ вождя такова

«И у султана мзда готова.
«Когда же барабанный бой
«Военнымъ ужинъ и покой
«Съ вечерней возвѣститъ зарю,
«Тогда во тьмѣ, никѣмъ незримъ,
«Въ гаремъ прокрадется Селимъ, —
«И мы уйдемъ порой ночью.
«Черезъ садъ — на берегу морскомъ,
«Уединенномъ и крутомъ,
«Въ тиши бесѣдовать съ тобою.
«Не бойся, будутъ насъ стеречь
«И темна ночь и острый мечъ.
«Гарунъ за насъ, и въ часъ урочный...
«Рѣшись, Зюлейка, не робѣй!»
— «Робѣть съ тобой!»

«Иди жь скорѣй!

«Гарема ключъ въ рукѣ моей.
«Узнаешь ты во тьмѣ полночной
«Мой рокъ, мой страхъ, мои мечты:
«И я не то, что мнила ты.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтеръ дуетъ,
Клубить волнами и бушуетъ,
Какъ бушевалъ передъ грозой,
Когда погибъ, въ ночи ужасной,
Тотъ юный, смѣлый и прекрасной,
Что былъ единственной мечтой
Сестѣса дѣвы молодой.
Бывало только лѣсъ сгустится
И вѣщій факель загорится,
Тогда хоть вѣтеръ и шумить,
Хоть море гнѣвное кипить
И съ пѣной къ берегу несѣтся,
И небо тьмится черной мглой,
И птицъ морскихъ станица вѣется,
Перекликаясь предъ грозой,
Но онъ смотрѣть, внимать не хочетъ,
Какъ небо тьмится, валъ грохочетъ:
Всѣ факель свѣтится въ очахъ
Звѣздой любви на небесахъ;
Не шумъ грозы, но томной дѣвы
Ему всё слышатся напѣвы:
«Неси, волна, въ полночной тьмѣ,

«Скорѣ милаго ко мнѣ!»
 Вотъ старина — и намъ дивиться
 Не должно ей: быть можетъ, вновь
 Пылатъ сердцамъ вѣдѣть любовь,
 И эта былъ возобновится.

II.

Надъ Геллеспонтѣмъ вѣтръ шумить;
 Онъ, волны черныя вздымая,
 Ихъ въ море бурное клубить;
 И, разстилаясь, тѣнь ночная
 На полъ томъ уже легла,
 Гдѣ такъ напрасно кровь текла;
 Скрываютъ мрачные туманы
 Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ,
 На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
 Одни могильные курганы.
 Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца —
 Ничто бъ отъ мрака не спалося
 Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца
 Съ холмовъ кремнистаго Хіоса.

III.

И я былъ тамъ! и видѣлъ я
 Тотъ берегъ, мечты священной полный;
 И я былъ тамъ!... тамъ и меня
 Купучія носили волны.
 Пѣвецъ! когда жъ удастся мнѣ,
 Въ твоей минувшаго странѣ,
 Тому думою высокой,
 Бродить опять по тѣмъ полямъ,
 Гдѣ дивное понятно намъ,

Гдѣ каждый холмикъ одинокой
 Останки славныя хранить,
 И гдѣ, какъ прежде, всё шумить,
 Шумить твой Геллеспонтъ широкой: ¹⁶
 И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
 Кто предъ завѣтной ихъ красою,
 Пѣвецъ, рассказъ чудесный твой
 Считаетъ выдумкой одною!

IV.

Одѣлись волны черной мглой,
 И съ мракомъ ужасъ ночь наводитъ,
 А надъ туманною горой
 Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
 О Ида! онъ съ твоихъ высотъ,
 Бывало, свѣтъ дрожащій льѣтъ
 На поле битвъ; но смолкло поле —
 И нѣтъ на немъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
 Которымъ часто въ тѣмъ ночей
 Былъ въ гибель блескъ его лучей.
 Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
 Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
 Пасутъ стада вокругъ могилы
 Того, кто славный и молодой
 Сражонъ дарданскою стрѣлой.
 Здѣсь возвышался холмъ унылый,
 Здѣсь сынъ Аммона горделивый, ¹⁷
 Свершая тризну, пировалъ.
 Сей холмъ народы воздвигали,
 Цари могучіе вѣнчали;
 Но самъ курганъ надмѣнный палъ,
 И въ безымянной здѣсь пустынь

Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.
 О ты, жилецъ его былой!
 Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
 Пришлецъ одинъ на нёмъ мечтаетъ
 О томъ, кого и въ гробъ нѣтъ,
 И свой задумчивый пригѣтъ
 Пустыннымъ вѣтрамъ повѣряетъ.
 Нашъ прахъ какъ бы живетъ въ гробахъ;
 Но твой — исчезъ и самый прахъ.

V.

Взойдетъ, взойдетъ въ свой часъ урочной
 Сребристый рогъ луны полночной,
 Утѣшитъ мирныхъ пастуховъ,
 И страхъ отгонитъ отъ пловцовъ;
 Но до луны, всё тьма скрываетъ;
 Маякъ на взморѣ не пылаетъ,
 И въ мглѣ туманной лёгкій чолнъ
 Нырять робко между волнъ.
 Вездѣ, вдоль берега морского,
 Въ домахъ свѣтились огни, —
 Но вотъ, одинъ послѣ другого,
 Уже потухнули они.
 Лишь только въ башнѣ одинокой
 Младой Зюлейки свѣтъ блеститъ,
 Лишь у нея, въ ночи глубокой,
 Лампада поздня горитъ,
 И тускло свѣтитъ пламень томной
 Въ диванной тихой и укромной,
 Блестя на тканяхъ золотыхъ
 Ея иодушегъ парчевыхъ.
 На нихъ пзъ янтарей душистыхъ ¹⁸

Вотъ чотки дѣвы молодой,
 Которыя въ молитвахъ чистыхъ
 Она лилейною рукой
 Такъ набожно перебираетъ;
 И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
 Съ словами Курзи талисманъ;
 Ахъ! что жь она его забыла...
 Въ немъ тайная хранится сила,
 И ей онъ матерью былъ данъ...¹⁹
 И съ комболойе²⁰ вотъ Коранъ,
 Раскрашенъ яркими цвѣтами;
 А подлѣ — съ пестрыми каймами
 Тетради пѣсенъ и стиховъ
 Счастливой Персіи пѣвцовъ,
 И люгня, бывшая подруга
 Ея веселаго досуга;
 А вокругъ лампы золотой
 Цвѣтутъ цвѣты, благоухая,
 Въ фарфорѣ расписномъ Китая,
 И дышутъ свѣжею весной.
 И пышные ковры Ирана,
 И ароматы Шелистана —
 Все здѣсь чудесною красой
 И взоръ и чувство улаживаетъ.
 Но что-то тайною тоской
 Невольно сердце зампраетъ.
 Сама гдѣ Пери? гдѣ жь она? —
 И востъ вѣтръ, и ночь темна.

VI.

Подъ соболемъ пушистымъ, чернымъ
 Скрывая тренетную грудь

Она, не смѣя и дохнуть,
 Съ проводникомъ своимъ безмолвнымъ
 Проходить трепетной стопой
 Кустарникъ дикій и густой.
 Когда жь въ полянѣ вихрь промчнется
 И вдругъ завоюетъ, засвиститъ,
 То дѣва бѣдная дрожитъ —
 Назадъ хотѣла бь возвратиться;
 Но отъ Селіма какъ отсгать,
 Какъ на любезнаго роптать?

VII.

И вотъ стезей уединенной
 Пришли къ пещерѣ отдаленной
 Гдѣ часто, съ лютею въ рукахъ,
 По вечерамъ она пѣвала
 И набожно Коранъ читала,
 Носясь въ младенческихъ мечтахъ
 Дѣвичьей думой въ небесахъ.
 Что будетъ съ женскими душами —
 Пророкъ ни слова не сказалъ,
 Но ясными вездѣ чертами
 Селиму вѣчность общалъ.
 «Ахъ! и въ тѣни садовъ чудесныхъ
 «И въ свѣтлыхъ радостяхъ небесныхъ
 «Селимъ востоскуется по мнѣ,
 «Ему такъ милой на землѣ.
 «О, нѣтъ! возможно ль, чтобъ иная
 «Такъ нѣжно съ нимъ умѣла жить?
 «И будто можетъ дѣва рая
 «Срастнѣй меня его любить?»

VIII.

Но видъ пещера измѣнила
 Съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ
 Зюлейка тамъ досужный часъ
 Въ сердечныхъ думахъ проводила.
 Быть можетъ то, что мракъ ночной
 Давалъ пещерѣ видъ иной,
 Гдѣ пламень синеватый, блѣдной
 Едва пылалъ въ лампадѣ мѣдной.
 Но что въ лучахъ его блеститъ?
 Чгó чудное въ углу лежитъ?
 То были сабли и кинжалы,
 Но съ таковыми въ бой летитъ
 Не грозный обожатель Аллы,
 А носить рать чужой земли.
 И вотъ одинъ кинжалъ въ крови!...
 Не льется кровь безъ злодѣянья...
 И тутъ же чаша ликованья,
 И не шербетъ былъ въ чашѣ той.
 Она глядитъ — не понимаетъ,
 На друга робко взоръ бросаетъ:
 «Седмизъ! Ахъ! ты ли предо мной?»

IX.

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой:
 Исчезла гордая чалма,
 И шалью обвита пунцовой
 Его младая голова;
 Итъ камней радужнаго цвѣта;
 Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
 Но два чеканныхъ пистолета

За пестрымъ, шитымъ кушакомъ;
 И сабля легкая звенѣла;
 И тонкій станъ его одѣла,
 Небрежно сброшенна съ плеча,
 Изъ бѣлой ткани епанча,
 Какую носятъ кандіоты,
 Пускаясь въ буйные налёты;
 Не панцырь грудь его хранить,
 Она подъ сѣткой золотою;
 И обувь странная гремитъ
 Серебряною чешуёю;
 Но чинъ высокій онъ являлъ
 Осанкой гордою своею,
 Хотя казалось, что стоялъ
 Галіонджи ²¹ простой предъ нею.

X.

«Ты видишь правду тайныхъ словъ:
 «Что я — кто я — никто не знаетъ;
 «Мой рокъ мрачнѣе страшныхъ сновъ,
 «И многимъ горе предвѣщаетъ.
 «Но какъ молчать, стерпѣть ли мнѣ,
 «Чтобъ мужемъ былъ Османъ тебѣ?
 «Доколѣ мнѣ тоской мятежной
 «Ты не явила страсти нѣжной,
 «Я долженъ былъ, я самъ хотѣлъ
 «Тайть мой бѣдственный удѣлъ...
 «Не пламенной моей любовью
 «Теперь я стану убѣждать:
 «Любовь я долженъ показать
 «Годами, вѣрностью и кровью...

«Но ты не будь ни чьей женой!
«И я не братъ, Зюлейка, твой!»

XI.

«Не братъ? и мнѣ тебя чуждаться?
«Творецъ! роптать я не должна.
«Но, ахъ! уже ль я рождена
«Безродной по землѣ скитаться,
«Безъ милаго на свѣтѣ жить?
«Меня не будешь ты любить —
«И я увяну сиротою.
«Но знай: и въ горести моей
«Останусь другѣмъ я — сестрою —
«Зюлейкой прежнею твоей!
«Быть можетъ, жаль тебѣ рѣшиться
«Младую жизнь мою пресѣчь,
«А долженъ мстить: возьми же мечъ —
«Вотъ грудь моя! чего страшиться?
«Сноси́те тлѣть въ землѣ сырой,
«Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.
«Судьбы жестокаго удара
«Теперь причину вижу я...
«Яфаръ... онъ вѣчно гналъ тебя,
«А я, увы! я дочь Яфара!
«Спаси меня!... хоть не сестрой,
«Пусть буду я твоей рабой.»

XII.

«Зюлейка! ты моей рабою?...
«Клянусь, всегда, вездѣ Селимъ
«Рабомъ останется твоимъ!
«Счастлива нѣжною мечтою,

«Ты слѣзь не лей передо мною!
 «Взгляни на мечъ завѣтный мой,
 «Корана съ надписью святой! ²²
 «Пускай сей мечъ въ день шумной брани
 «Позоромъ ослабѣлой длани
 «Не защититъ въ бою меня,
 «Когда обѣтъ нарушу я!
 «Прелестный другъ, души отрада,
 «Соединимся мы тѣснѣй!
 «Теперь исчезла намъ преграда,
 «Хоть лично мнѣ Яфаръ злодѣй.
 «Ему былъ братомъ — мой родитель;
 «Онъ тайно брата умертвилъ;
 «Но, однокровнаго губитель,
 «Меня младенца пощадилъ;
 «И сироту — онъ, Каинъ новый, ²³
 «Хотѣлъ себѣ поработить,
 «Какъ дывѣнка, думалъ заключить
 «Обманомъ въ тяжкія оковы,
 «И тщился строго наблюдать,
 «Чтобъ я цѣпей не смѣлъ порвать.
 «Его обидъ я не забуду —
 «Кипить во мнѣ отцова кровь;
 «Но въ томъ порукою любовь,
 «Что для тебя — я метить не буду.
 «Однако жь вѣдай, какъ Яфаръ
 «Свершилъ злодѣйскій свой ударъ!

ХІІІ.

«Какъ ярость братьевъ раздраженныхъ
 «Вспылала гибельной грозой,
 «Любовь, иль честь тому виной —

« Не знаю я: въ душахъ надмѣнныхъ
 « Обидѣ малѣйшихъ даже видѣ
 « Вражду смертельную родить.
 « Отецъ мой, Абдала, всѣхъ болѣ
 « Врагамъ былъ страшенъ въ ратномъ полѣ.
 « Еще по днесь его дѣла
 « Боснійцы въ пѣсняхъ величаютъ,
 « И ратники Пасвана ²⁴ знаютъ,
 « Каковъ былъ смѣлый Абдала.
 « Я расскажу Зюлейгѣ нынѣ
 « О горестной его кончинѣ,
 « Какъ онъ коварства жертвой палъ,
 « И о моей узнавъ судьбинѣ,
 « Какъ и навѣкъ свободнымъ сталъ. »

XIV.

« Когда Пасванъ въ стѣнахъ Виддиша
 « Уже не жизнь одну спасалъ,
 « А самъ султану угрожалъ,
 « Тогда наши вокругъ властелина
 « Стеклись, раздоръ забыли свой,
 « И двинулись съ мятежнымъ въ бой.
 « Два брата сабли обнажаютъ;
 « При каждомъ вѣрные полки;
 « Раскинуть стапъ, и бунчуки
 « Въ поляхъ Софійскихъ развѣвають.
 « Но Абдалы надежный мечъ
 « Напрасно ждалъ крованыхъ сѣчь.
 « Онъ мнилъ, что съ братомъ примирися —
 « И въ небеса пересслился,
 « Роднымъ злодѣемъ отравленъ.
 « Однажды, бывши утомленъ

«Звѣриной ловлею и жаромъ,
 «Вкушалъ въ купальнѣ онъ покой,
 «И рабъ, подкупленный Яфаромъ,
 «Ему напитокъ роковой²⁵
 «Поднёсъ; онъ взялъ безъ подозрѣнья, —
 «И смерть!... Не вѣрь моимъ словамъ,
 «Гарунъ рѣшитъ твои сомнѣнья —
 «Спроси его: Гарунъ былъ тамъ.»

XV.

«Ударъ свершонъ. Пасванъ надмѣнный,
 «Разбитый, но не побѣжденный,
 «Войну пресѣкъ; родитель твой
 «Беретъ неправедною издой
 «Удѣлъ и санъ высокій брата.
 «Такъ подлой наглостью своей
 «Въ диванъ все, цѣною злата,
 «Искатель низкій и злодѣй
 «Добудетъ... Наши земли, правы,
 «Его измѣны плодъ кровавый,
 «Онъ получилъ. Нѣтъ нужды въ томъ,
 «Что въ даръ богатство расточаетъ:
 «Утрату новымъ грабежомъ
 «Яфаръ обильно замѣняетъ.
 «Ты спросишь: какъ? — Взгляни сама
 «На сѣль, полей опустошенье,
 «И подъ жестокостью ярма
 «Рабовъ несчастныхъ изнуренье.
 «Спроси, какъ вымученный потъ
 «Ему сокровища даётъ?
 «Кчему жъ младенецъ безнадежной
 «Спасень отъ смерти неизбежной?

«Зачѣмъ суровый твой отецъ
 «Его приемлетъ въ свой дворецъ?
 «Не знаю! — стыдъ иль сожалѣнье,
 «Иль къ дѣтской слабости презрѣнье,
 «Иль — безъ сыновъ — онъ, можетъ быть,
 «Хотѣлъ меня усыновить,
 «Иль замыслъ непонятный, тайный
 «Тому причиною случайной...
 «Но намъ ли вмѣстѣ можно жить?
 «Въ обоихъ гнѣвъ нетерпѣливый
 «Всечасно разгорался вновь:
 «Его страшилъ мой духъ кичливый;
 «Я зрѣлъ на немъ отцову кровь.

XVI.

«Враги Яфаровы таятся...
 «Не всякъ тотъ вѣрность сохранить,
 «Кого онъ кормить и поить!
 «Когда бъ они могли дознаться,
 «Что было съ Абдалой, кто я,
 «Тогда бъ ему не жить и дня.
 «Они лишь ждутъ, чтобъ сердцемъ смѣлый
 «Ихъ велъ на дерзостное дѣло;
 «Глядятъ, чтобъ буйною рукой
 «Имъ знакъ былъ поданъ роковой.
 «Но тьма судьбу мою скрываетъ;
 «Одинъ Гарунъ всю тайну знаетъ.
 «При Абдалѣ воспитанъ онъ,
 «И стражемъ былъ отцовыхъ жонъ.
 «Онъ видѣлъ страшную кончину;
 «Но что невольникъ могъ начать:
 «Владыки смерть ему ль отмщать?

«Онъ жизнь спасти рѣшился сыну.
 «Гарунъ меня младенца взялъ,
 «И въ день, когда въ чаду виченья
 «Губитель гордый пироваль, —
 «Осиротѣлый, безъ призранья
 «Я у воротъ его стоялъ.
 «Гарунъ молилъ — и не напрасно —
 «Объ участи моей несчастной.
 «Яфаръ велѣлъ тайть — кто я
 «Отъ всѣхъ, но болѣ отъ меня...
 «И въ Азію съ береговъ Дуная,
 «Далеко отъ Румельскихъ странъ,
 «Свое злодѣйство скрыть желая,
 «Уѣхалъ сумрачный тиранъ;
 «Но мнѣ Гарунъ открылъ обманъ.
 «Узналъ наперсникъ боязливой
 «Весь ужасъ тайны нечестивой;
 «Онъ измѣнить стремился ей...
 «Такъ Алла злобныхъ наказуетъ;
 «Онъ имъ сообщниковъ даруетъ,
 «Но не даруетъ имъ друзей.

XVII.

«Мой рокъ невольно устрашаетъ;
 «Но правды я не утаю,
 «Хотя рассказъ мой и смущаетъ
 «Невинность робкую твою,
 «Замѣтилъ я, какъ ты дрожала,
 «Когда Селима узнавала
 «Въ одеждѣ странной; но ужъ я
 «Её носилъ — она моя:
 «Твой юный другъ, съ которымъ вѣчно
 «Ты клятвой связана сердечной,

«Начальникъ шайки удалой;
 «Намъ жизнь, законъ — одинъ разбой.
 «И если бъ ты узнала болѣ
 «О нашей въ морѣ буйной долѣ,
 «Тогда бъ еще удвоилъ страхъ
 «Лилеи на твоихъ щекахъ.
 «Вотъ эта збруя боевая
 «Моей толпой принесена;
 «Вблизи скрывается она.
 «Когда же чаша круговая
 «Въ пиру морскомъ осушена,
 «То удалцы мои суровы
 «На всё летятъ, на всё готовы...
 «Пророкъ нашъ долженъ имъ простить
 «Весёлый грѣхъ — вино любить.

XVIII.

«Что было дѣлать? жить въ презрѣнны?
 «Дышать свободой въ заточенны?
 «Яфәръ боялся ужъ меня,
 «И ни кинжала, ни коня
 «Мнѣ дать не смѣлъ, а предъ диваномъ
 «Онъ правду затмѣвалъ обманомъ,
 «Что-будто въ полѣ страшно мнѣ
 «Летѣтъ съ кинжаломъ на конѣ...
 «Пророкъ то знаетъ — въ бой кровавый
 «Спѣшитъ одинъ злодѣй лукавый, —
 «А я въ гаремѣ между жонъ
 «И безъ надежды и безъ славы
 «Томлюсь, Гаруну поручонъ.
 «Тогда ты ласкою безцѣнной
 «Меня утѣшить не могла;

«Устрашена грозой военной,
 «Въ далекомъ замкѣ ты жила.
 «Я тяжкой праздностью томился,
 «Но волю мнѣ на-время дать
 «Гарунъ изъ жалости рѣшился, —
 «Лишь я былъ долженъ обѣщать
 «Явиться прежде къ намъ въ обитель,
 «Чѣмъ съ поля брани твой родитель.
 «О, нѣтъ! сказать не въ силахъ я,
 «Какъ сердце билось у меня,
 «Когда свободными очами
 «Узрѣлъ я вдругъ и темный лѣсъ,
 «И синю даль, и блескъ небесъ,
 «И море съ яркими волнами.
 «Въ пучины моря — небеса,
 «Казалось, духъ мой проникаетъ;
 «Казалось мнѣ, онъ постигаетъ
 «Всѣ тайны ихъ, всѣ чудеса —
 «Съ тѣмъ чувствомъ новымъ: я свободенъ!
 «Восторгъ мой былъ съ безумьемъ сходенъ.
 «Тогда я розно былъ съ тобой,
 «И не грустилъ — я той порой
 «Владѣлъ и небомъ и землей.

XIX.

«Простясь съ печальными берегами,
 «Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
 «Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
 «Блестящими надъ влажнымъ дномъ
 «Жемчужно-пурпурнымъ вѣнцомъ
 «Святого старца-океана.
 «Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой

«Гдѣ свѣлъ насъ съ буйною толпой,
 «Какъ власть дана мнѣ атамана,
 «И какъ на вѣки рѣшено,
 «Что жизнь и смерть намъ за-одно —
 «Я рассказать тебѣ успѣю
 «Тогда, какъ будетъ свершено,
 «Что тайно въ думѣ я имѣю.

XX.

«То правда — въ шайкѣ удалой
 «Кипитъ духъ буйный, нравъ крутой;
 «Всѣ разныхъ званій, разной вѣры;
 «Имъ чужды общіе примѣры;
 «Но простота, безъ лести рѣчь,
 «Покорность власти, вѣрный мечъ,
 «Душа, которая стремится
 «Безстрашно съ гибелью сразиться,
 «Ихъ братство, дикая ихъ честь,
 «И вѣчная за падшихъ месть —
 «Всѣ мнѣ порукою надежной,
 «Что долженъ я искать межъ нихъ
 «Оплота въ участи мятежной,
 «Удачи въ замыслахъ моихъ.
 «Уже я главнымъ въ шайкѣ смѣлой,
 «Но франкъ одинъ, преклонныхъ лѣтъ,
 «При мнѣ, и юности незрѣлой
 «Даётъ свой опытный совѣтъ.
 «Межъ ними много душъ высокихъ,
 «И много замысловъ глубокихъ;
 «Здѣсь, вольностью оживлены,
 «Забывши бѣдствія былыя,
 «Друзья Ламбрѣса удалые, ²⁶

«Отчизны вѣрные сыны,
 «Въ пещерахъ часто ночью тѣмной,
 «При яркомъ заревѣ огней,
 «Народъ несчастный, угнетенный
 «Въ мечтахъ спасаютъ отъ цѣпей...
 «Имъ думать весело о волѣ,
 «О равныхъ правахъ, мирной долѣ:
 «Ихъ нѣтъ нигдѣ, имъ быть нельзя;
 «Но ихъ мечтой плѣнёнъ и я.

«Я радъ нестись шумящими зыбями,
 «Свигаться радъ въ кибиткѣ кочевой,²⁷
 «Мнѣ душно жить за пышными стѣнами;
 «Люблю шатѣрь, люблю челнокъ простой.
 «О милый другъ! всегда, вездѣ со мною:
 «И на конѣ мнѣ спутница въ степяхъ,
 «И по волнамъ на лёгкихъ парусахъ...
 «Ты правъ конѣмъ, ты правъ моею ладьёю,
 «Ты будь моею надёжною звѣздой!...
 «Ты освятишь мой жребій роковой,
 «Мнѣ принесёшь Небесъ благословенья.
 «Лети, лети въ ковчегъ мятежный мой,
 «Какъ благодать, какъ голубъ примиренья!
 «Иль въ страшный часъ, во мракъ бурныхъ дней,
 «Будь радугой прекрасною моею,
 «Зажгись зарёй вечерней надъ холмами,
 «Пророческимъ огнѣмъ межъ облаками!
 «Свята — какъ святъ муйциновъ Мекки гласъ
 «Поклонникамъ молитвы въ тихій часъ,
 «Плѣнительна — какъ пѣсни звукъ любимой
 «Въ мечтахъ младыхъ тоской неизъяснимой,
 «Мила — какъ миль напѣвъъ земли родной
 «Изгнаннику въ странѣ ему чужой —

«Такъ будетъ мнѣ отрадою безцѣнной
 «Рѣчь нѣжная подруги несравненной.
 «Пріютъ, какъ рай въ часъ юности своей,
 «На островахъ, цвѣтущихъ красотою,
 «Съ моей рукой, съ любовію моею,
 «Тебѣ готовъ. Тамъ дышетъ все тобою!
 «Тамъ сотнями мечи уже блестятъ —
 «Они спасутъ, и грянутъ, и сразятъ.
 «Съ тобою я, а шайка удалая
 «Вдоль по морю помчится развѣзжать
 «И для тебя, подруга молодая,
 «Чужихъ земель наряды отбивать.
 «Въ гаремѣ жизнь скучна, какъ плѣнъ тяжелый,
 «У насъ свѣтла безпечною веселой.
 «Я знаю, рокъ грознѣе съ каждымъ днѣмъ
 «Несется въ слѣдъ за дерзкимъ кораблемъ;
 «Но пусть бѣда отважныхъ настагаетъ,
 «Судьба тѣснить и дружба измѣняетъ;
 «Все усладитъ любовь твоя одна.
 «Прелестный другъ! съ той думою сердечной,
 «Что ты моя, что ты вѣрна мнѣ вѣчно,
 «Печаль летитъ — и гибель не страшна.
 «Равна любовь, равно къ бѣдамъ презрѣнье,
 «Съ тобой во всемъ найдется наслажденье;
 «Заботы, грусть и радость пополамъ;
 «Все ты — все я — и нѣтъ разлуки намъ,
 «Свободные, съ товарищами смѣло
 «Опять въ моряхъ начнемъ мы наше дѣло.
 «Такъ свѣтъ идетъ; духъ жизни боевой
 «Дается всѣмъ природою самой.
 «Гдѣ льется кровь, гдѣ странъ опустошенье,
 «Ужасна брань, и ложно примиренье...

- «И я горю воинственнымъ огнёмъ,
 «Но я хочу владѣть однимъ мечемъ.
 «На распрѣ власть престолъ свой утвердила,
 «И властвуетъ имъ хитрость, или сила.
 «Пускай же мечъ блеститъ въ моихъ рукахъ,
 «А хитрость пусть гнѣздится въ городахъ!
 «Тамъ нѣгою тѣ души развратились,
 «Которыя бѣ и бѣдѣ не устрашились;
 «Тамъ безъ подпоръ, безъ друга красотъ
 «Цвѣсти нельзя въ невинной чистотѣ.
 «Но за тебя страшиться мнѣ напрасно:
 «Какъ ангель, ты свѣтла душою ясной.
 «Какъ знать судьбу? Но намъ въ родной странѣ
 «Спасенья нѣтъ, а горести однѣ.
 «Мою любовь разлука ужасаетъ:
 «Язаромъ ты Осману отдана...
 «Бѣги со мной! и страхъ мой исчезаетъ.
 «Попутенъ вѣтръ, ночь тихая темна.
 «Чета любви ненастья не робѣетъ,
 «Въ опасной тѣмѣ надъ нею радость вѣетъ.
 «Бѣжимъ, бѣжимъ, о милая! съ тобой
 «Отраднo все — и дышутъ красотой
 «Моря и степь: въ тебѣ весь мiръ земной!
 «Пусть вѣтръ шумитъ страшнѣе и страшнѣе —
 «Прижмешься ты къ груди моей тѣснѣе.
 «Не ужаснетъ часъ гибельный меня!
 «Лишь о тебѣ молиться буду я.
 «Что буйный вѣтръ? что бездны океана?
 «Страшисъ любовь коварства и обмана!
 «Насъ гибель ждетъ въ гаремѣ, не въ моряхъ;
 «Тамъ мигъ одинъ, а здѣсь вся жизнь въ бѣдахъ.
 «Но — прочь отъ насъ тяжелыхъ думъ волненья!

«Рѣшишь скорѣй! насталь уже для насъ
 «Иль часъ бѣды, или свободы часъ.
 «Мы жертва здѣсь и гордости, и мщенья.
 «Яфаръ мнѣ врагъ и хочеть дерзкій бей
 «Насъ разлучить, — тебѣ Османъ злодѣй!

XXI.

«Гарунъ отъ казни и упрека
 «Избавленъ мной: въ сераль до срока
 «Я прибылъ. Здѣсь не каждый зналъ,
 «Какъ я по островамъ скитался;
 «Кто тайну вѣдалъ — умолчалъ,
 «И я начальникомъ остался
 «На все готовыхъ смѣльчаковъ.
 «Рѣшитель дерзостныхъ трудовъ,
 «Я ихъ въ разѣзды рассылаю,
 «Межъ нихъ добычи раздѣляю;
 «И жалко мнѣ, что рѣдко самъ
 «Пускаюсь съ ними по волнамъ.
 «Но ужъ пора! во тьмѣ глубокой
 «Все тихо! чѣлнъ мой недалёко;
 «Ужъ вѣтеръ вьется въ парусахъ...
 «Бѣжимъ! оставимъ гнѣвъ и страхъ
 «На здѣшнихъ мрачныхъ берегахъ!
 «Османъ пусть явится съ зарею;
 «А ты свободна — ты со мною!
 «И если этотъ гордый бей
 «Жить долженъ, — и отца родного
 «Спасти отъ часа рокового
 «Ты хочешь — о, бѣги скорѣй!
 «Бѣги! Когда жъ судьбы моей
 «Узнавъ всю тайну безъ обмана,

«И клятву сердца, и мечты
 «Любви молодой забыла ты, —
 «Я остаюсь, я жду Османа!
 «Тебѣ не быть его женой,
 «Не быть, что бъ ни было со мной!»

XXII.

И неподвижная, нѣмая
 Стояла дѣва молодая.
 Такъ намъ рѣзецъ изобразилъ,
 Какъ мать, въ печали безотрадной,
 Вдругъ обратилась въ камень хладный.
 Лишенная и чувствъ и силъ,
 Очамъ она являла то же;
 Лишь, бѣдная, была моложе;
 Но, страха тайнаго полна,
 Едва опомнилась она,
 Какъ видить: у воротъ садовыхъ
 Вдругъ блещетъ факель роковой....
 Блеснулъ одинъ, блеснулъ другой,
 И много — и огней багровыхъ
 Свѣтъ яркій озаряетъ садъ.
 «Бѣги!... ты больше мнѣ, чѣмъ братъ!»
 И въ красномъ заревѣ съ мечами
 Злодѣи видны межъ кустами.
 Они бѣгутъ, они летятъ
 По роцамъ, въ просѣкахъ мелькаютъ;
 Кинжалы, факелы сверкаютъ.
 Страшнѣе всѣхъ Яфаръ бѣжитъ,
 Бѣжитъ къ пещерѣ отдаленной,
 И машетъ саблей обнаженной,
 И гнѣвомъ бѣшенства кипитъ.

Селимъ! уже ль судьба рѣшила,
Чтобъ здѣсь была твоя могила?

XXIII.

Отважный смотритъ: «Билъ мой часъ —
«Зюлейка! скоро все свершится!
«Цалуй меня въ послѣдній разъ.
«Но близко наши, къ нимъ домчится
«Призывный звукъ, — узрять они
«Въ вустахъ багровые огни...
«Ихъ мало... но чего страшиться!»
Вдругъ изъ пещеры онъ стрѣлой,
Чеканный пистолетъ хватаетъ:
Раздался выстрѣлъ вѣстовой —
И двѣ въ горести нѣмой
Безъ слезъ отъ страха обмираетъ.
«Не слышно... что жъ!.. и приплывутъ,
«Но ужъ Селима не найдутъ.
«На выстрѣлъ мой бѣгутъ толпою
«Злодѣи ближнею тропою:
«Такъ обнажись отцовскій мечъ!
«Ты не видалъ подобныхъ сѣчъ.
«О другъ! прости! чрезъ рощу тайно
«Иди съ надеждой во дворецъ.
«Тебѣ разгнѣванный отецъ
«Простить. Но, ахъ! чтобы случайно
«Свинецъ вблизи не просвисталъ!
«Чтобъ въ очи не блеснулъ кинжалъ!
«Иди... Не бойся за Яфара;
«Пусть ядъ былъ данъ его рукой,
«Пусть скажетъ: робокъ я душой —
«Не дамъ ему — не дамъ удара;

«Но ихъ — я радъ, готовъ разить;
«Меня ль убійцамъ устрашить?»

XXIV.

И онъ, какъ вихрь, на склонъ прибрежной
Стремится, выхвативъ, свой мечъ;
Вотъ первый изъ толпы мятежной, —
Его глава скатилась съ плечъ.
Вотъ и другой; мечъ снова блещетъ —
И трусь у ногъ его тренещетъ.
Но ужъ онъ самъ со всѣхъ сторонъ
Толпою буйной окружонъ.
Селимъ сѣчетъ ихъ, колетъ, рубитъ;
Достигъ до волнъ береговыхъ
И видитъ въ морѣ удалыхъ.
Уже ли рокъ его погубить?
Къ нему безстрашные въ бояхъ
Летятъ на бѣлыхъ парусахъ.
О! дуй сильнѣе вѣтръ попутной!
Они спѣшатъ, они гребутъ,
И съ лодки въ море — и плывутъ,
И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной.
Ихъ дикій взоръ, какъ жаръ горитъ;
Съ одеждъ, съ кудрей вода бѣжитъ, —
Вскочили.... вскрикнули.... сразились:
Кипитъ въ саду шумящій бой;
Но гдѣ жъ Зюлейки другъ молодой?
Чьей кровью волны обагрились?

XXV.

Отъ вражыхъ стрѣлъ, отъ ихъ мечей
Неуязвленный, невредимый,

Толпой неистовыхъ тѣснимый,
 Ужь онъ на взморьѣ, межъ друзей:
 Ужь вѣрная ладья манила
 Его къ привѣтнымъ островамъ;
 Уже рука его врагамъ
 Ударъ послѣдній наносила,
 Въ тотъ самый мигъ... Увы! зачѣмъ
 Ты медлишь, юноша несчастной!
 Что оглянулся на гаремъ,
 Гдѣ не видать тебѣ прекрасной?
 Ни тяжкій плѣнъ, ни смертный страхъ,
 Она одна, одна въ очахъ —
 Онъ въ ней живѣтъ — и въ часъ напасти
 Надежда льститъ безумной страсти...
 Въ тотъ мигъ свинець летитъ, свиститъ...
 «Вотъ какъ Яфаръ враговъ казнить!»
 Чей слышенъ голосъ? кто свершитель
 Удара мести въ тѣмѣ ночной?
 Кто злобною вблизи рукой,
 Кто мѣтилъ выстрѣлъ роковой?
 Чей карабинъ?... онъ твой, губитель!
 Ты ядомъ брата отравилъ,
 Ты жь сироту его убилъ!...
 И хлещетъ кровь его струёю
 Надъ ясной влагою морскою,
 И бурныхъ волнъ прибрежныхъ шумъ
 Уноситъ ропотъ тайныхъ думъ.

XXVI.

Уже разсвѣтъ; клубятся тучи,
 Въ туманъ одѣтъ небесной сводъ.
 Полночный бой у шумныхъ водъ

Давно замолкъ; но брегъ зыбучій
 Явилъ съ печальною зарёй
 Слѣды тревоги боевой,
 Обломки сабли притупленной,
 И мечъ еще окровавленный.
 Замѣтно было на песокъ,
 Какъ буйные его топтали,
 Какъ руки, роясь, замирали;
 И подъ кустомъ не вдалекъ
 Курился факель обгорѣлой.
 Вотъ опрокинутый челнокъ
 Волною брошенъ на песокъ
 И епанча изъ ткани бѣлой
 Въ крови, пробитая свинцомъ,
 Виситъ на тростникъ морскомъ, —
 И быстрый плескъ волны упорной
 Отмыть не можетъ крови черной.
 Но гдѣ же тотъ, съ чьего плеча
 Въ крови упала епанча?
 О! еслибъ сердце чье хотѣло
 Оплакать горестное тѣло —
 Пускай его, пусть ищетъ тамъ,
 Гдѣ море и кипитъ, и блещетъ,
 И подъ скалой Сигейской плещетъ,
 Стремясь къ лемносскимъ берегамъ.
 Надъ нимъ морскія птицы вьются,
 Холодный трупъ клевать несутся,
 А онъ, безчувственный, плывётъ
 По произволу бурныхъ водъ
 И, колыхаяся съ волною,
 Качаетъ юной головою,
 Всплываетъ, тонетъ и порой

Какъ бы грозить еще рукой.
 Пускай клюютъ морскія птицы
 Его, лишеннаго гробницы!
 Иль дикій крикъ и клѣвъ страшнѣй
 Тлетворныхъ гробовыхъ червей?
 Былъ другъ одинъ, былъ ангелъ милой,
 Прекрасный спутникъ прежнихъ дней;
 Она одна душой унылой
 Грустила бъ надъ его могилой, —
 И столбъ съ надгробною чалмой²⁸
 Кропила вѣрною слезой;
 Но свѣтлый взоръ ея затмился
 И пламень жизни въ ней погасъ
 Тогда, какъ рокъ его свершился,
 Какъ билъ ему послѣднѣй часъ.

XXVII.

Надъ Геллеспонтѣмъ вопль и стоны!
 Уныли мужи, плачутъ жоны...
 Звѣзда любви, Яфара дочь
 Послѣдняя семьи надмѣнной!
 Спѣшилъ, скакалъ и день и ночь,
 Но опоздалъ твой обрученной;
 Не зрѣть ему красы твоей,
 Не для его она очей.
 И *Вулвулла* къ нему порою²⁹
 Несется съ вѣстью гробовою.
 Плачь громкой на твоёмъ крыльцѣ
 Подругъ, блѣднѣющихъ въ лицѣ,
 Рабовъ безмолвныхъ видъ печальной,
 Корана пѣсни погребальной
 Протяжный хоръ, стенанья, вой —
 Ему расскажутъ жребій твой.

Селима падшимъ ты не зрѣла:
 Когда въ ночи на страшный бой
 Твой другъ пошелъ, ты обомлѣла;
 Онъ былъ надеждой свѣтлыхъ дней,
 Любовью, радостью твоей.
 Ты видишь — смерть неизбѣжима;
 Ужь не спасти тебѣ Селима.
 И сердце кровью облилось,
 Въ послѣдній разъ затрепетало,
 Вдругъ дикій вопль.... разорвалось,
 И разомъ биться перестало —
 И тихо все — все тихо стало...
 Миръ сердцу твоему! и миръ
 Надъ дѣвственной твоей могилой!
 Ты счастлива — любви кумиръ
 Тебя плѣнялъ мечтою милой:
 Одинъ ударъ тебя сразилъ;
 Онъ вдругъ мечты твои убилъ,
 Но вѣры къ нимъ не погубилъ.
 Ты жизнь такъ радостно встрѣчала;
 Ты не боялась, ты не знала
 Разлуки, ссоры роковой,
 Стѣсненной гордости позора,
 И злобы съ тайной клеветой,
 И мрачной совѣсти укора,
 Ни язвы той.... О! черныхъ дней,
 Ночей ужасныхъ плодъ унылый
 Безумства дикаго страшный.
 Она, какъ червь — жилецъ могилы —
 Не утихаетъ, не уснѣтъ.
 И этотъ червь въ душѣ гнѣздится,
 Не терпитъ свѣта, тьмы страшится;

Онъ сердце точить, сердце рвётъ
 И все мертвить, а самъ не мрётъ.
 Бѣда тебѣ, свершитель злодѣянья!
 Напрасно ты главу опепелилъ
 И слезы льешь въ одеждѣ покаянья!
 Кто Абдалу — Селима кто убилъ?
 Ты назвалъ дочь невѣстою Османа...
 Та, чья краса плѣнила бѣ и султана,
 Отрада, честь твоихъ преклонныхъ лѣтъ
 (О! рви волосы, злодѣй!) — ея ужъ нѣтъ —
 И нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ, звѣзда младая!
 Родимыхъ волнъ и прелесть и любовь,
 Твой блескъ погасъ, его затмила кровь.
 Злодѣй, страшись — та кровь была родная!
 Терзайся вѣкъ, ищи ее вездѣ:
 «Гдѣ дочь моя?» и отзывъ скажетъ: *иди?*³⁰

XXVIII.

Въ долину межъ кустовъ блистая,
 Могильныхъ камней видѣнь рядъ;
 И кипарисы тамъ шумятъ,
 Не вянетъ зелень ихъ густая;
 Но вѣтви, темные листы
 Печальны, какъ любовь младая
 Безъ упованья и мечты.
 Въ долину той есть холмъ унылой,
 Одѣтъ муравчатымъ ковромъ,
 И роза бѣлая на немъ —
 Одна надъ тихою могилой
 Цвѣтѣтъ, — но такъ нѣжна, блѣдна,
 Какъ бы тоской посажена.
 Она сама груститъ, томится,

И чуть повѣтъ вѣтерокъ —
 Уже и страшно за цвѣтокъ.
 Но что жъ? и буйный вихрь промчится,
 И грянетъ громъ, и дождь польѣтъ,
 А роза все цвѣтѣтъ, цвѣтѣтъ;
 И если кто грозы вреднѣе
 Ее сорветъ — свѣжѣй, милѣе
 Она съ румяною зарѣй
 Опять надъ мягкой муравой.
 Иль геній тайный, но чудесной
 Кропитъ ее росой небесной,
 И пѣстунъ розы молодой?
 Межъ дѣвъ Элады слухъ несется,
 Что роза не цвѣтокъ земной,
 Когда ни дождь, ни вѣтръ, ни зной,
 Ни что до розы не коснется;
 Не нуженъ ей весенній лучъ,
 Не страшень мракъ осеннихъ тучъ —
 Надъ нею птичка, гость эфирной,
 Незримая въ долинѣ мирной,
 Поѣтъ одна въ тиши ночей,
 И райской арфы сладкогласной
 Дивнѣй напѣвъ ее прекрасной...
 То не иранскій соловей;
 Такой живой, сердечной муки
 Его не выражаютъ звуки.
 Зайдетъ ли кто — ужь онъ всю ночь
 Отъ птички не отходитъ прочь,
 И слушаетъ въ раздумьи пѣнье,
 И плачетъ — и въ душѣ волненье, —
 Какъ бы въ груди его проснулась
 Тоской убитая любовь.

Но такъ отрадно слезы льются,
 Часы такъ сладостно несутся,
 И такъ не тягостна печаль,
 Что сердцу горестному жаль —
 Какъ вдругъ плѣнительное диво
 Расцвѣтъ огнистый прекратить,
 И невидимка замолчитъ.

Инымъ въ тоскѣ мечталось живо;
 Но кто жестокий упрекнѣтъ,
 Что въ пѣснѣ жалкой и любимой
 Почти всегда пѣвецъ незримой
 Зюлейки имя намекаетъ? ³¹

Надъ ней тотъ кипарисъ надгробный,
 Гдѣ влажный звукъ, словамъ подобный,
 Звенить и таетъ въ тьмѣ ночной;
 Тотъ мягкій дернъ надъ дѣвой чистой,
 Гдѣ вдругъ расцвѣлъ цвѣтокъ душистой
 Неувядаемой красой.

Здѣсь былъ вечернею зарёю
 Могильный мраморъ положонъ;
 На утро камня нѣтъ — и онъ
 Уже-ли смертную рукою
 На дальній берегъ унесёнъ?
 И намъ гласить разсказъ восточной,
 Когда, сраженный злобой мощной,
 Селимъ былъ шумною волной
 Лишенъ святыни гробовой,
 Тогда вблизи крутого ската
 На взморьѣ камень былъ найдёнъ,
 И этотъ камень наречонъ:

Подушкой мертвого пирата.

На немъ пловцы въ полночной тьмѣ

Видають голову въ чалмѣ,
А роза все не увядаетъ,
Томится, снова расцвѣтаетъ,
Прекрасна и блѣдна подъ чистою росой,
Какъ щоки красоты при вѣсти роковой.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ АБИДОССКОЙ НЕВЪСТЪ.

1) *Межнунъ* и *Лейла* — восточные Ромео и Юлія. Саади — правоучительный персидскій поэтъ.

2) У турокъ бьютъ въ барабанъ при восхожденіи солнца, въ полдень и въ сумерки.

3) Это выраженіе находили страннымъ; я не стану ссылаться на *того, кто не имѣетъ музыки въ душѣ*, а только попрошу читателя припомнить на десять секундъ черты женщины, которую онъ почитаетъ прекраснѣйшею; ежели онъ и тогда совершенно не пойметъ того, что слабо выражено въ этомъ стихѣ, то я жалѣю о насъ обоихъ. О соотношеніи и непосредственномъ сравненіи, происходящемъ отъ этого соотношенія *музыки съ живописью*, можно прочесть краснорѣчивый отрывокъ въ книгѣ: *О Германіи*, твореніи, написанномъ женщиною, которой гений превзошелъ дарованія женщинъ всѣхъ временъ («De l'Allemagne», vol. III, chap. 10). Не гораздо ли сильнѣе эта связь съ подлинникомъ, нежели съ копіею? съ красками природы, нежели съ красками искусства? Словомъ, это легче чувствовать, нежели описать; однако же я думаю, что будутъ люди, которые поймутъ это выраженіе, или по крайней мѣрѣ поняли бы, ежели бъ они видѣли лицо, котораго говорящая гармонія внушила эту мысль въ самомъ дѣлѣ, мысль эта создана не воображеніемъ моимъ, но я нашелъ ее въ моемъ воспоминаніи, этомъ зеркалѣ, которое печаль разбиваетъ, бросая на землю, но глядя на обломки, видишь только умноженное отраженіе.

4) Карасманъ-Отлу, или Кара-Османъ-Оглу, богатѣй-

шій землевладѣлецъ въ Турціи; онъ управляетъ городомъ Магнезію. Тимарьетами называютъ тѣхъ, которые владѣютъ землею, въ родѣ феодальнаго права, съ обязанностью служить. Они служатъ какъ спаги, соотвѣтственно пространству участковъ ихъ, и приводятъ съ собою въ поле известное число людей, обыкновенно конныхъ.

5) Когда паша на столько силенъ, что можетъ противиться, то повелѣваетъ удавить посланнаго, возмѣщающаго ему смертную казнь; иногда такимъ образомъ умерщвляютъ пятерыхъ или шестерыхъ посланныхъ, одного за другимъ, по приказанію возмущившагося паши. Напротивъ того, ежели онъ слабъ, или послушенъ, то онъ преклоняется, целуетъ подпись султана и съ подобострастіемъ позволяетъ себя удавить. Въ 1810 году выставлены были на воротахъ сераля головы многихъ пашей, понесшихъ подобную участь, и между прочими голова багдадскаго паши, храбраго молодого человѣка, отчаянно сопротивлявшагося, но умерщвленнаго измѣною.

6) Хлопая въ ладони, кличутъ слугъ. Турки не любятъ тратить слова и не имѣютъ колокольчиковъ.

7) Богачи въ Турціи имѣютъ чубуки съ мундштуками, а иногда и самыя трубки, украшенныя дорогими камнями.

8) Дельгисы, удалые всадники, всегда бросающіеся въ первый огонь и начинающіе сраженіе.

9) Турки, для упражненія въ искусствѣ рубить саблею, употребляютъ свертокъ войлока; мало кто, кромѣ мусульманъ, въ состояніи перерубить его однимъ ударомъ; часто употребляютъ для подобнаго же испытанія самую жесткую чалму. Джиридъ — игра тупыми копыями, которая очень пріятна для глазъ необыкновенною живостью.

10) Олга, Алла-иль-Аллагъ — восклицаніе, называемое испанскими поэтами: Лейла. По настоящему выговаривается Аллагъ. Молчаливые турки довольно расточительны на это восклицаніе, особенно во время охоты, игры джиридомъ, а всего болѣе въ сраженіяхъ. Ихъ живость въ битвахъ представляетъ разительную противоположность съ ихъ важностью въ комнатахъ, когда они курятъ трубку и перебираютъ зерна комболойе.

⁴¹⁾ Много разсуждали о томъ, почитать ли веселымъ или печальнымъ пѣвце этого любителя розъ. Замѣтки Фокса дали поводъ ко многимъ ученымъ спорамъ противъ мнѣнія древнихъ объ этомъ предметѣ. Я не смѣю сдѣлать тутъ никакого рѣшительнаго заключенія, хотя готовъ раздѣлять заблужденія г. Фокса.

⁴²⁾ Азраиль — ангелъ смерти.

⁴³⁾ Сакровища султановъ, которыя, по нелѣпому мнѣнію турокъ, были до Адама. Смотри у d'Herbelot слово: *Истакаръ*.

⁴⁴⁾ Есть пословица, что турки изъ Негропонта, жида изъ Салоники, и греки изъ Афинъ — есть худшіе представители каждаго изъ этихъ народовъ.

⁴⁵⁾ Чекодаръ — служитель, предшествующій знатной особѣ.

⁴⁶⁾ Много было споровъ о томъ, что выражаетъ эпитетъ: широкій Геллеспонтъ. Однажды при мнѣ заспорили объ этомъ на мѣстѣ; не предвидя скорого окончанія спора, я вздумалъ переплыть его тѣмъ временемъ, и вѣрно еще разъ переплыть, пока его рѣшатъ. Извѣстно, что споръ о томъ начинается со временъ троянскихъ: все затрудненіе представляется въ словѣ *ἄπειρος*. Можетъ быть Гомеръ имѣлъ такое же понятіе о разстояніи, какое кокетки имѣютъ о времени, и говоря о широкомъ, подразумеваютъ не болѣе полумили; такимъ же образомъ кокетки, говоря о *вѣчной* ихъ привязанности, подразумеваютъ не болѣе трехъ недѣль.

⁴⁷⁾ Александръ Македонскій, предъ нападеніемъ на Персію, почтилъ гробницу Ахилла и увѣнчалъ алтарь лаврами и проч. Впослѣдствіи сдѣлалъ то же, въ подражаніе ему, Каракалла. Полагаютъ, что Каракалла умертвилъ своего друга, по имени Фестуса, для того только, чтобы найти причину учредить новыя игры, подобно бывшимъ въ память Патрокла. Я видѣлъ стада овецъ, пасущихся на гробницахъ Эсіетеса и Антилоха; гробница перваго въ срединѣ долины.

⁴⁸⁾ Янтарь при треніи издаетъ слабый, но пріятный запахъ.

⁴⁹⁾ На Востокъ еще и теперь все суевѣрные вѣрятъ

могуществу талисмановъ, вырѣзанныхъ на драгоценныхъ камняхъ, или помѣщенныхъ въ золотыхъ коробочкахъ. Талисманы состояются изъ нѣсколькихъ стиховъ Корана и носятъ ихъ на шеѣ, или привязываютъ къ рукѣ, въ видѣ браслета. Стихи изъ Курзи (престолъ), во второй главѣ Корана, составляютъ талисманы, имѣющіе наиболѣе силы; почему набожные мусульмане и носятъ ихъ начертаніе на драгоценныхъ камняхъ, какъ высочайшее изъ всѣхъ познаній.

20) Четки мусульманъ называются комболойе. — Восточныя и въ особенности персидскія рукописи украшены съ большою роскошью. Гречанки вообще отличаются крайнимъ невѣжествомъ, тогда какъ многія молодые мусульманки получаютъ хорошее воспитаніе, которое, впрочемъ, не доставило бы имъ блеску въ обществѣ европейцевъ.

21) Галіонджи, или галіондже — турецкій матросъ. На турецкихъ корабляхъ всѣ матросы — греки, а солдаты при пушкахъ — мусульмане. Одежда галіонджи весьма красива. Я часто видалъ капитана-пашу въ этой одеждѣ, когда онъ хотѣлъ не быть узнаваемъ. Эти галіонджи обыкновенно ходятъ босыми ногами; описаніе обуви, которую я придалъ Селиму, сдѣлано съ обуви одного изъ бывшихъ прежде въ числѣ морскихъ разбойниковъ, у котораго я жилъ, близъ Гальмона, въ Моревъ; она составлена изъ чешуекъ, лежащихъ одна на другой, какъ на армадилѣ.

22) На лезвѣ турецкихъ сабель бываетъ начертано названіе завода, на которомъ онѣ сдѣланы; но чаще бываетъ начертано золотыми буквами нѣсколько стиховъ изъ Корана. Между восточными саблями, принадлежащими мнѣ, есть одна, которой лезвее имѣетъ необыкновенный видъ. Оно очень широко и съ остраго края представляетъ изгибы наподобіе волнъ или наподобіе пламени. Я спрашивалъ у армянина, который мнѣ продалъ эту саблю: какую выгоду можетъ принести такой видъ оружія? Онъ отвѣчалъ по-итальянски, что не знаетъ того, но что мусульмане думаютъ, что таковыя оружія наносятъ опаснѣйшія раны и предпочитаютъ ихъ по той причинѣ, что они жесточе.

Я не плънился объясненной имъ причиною, но купилъ эту саблю за ее оригинальную наружность.

23) Турки неосновательно думаютъ, будто преданія о Каинѣ, о ковчегѣ и всѣ повѣствованія Ветхаго Завета имъ столько же извѣстны, сколько и евреямъ. Они даже тщеславятся знаніемъ самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ изъ жизни патріарховъ, съ большею подробностью, нежели они означены въ св. писаніи, и, не довольствуясь повѣствованіями отъ Адама, перваго человека, имѣютъ ложныя жизнеописанія до временъ Адамовыхъ. Съ такою же неосновательностью почитаютъ они Соломона царемъ некромантіи, а своего Магомета осмѣливаются сравнивать съ Моисеемъ, истиннымъ пророкомъ. Зюлейкою, по-персидски, называется жена Пентеѳрія, и любовь ея къ Іосіеу дала предметъ къ сочиненію одной изъ прекраснѣйшихъ восточныхъ повѣ. Итакъ не удивительно, когда мусульманинъ говоритъ о Каинѣ и Ноѣ.

24) Пасванъ-Оглу, возмущившійся паша виддинскій, который въ послѣдніе годы своей жизни поколебалъ могущество Оттоманской Порты.

25) Яѳаръ, паша Аргиро-Кастро, или скутарійскій (не могу вспомнить, котораго изъ этихъ двухъ городовъ), былъ отравленъ албанскимъ пашою Алиемъ тѣмъ же самымъ образомъ, какъ я предполагалъ, что Абдала это сдѣлалъ. Въ то время, какъ я еще тамъ находился, Али Паша женился на дочери отравленного имъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства, которое совершилось въ одной изъ адрианопольскихъ или софійскихъ бань. Ядъ былъ примѣшанъ въ чашку кофе, который всегда пьютъ прежде шербета, подаваемого восточнымъ жителямъ при выходѣ ихъ изъ бани.

26) Грекъ Ламбро Канцани въ 1789 и 90 годахъ силится избавить отечество свое отъ турецкаго владычества; но бывъ оставленъ Россіею, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи и сдѣлался морскимъ разбойникомъ, избравъ театромъ нападеній своихъ Архипелагскіе острова. Говорятъ, что онъ еще живъ и поселился въ Петербургѣ. Ламбро и Риги за-

нимають, безъ сомнѣнія, первое мѣсто между защитниками независимости своего народа.

²⁷⁾ Кочующая жизнь арабовъ, татаръ и туркменцевъ, описана всѣми путешественниками въ Левантъ. Нельзя не сказать, чтобы они не находили въ ней особенной прелести. Одинъ молодой французъ, отступившій отъ христіанства, рассказывалъ Шатобріану, что всегда, когда онъ мчался на конѣ въ степи — онъ испытывалъ неописанное чувство, приближавшееся къ восторгу.

²⁸⁾ Чалма изсѣкается изъ камня на гробницахъ однихъ мужчинъ.

²⁹⁾ Это — надгробная пѣснь по усопшимъ женщинамъ въ Турціи.

³⁰⁾ «Я пришелъ въ мою отчизну и вскричалъ: гдѣ друзья моей юности? гдѣ они? — и эхо отвѣчало: Гдѣ они?» (Отрывокъ изъ арабской рукописи.)

³¹⁾ Не нужно ѣхать на Востокъ, чтобы найти людей, вѣрющихъ переселенію душъ въ птиць. Исторія привидѣнія лорда Литтльтона, герцогини Кендалъ, которая увѣряла себя, что Георгъ I прилеталъ на ея окно въ видѣ ворона (см. «Воспоминанія Орфорда»), и многіе другіе примѣры доказываютъ, что это суевѣріе было не чуждо и Европѣ. Самый чрезвычайный примѣръ есть суевѣріе одной госпожи изъ Ворчестера, которая, вообразивъ, что ея покойная дочь приняла видъ пѣвчей птички, велѣла помѣстить на своемъ мѣстѣ въ соборной церкви нѣсколько кѣтокъ съ птицами этого рода. Эта дама была богата и украшала церковь своими приношеніями, почему и не воспротивилась ея невинному сумасбродству. Этотъ анекдотъ упоминается въ письмахъ Орфорда.

Б Е П П О.

«Беппо» и «Маноредъ» перепечатаны здѣсь, съ согласія *В. И. Голосинна*, издателя «Думъ и Пѣсенъ Д. Д. Минаева», въ II томѣ этого изданія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Беппо» былъ написанъ въ Венеціи, въ октябрѣ 1817 года, и приобрѣлъ большую извѣстность тотчасъ же по его появленіи въ свѣтъ въ маѣ слѣдующаго года. По письмамъ лорда Байрона видно, что онъ въ то время не придавалъ ему большого значенія, не подозрѣвая, что открылъ этимъ разсказомъ новый путь, на которомъ его генію предназначено было одержать блистательнѣйшія изъ его побѣдъ. «Я написалъ юмористическую поэму — пишетъ онъ г. Мурраю — въ родѣ прелестныхъ поэвъ Уистль-Крафта, основанную на венеціанскомъ анекдотѣ, который мнѣ показался весьма забавнымъ. Названіе ея Беппо, — уменьшительное Guiseppe (Іосифъ); тутъ есть и политика и драма».

БЕПО.

Венеціанская повѣсть.

I.

Извѣстенъ всѣмъ — не сомнѣваюсь въ томъ —
Католиковъ классическій обычай:
За нѣсколько недѣль передъ постомъ
Они толпой всѣхъ классовъ, безъ различій —
Будь жоть богачъ, иль въ званіи простомъ —
Съ спасительной, какъ думаю я, цѣлью
Спѣшать предаться общему веселью;
Готовясь къ покаянію, спѣшать
Въ блистательный и пестрый маскарадъ,
Гдѣ, въ вихрѣ пѣсенъ, музыки и пляски,
Скользятъ и вьются бѣшенныя маски.

II.

Лишь только ночь свой пологъ развернетъ
(И чѣмъ темнѣй, тѣмъ лучше) наступаетъ
Пора, которой мужъ со страхомъ ждетъ
И съ трепетомъ любовникъ ожидаетъ,
Хаяжа кривить улыбкою свой ротъ,
И, скромности оковы разбивая,
Шалить открыто юность огневая.
Разгулъ и плескъ!.. на языкѣ у всѣхъ
Запасъ остротъ и неподдѣльный смѣхъ,
И звукъ рудадъ, и шопоть страстной пары
Сливаются съ аккордами гитары.

III.

Пестрѣютъ вокругъ одежды разныхъ странъ,
 Костюмовъ фантастическія краски,
 Нарядъ жидовъ, и грековъ, и римлянъ,
 И арлекиновъ прыгающихъ маски,
 И индусовъ затѣйливый тюрбанъ,
 И подъ чалмой прелестныя турчанки,
 И, наконецъ — нескладный, хмурый янки.
 Нарядовъ тьма; лишь въ этотъ маскарадъ
 Не разрѣшается носить одинъ нарядъ...
 На карнавалъ веселый и донынѣ
 Избавь васъ Богъ явиться въ капуцинѣ!

IV.

Нѣтъ, лучше вовсе будь безъ панталонъ,
 Иль терніемъ обвей себя для танца,
 Чѣмъ возмутить людей со всѣхъ сторонъ
 Намекомъ на одежду францисканца.
 Тогда не пощадитъ тебя законъ,
 И будешь ты (какъ ни былъ бы ты важенъ)
 Въ аду на угли красные посаженъ,
 Гдѣ грѣшника изъ адскаго котла
 Ничья рука спасти бы не могла,
 И... лишь посредствомъ денежнаго вклада,
 Тебя, быть можетъ, выпустятъ изъ ада.

V.

Итакъ, за исключеньемъ черныхъ рясъ,
 Вы можете одѣться по картинкѣ,
 Какой угодно только; такъ не разъ
 На лондонскомъ тряпичномъ старомъ рынкѣ

Иной колетъ, лишь изъ однѣхъ проказъ,
 Искали вы для вечера иль бала.
 Въ Италиі подобныхъ мѣсть не мало,
 Но — ужь таковъ волшебной рѣчи складъ —
 Названья ихъ какъ музыка звучатъ,
 А въ Англиі кварталъ найдемъ едва-ли,
 Который бы «Piazza» называли.

VI.

Тѣмъ праздникамъ названье: карнавалъ —
 «Прощайся съ мясомъ» — значитъ въ переводѣ.
 Понятенъ смыслъ: лишь только постъ насталъ,
 О мясѣ и не думаютъ въ народѣ;
 Но одного лишь я не понималъ:
 Зачѣмъ же постъ съ его трапезой тощей
 Встрѣчается веселостью всеобщей?
 Не потому ли самому мы пьемъ,
 Сбираясь въ кругъ, и пѣнистымъ виномъ
 Бокалы наши дружно наполняемъ,
 Когда друзей въ дорогу провожаемъ?

VII.

Наступитъ постъ — и мяса больше нѣтъ;
 Всѣ сорокъ дней, вкушая лососину,
 Хоть злостью приправляйте свой обѣдъ;
 А соусы? — о нихъ нѣтъ и помину.
 О, путники! не разъ отъ этихъ бѣдъ,
 Застигнуты нежданно діетой,
 Вы бранью раздражались (брани этой
 Я съ музою не стану повторять),
 Не забывая гнѣвно объявлять:

«Не можемъ мы (вамъ все одни пиры бы!)
 Ъсть безъ приправъ, безъ сои этой рыбы. .»

VIII.

Охотникамъ до соусныхъ приправъ
 Рѣшаюсъ дать совѣтъ такого рода,
 И думаю, что я останусь правъ:
 Сбираясь въ путь, во всякій мѣсяцъ года
 Съ собою брать запасы разныхъ травъ,
 Коренья пряные и соусы Горвея,
 Чтобъ не сидѣть голодными говѣя,
 Иначе же, поклясться въ томъ могу,
 Вы, гдѣ-нибудь, на чуждомъ берегу,
 Безъ собственнаго повара — повѣрьте —
 Умрете разомъ отъ голодной смерти.

IX.

Я только лишь католикамъ внушалъ:
 Какъ соблюдать обычай древній Рима;
 Но той діэтой вовсе не пугалъ
 Я чужестранца, ѣдущаго мимо,
 И чтобы онъ постовъ не соблюдалъ —
 Спѣшу предупредить: для протестантовъ,
 Для всѣхъ больныхъ, для прихотливыхъ франтовъ
 И... и для дамъ, охотницъ до причудъ,
 Не существуетъ вовсе рыбныхъ блюдъ,
 И кто провлятіи страшныхъ не боится,
 Впадая въ грѣхъ, пусть вовсе не постится.

X.

Нигдѣ во время оно не бывалъ
 Такъ безконечно весель и потѣшень,

И шуменъ итальянскій карнавалъ,
 Такъ оживленъ и несдержимо бѣшенъ,
 Какъ посреди венеціанскихъ залъ,
 Гдѣ покрывалъ разгулъ толпы нарядной,
 Не мало тайнъ интриги маскарадной,
 И не одинъ ловился жгучій взглядъ
 Подъ страстные напѣвы серенадъ.
 Вотъ въ ту Венецію, рожденную волною,
 Послѣдовать прошу теперь за мною.

XI.

Ахъ, красота венеціанскихъ жонъ!
 Ихъ быстрый взглядъ, улыбки ихъ, приманки!..
 Припоминалъ я образы мадоннъ,
 При взглядѣ на лицо венеціанки.
 Когда она склонится на балконъ —
 Вы, отдаваясь прелести обмана,
 Въ ней видите Венеру Тиціана
 (Хоть ту, что во Флоренціи стоитъ),
 Иль, наконецъ, ея прелестный видъ
 Напомнитъ вамъ, лишь только въ новомъ фонѣ
 Одно изъ лицъ картинъ Джіорджіоне,

XII.

Гдѣ краски правдой жизненной полны.
 Когда зайдете вы въ дворецъ Манфрини,
 То множествомъ картинъ окружены,
 Вы, можетъ быть, одной его картинѣ
 Останетесь покорны и вѣрны,
 И станетъ вамъ всего она дороже.
 Такъ нѣкогда со мною было то же,

А почему? — тому разгадки нѣтъ,
 То просто былъ жены его портретъ,
 Но какъ онъ созданъ!.. Творческая сила
 Земной любви въ немъ образъ воплотила.

XIII.

Да, той любви, которой мiръ живетъ,
 Любви людской, встрѣчаемой на дѣлѣ,
 И вѣришь тутъ, что только жизнь даетъ
 Художнику подобныя модели,
 И что мечта до нихъ не дорастетъ...
 Въ картинѣ той, которую бъ желали
 Вы унести, которую бъ украли,
 Когда бы страхъ иль стыдъ не цомѣшалъ,
 Чудесный образъ тотъ напоминалъ,
 Что вамъ давно черты знакомы эти,
 Но что ужъ вновь не встрѣтитъ ихъ на свѣтѣ.

XIV.

Тотъ образъ намъ знакомъ когда-то былъ
 Въ дни юности, на подвиги готовой,
 И юноша искать его любилъ
 На лицахъ дѣвъ, при каждой встрѣчѣ новой,
 Когда онъ въ тишинѣ боготворилъ
 Созданiя безъ имени, безъ тѣла,
 Которыхъ жизнь создать намъ не хотѣла,
 Которыхъ мы не встрѣтимъ никогда,
 Какъ тѣхъ плеядъ, пропавшихъ безъ слѣда,
 Растаявшихъ дыханiемъ ээира
 И ставшихъ невидимками для мiра.

XV.

Дѣйствительно, венеціанки видѣ
 Напоминаетъ кисть Джіорджіоне,
 Особенно когда она стоитъ
 Одна, передъ рѣшеткой на балконѣ.
 (Вѣдь красота сильнѣе поразить,
 Когда мы къ ней стоимъ не очень близко).
 И вотъ тогда, склонясь къ рѣшеткѣ низко,
 Тайственно раздвинувъ складки шторъ
 И вокругъ себя бросая томный взоръ,
 Венеціанка кажетъся прекрасна,
 Чтò не всегда бываетъ безопасно.

XVI.

За тѣмъ, чтò взоръ невольный вздохъ родитъ,
 Вздохъ пробуждаетъ тайныя желанья,
 Желанье наконецъ заговорить
 И — перейдетъ въ любовное посланье,
 Съ посланьемъ же Меркурій полетитъ,
 Охотникъ до подобныхъ порученій,
 А тамъ — не миновать и приключеній,
 Когда Амуръ войдетъ въ права сердець:
 Свиданья, вѣчный страхъ, и наконецъ
 Разбитыя ревнивцемъ съ жаждой мщенья
 И головы, и клятвы увлеченья.

XVII.

Шекспиромъ былъ давно изображонъ
 Типъ этихъ женщинъ въ милой Дездемонѣ.
 Въ Италіи до нынѣшнихъ времёнъ —
 Въ Венеціи роскошной и въ Веронѣ —

Вы встрѣтите подобныхъ много жонъ,
 Съ той разницей — мы думать можемъ смѣло—
 Что ихъ мужья не слѣдуютъ Отелло,
 Что всѣ мужья прекрасной той страны,
 Какъ чорный мавръ, для женщинъ не страшны,
 И жонъ душили едвали-бъ захотѣли
 За то, что тѣ поклонниковъ имѣли.

XVIII.

Но если кто въ нихъ ревность и найдетъ,
 То свойства очень мирнаго, и нынѣ
 Изъ нихъ никто подушки не возьметъ,
 Чтобъ задушить жену свою въ перинѣ;
 Нѣтъ! беззаботный, вѣтренный народъ
 Въ несчастіи иную приметъ мѣру,
 И если въ жонъ мужья теряютъ вѣру,
 Изъ нихъ никто не будетъ пораженъ
 Открытою невѣрностію жонъ,
 Но каждый мужъ супругъ отомщаетъ
 Лишь только тѣмъ, что самъ ей измѣняетъ.

XIX.

Случалось ли гондолу видѣть вамъ?
 Я опишу подробно: лодка эта
 Съ навѣсомъ и рѣзьбою по угламъ,
 Безмолвная, вся трауромъ одѣта,
 Какъ темный гробъ; несется по волнамъ.
 За вѣслами сидятъ два гондолера,
 И весель ихъ рассчитанная мѣра
 Едва слышна... несется странный гробъ,
 И разгадать не въ силахъ былъ никто бѣ

О томъ, что въ тишинѣ его творится,
 Что подъ его навѣсомъ говорится.

XX.

И день, и ночь гондолы вокругъ скользятъ,
 Шныряютъ вдоль Риальто, по каналамъ,
 И у театровъ группы ихъ стоятъ,
 Открытыя всѣмъ путникамъ усталымъ;
 Но, какъ гондолы мрачно ни глядятъ,
 Закутавшись угрюмо въ балдахины,
 Ихъ мрачными считать намъ нѣтъ причины,
 Затѣмъ, что и въ гондолѣ мы порой
 Встрѣчали жизнь, и смѣхъ, и пиръ горой.
 Такъ часто мы съ процессіи печальной
 Спѣвшимъ, смѣясь, въ каретѣ погребальной.

XXI.

Но я еще разсказъ не начиналъ.
 Лѣтъ за сорокъ тому открылся
 Въ Венеціи блестящій карнавалъ,
 И перереженный народъ завеселился.
 Однажды, разодѣта, какъ на балъ,
 Одна венеціанка пожелала
 Взглянуть на шумный праздникъ карнавала.
 Какъ имя ей — не могъ я угадать,
 А потому хочу ее назвать
 Лаурою. Названіе Лауры
 Удобнѣе для римъ и для цезуры.

XXII.

Она была не очень молода,
 Но ужь никакъ старухой не смотрѣла,

Иль дамой, у которой никогда,
 При отношенъяхъ нѣжныхъ самыхъ, смѣло
 Нельзя спросить о возрастѣ. Года
 Подобныхъ дамъ покрыты строгой тайной
 И ни за что — ни прямо, ни случайно —
 У нихъ (таковъ упрямый женскій родъ!)
 Не выпытать: который же вамъ годъ?
 Онѣ молчатъ съ терпѣниемъ великимъ,
 Чтб, впрочемъ, мнѣ всегда казалось дикимъ.

XXIII.

Не такова была Лаура — нѣтъ,
 Еще года лицо ея щадили,
 И жизнь ея въ расцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ
 Была свѣтла; Лауру находили
 Красавицей, когда, являясь въ свѣтъ,
 Неслись за ней восторженные рѣчи
 (Съ красавицей въ толпѣ пріятны встрѣчи) —
 И потому-то было такъ свѣтло
 Всегда ея высокое чело,
 Улыбка съ устъ ея не исчезала
 И всякаго, казалось, награждала.

XXIV.

Лаура — замужемъ. Я здѣсь замѣчу вамъ:
 Замужнихъ дамъ покойнѣе дорога:
 Затѣмъ, что на грѣшки подобныхъ дамъ
 Вездѣ сквозь пальцы смотримъ мы, не строго;
 Но если же — со страхомъ передамъ —
 Дѣвица, отшатнувшись отъ приличій,
 Замужствомъ не прикроетъ грѣхъ дѣвичій.

То ждуть ея позоръ и вѣчный стыдъ,
 Когда она сама не поспѣшитъ
 Свои дѣла, какъ только будетъ можно,
 Вести съ людьми умно и осторожно.

XXV.

Лауры мужъ, по званью моряка,
 Скитался по морямъ и по чужбинѣ;
 Когда же, возвратясь издалека,
 Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ,
 И имъ овладѣвала тамъ тоска,
 Жена его на вышку поднималась,
 Откуда ей все море открывалось
 И судно, на которомъ мужъ приплылъ
 Изъ странствія далекаго. Онъ былъ
 Купецъ-морякъ, торгующій съ Алеппо,
 По имени Джузеппе, или Беппо.

XXVI.

Съ его лица загаръ не пропадалъ
 И былъ онъ смуглъ, какъ истинный испанецъ,
 Но красоту едва-ль въ немъ уменьшала
 Его густой, коричневый румянецъ;
 Онъ, какъ морякъ, ни сколько не терялъ
 Отъ этого суроваго загара,
 И вообще съ женой своей былъ пара.
 Лаура же хоть не была горда,
 Непобѣдимую считалася всегда,
 Была для всѣхъ, какъ свѣтъ ея ославилъ,
 Женою самыхъ строгихъ, строгихъ правилъ.

XXVII.

Съ послѣдней ихъ разлуки много лѣтъ
 Прошло, но все домой не вѣхалъ Беппо.
 Какъ, почему его такъ долго нѣтъ —
 Судили большей частію нелѣпо.
 «Онъ утонулъ!» рѣшилъ сначала свѣтъ,
 Потомъ же остроумно порѣшили,
 Что отъ долговъ бѣжалъ онъ; даже были
 Охотники побиться объ закладъ:
 Вернется ль онъ когда-нибудь назадъ?..
 Такъ многіе, чтобъ въ мнѣнѣяхъ убѣдиться,
 Тотчасъ же объ закладъ спѣшатъ побиться.

XXVIII.

Печально очень было, говорятъ,
 Супруговъ разлучавшихся прощанье,
 И каждый былъ предчувствіемъ объять,
 Что это ихъ послѣднее свиданье.
 (Предчувствія подобныя страшатъ,
 Какъ сонъ воображенія больного;
 Испытывать ихъ вовсе мнѣ не ново).
 Подъ чарами такихъ же смутныхъ грѣзъ
 Предчувствіе печальное унесъ
 Съ собою мужъ, и затаилъ онъ горе,
 Плыва въ Адриатическое море.

XXIX.

Не вѣдетъ мужъ. Лаура все груститъ,
 Лаура плачетъ, въ трауръ наряжалась,
 Вдругъ потеряла вовсе аппетитъ
 И спать одна рѣшительно боялась:

Едва гдѣ только ставень заскрипитъ,
 Малѣйшее услышать гдѣ движенье —
 Ей чудится то воръ, то привидѣнье:
 Ей цѣлый день нигдѣ покоя нѣтъ.
 И вотъ она, во избѣжанье бѣлъ
 И чтобъ чего не сдѣлалось съ ней хуже,
 Рѣшилась завести себѣ виц-мужа.

XXX.

Лаурою былъ выбранъ для услугъ
 (А женщины искусны такъ на это),
 Пока не возвращается супругъ,
 Давно ужъ безъ вѣсти пропавшій гдѣ-то,
 Ей выбранъ былъ, сказалъ я, новый другъ,
 Одинъ изъ тѣхъ, всѣ дамы на которыхъ
 Глядятъ съ негодованьемъ въ чистыхъ взорахъ,
 А въ тайнѣ ихъ не прочь и полюбить;
 То былъ шалунъ, привыкшій шумно жить,
 Богатый графъ, мотавшій денегъ груды.
 О немъ такое мнѣнье было всюду.

XXXI.

Онъ музыку и танцы изучилъ,
 Блистательно умѣлъ играть на скрипкѣ,
 Онъ по-французски бойко говорилъ,
 И даже по-тоскански безъ ошибки.
 Последнимъ онъ особенно дивилъ
 (Въ Итали — спѣшу предостеречь я —
 Ломаютъ всѣ этрусское нарѣчье)
 И, постановки оперной знатокъ,
 Къ пѣвцамъ онъ былъ неумолимо строгъ.

Ту арію всегда встрѣчали хмуро,
 Когда кричалъ онъ въ креслахъ: «siccatural!»

XXXII.

Всей оперѣ давалъ онъ приговоръ
 Молчаніемъ или громкимъ крикомъ: «bravo!»
 Дрожалъ оркестръ, страшась за свой позоръ,
 Когда, смотря налѣво и направо,
 Бросалъ ему нашъ графъ презрѣнья взоръ,
 Иной фальшивой нотой возмущенный;
 И дрожь овладѣвала примадонной,
 Когда, трудясь надъ выводомъ ругадъ,
 Встрѣчала вдругъ его лукавый взглядъ;
 Желали всѣ: сопрано, басъ, контр-альтѣ,
 Чтобъ онъ хоть провалился подъ Ріальто.

XXXIII.

Онъ былъ поэтъ, романсы распѣвалъ,
 Острилъ подѣ-часъ находчиво и мѣтко,
 Всегда импровизаторовъ ласкалъ
 И самъ импровизировалъ нерѣдко;
 Достоинство картины понималъ
 И даже слылъ за ловкаго танцора, —
 Въ Италіи жъ подобной славы скоро
 Не заслужить; извѣстно съ давнихъ поръ,
 Что итальянецъ вовсе не танцоръ.
 Итакъ, онъ слылъ за льва въ извѣстномъ кругѣ
 И былъ герой... хоть для своей прислуги.

XXXIV.

Къ тому же, онъ для многихъ женщинъ былъ
 Находкой рѣдкой — въ этомъ я увѣренъ:

Чѣмъ холоднѣй онъ женщину любилъ,
 Тѣмъ долѣе ей оставался вѣренъ,
 И потому ни разу не смутилъ
 Иной души блаженнаго покоя.
 Въ немъ билось сердце вовсе не такое,
 Которое, принявъ любовь въ себя,
 Само затрепетало бы любя.
 Онъ былъ любовникъ школы очень странной—
 Не любящій хотя, но постоянный.

XXXV.

Вотъ почему печальная жена
 Вдругъ увлеклась такимъ героемъ слѣпо
 И мужу не осталася вѣрна.
 Кто жъ виноватъ, что не вернулся Беппо?
 И сколько жъ лѣтъ Лаура ждать должна?
 Она могла считать себя вдовою,
 И мужъ ея досужею молвою
 Давно, давно ужъ былъ похоронѣнъ;
 Дѣйствительно, когда не ѣдетъ онъ,
 То долженъ мертвецомъ для всѣхъ казаться,
 Или, по крайней мѣрѣ, имъ считаться.

XXXVI.

Притомъ для заальпійскихъ жонъ
 (Хоть грѣхъ большой, прибавлю я къ тому же)
 Уже давно почти вошло въ законъ —
 Прости ихъ Богъ! — имѣть и по два мужа.
 Не знаю вѣрно, кѣмъ былъ занесѣнъ
 За Альпы тотъ прелестнѣйшій обычай,
 Но онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій

И повсемѣстно въ обществѣ терпимъ,
 Гдѣ никого не трогало, что имъ
 Между двумя *вторичный* бракъ скрѣплялся,
 Котрымъ *первый* тотчасъ нарушался.

XXXVII.

Въ Италиі «побочный» мужъ прослылъ
 Подъ именемъ вульгарнымъ «чичисбея»,
 (Но это имя прежде онъ носилъ).
 Тотъ модный бракъ, нисколько не робѣя,
 Къ испанцамъ даже доступъ получилъ.
 Надежда есть, что очень, очень скоро,
 Моря переплывая и озѣра,
 Всѣ страны эта мода заразить.
 Но Англиі пускай не посѣтитъ,
 Иначе, тамъ отъ язвы этой моды
 Начнутся только штрафы да разводы.

XXXVIII.

Хотя всегда съ почтеньемъ я гляжу
 На юныхъ дѣвъ — лукавить для чего же? —
 Я откровенно все-таки скажу:
 Мнѣ женщина гораздо ихъ дороже,
 Когда за ней я въ обществѣ слѣжу
 Иль съ глазу на глазъ съ нею повстрѣчаюсь.
 Обрисовать я этимъ не стараюсь
 Ни англійскихъ и ни французскихъ жонъ;
 Я говорю: всѣхъ дамъ свободный тонъ
 И эта рѣчь, текущая свободно,
 Плѣнять, сведуть съ ума кого угодно.

XXXIX.

Взгляните жь вы на рядъ прелестныхъ миссъ:
 Какъ хороши!... но такъ онѣ пугливы,
 Такъ часто опускають глазки внизъ,
 И краскою алѣють, точно сливы,
 Что вы отъ нихъ всегда бы отреклись.
 Всего стыдясь, молчать онѣ упрямо
 И словно ждуть, что имъ подскажетъ «та́мша»;
 И ихъ занятя, лепеть, робкій взглядъ
 Напомнятъ вамъ спелененныхъ ребятъ.
 Притомъ, отъ миссъ межъ англійскимъ народомъ,
 Всегда немножко пахнетъ бутербродомъ.

XL.

Итакъ названье: *cavalier servente*
 (Вездѣ употребительное слово)
 Лишь значить — мужъ заштатный, или франтъ,
 Занятія не знающій иного.
 Какъ постоянно — это ихъ талантъ —
 Быть продолженьемъ шлейфа милой лэди,
 Приятно улыбаться на обѣдъ,
 Отыскивать гондолу, экипажъ,
 Услуживать при случаѣ, какъ пажъ,
 Носить за ней перчатки, шали, шляпки
 И въ магазинахъ купленные тряпки.

XLI.

Какъ ни была бь Италия страшна
 Для всѣхъ мужей, знакомыхъ съ мукой ада,
 Люблю тебя, роскошная страна,
 Люблю смотрѣть на кисти винограда,

Въ полдневный зной у вскрытаго окна,
 Віющихся въ несвязанныхъ размѣрахъ. .
 Тотъ виноградъ не тотъ, что на шпалерахъ,
 Гдѣ лозы прихотливо заплелись,
 Зеленой бахромой спадая внизъ:
 Такъ на холстѣ, натянутомъ на рамахъ,
 Малюютъ виноградникъ въ мелодрамахъ.

XLII.

Люблю скакать безъ устали верхомъ
 Въ осенній день, не спрашивая гroma,
 Лежитъ ли плащъ дорожный за сѣдомъ,
 Боясь, что солнце спрячется угрюмо
 И я могу промокнуть подъ дождёмъ.
 Передо мной вся въ зеленѣ аллея;
 И путь свой перерву я не жалѣя,
 Когда вoзoвъ увижу длинный рядъ,
 Везущихъ спѣлый, красный виноградъ;
 А въ Англии на каждомъ перекрёсткѣ
 Съ навозомъ бы попались намъ повозки.

XLIII.

Любилъ я, солнце, весело смотрѣть
 На твой закатъ, увѣренный заранѣ,
 Что завтра такъ же будешь ты горѣть
 И, не скрываясь въ утреннемъ туманѣ,
 Какъ и всегда не перестанешь грѣть.
 Нѣтъ, не напомнитъ намъ твой взоръ привѣтный
 Взоръ пьяницы мертвящій и безцвѣтный,
 И при лучахъ роскошныхъ южныхъ дней,
 Не вспомню я о заревѣ огней,

Съ болѣзненнымъ мерцаніемъ горящихъ
Въ чаду паровъ, надъ Лондономъ висящихъ.

XLIV.

Люблю тебя, Италиі языкъ!
Ты, каждый слухъ чаруя и бадуя,
Напоминать гармоніей привыкъ
Волшебный звукъ святого поцалуя,
Съ устъ женщины сбѣжавшій въ сладкій мигъ.
Въ томъ языкѣ — весь югъ благоуханный!
Онъ не похожъ на нашъ языкъ гортанный.
Сравню ль его съ нарѣчьемъ нашихъ странъ,
Иль съ разговоромъ хмурыхъ англичанъ,
Которые не могутъ выражаться,
Чтобъ не шипѣть, свистать и не плеваться?

XLV.

Люблю еще (и кто же слабость ту
Мнѣ не простить?) прелестныхъ итальянокъ;
Равно ихъ всѣхъ люблю за красоту:
И смуглолицыхъ, огненныхъ крестьянокъ,
Ихъ черныхъ глазъ и жаръ, и теплоту,
Въ которыхъ страсть горитъ съ улыбкой кроткой,
И важныхъ дамъ съ классической походкой;
Люблю ихъ взоръ, вамъ говорящій вдругъ,
Что въ немъ живетъ — и этотъ теплый югъ,
И той природы дѣвственныя ласки,
И тѣхъ небесъ полуденныя краски.

XLVI.

О, красота! ты Ева той страны!
Рафаэля не ты ли возродила,

Чьи образы безсмертью преданы?
 Не ты ль его съ богами породила,
 Которые завидовать должны
 Его твореньямъ?... Чья же, чья же лира
 Достойна воспѣвать тебя для міра?
 Нѣтъ, ни одинъ пѣвецъ не воспоетъ
 Твоихъ чудесъ, твоихъ живыхъ красотъ,
 И всѣ слова безсильны и не новы,
 Пока живутъ созданія Кановы.

XLVII.

«Все въ Англии люблю я» (такъ въ Калѣ
 Я говорилъ), и даже недостатки!»
 Оставшись вѣренъ этой похвалѣ,
 Люблю твое правительство, порядки,
 Люблю свободу въ англійской землѣ,
 (Пока ее имѣютъ англичане),
 Права пера въ литературномъ станѣ,
 Люблю типографическій станокъ,
 Котораго стѣснить никто не могъ,
 Люблю я шумъ парламентскаго спора,
 Лишь только бѣ онъ оканчивался скоро,

XLVIII.

Люблю налогъ, который не тяжолъ,
 И огонекъ, пылающій въ каминѣ,
 Люблю биштексъ, поставленный на столъ,
 И пиво я люблю еще донинѣ,
 Люблю, покажѣсть дождикъ не пошолъ,
 Хорошую погоду (а погода
 Бываетъ хороша въ течение года

Три мѣсяца, и то едва-едва).
 И такъ, люблю Британіи права,
 Ея гражданъ солидность и свободу
 И не совѣмъ веселую природу,

XLIX.

Ея солдатъ и темныхъ фабрикъ дымъ,
 Ея проекты, подати, реформы,
 И митинги, которыми хотимъ
 Себя увѣрить съ очень давнихъ поръ мы,
 Что мы — народъ свободный; мной любимъ
 Ея банкротствъ тяжелыхъ списокъ длинный
 И ледъ, и холодъ лѣди нашей чинной,
 И нашъ холодный сѣверный туманъ,
 Ну, словомъ — все въ отчизнѣ англичанъ,
 Какъ есть теперь, или какъ прежде было,
 Мнѣ кажется плѣнительно и мило.

L.

Но возвращусь къ разсказу. Мнѣ давно
 Пора окончить это отступленье,
 Къ тому жъ, въ глазахъ читателя оно
 Со стороны поэтовъ — преступленье.
 Читателю совѣмъ не суждено
 Такъ подчиняться авторскимъ капризамъ;
 И, склонный къ неожиданнымъ сюрпризамъ,
 Онъ непремѣнно требуетъ отъ насъ
 Съ моралью и съ завязкою разсказъ,
 Который нервы трогалъ бы — а это
 Вѣдь не всегда по силамъ для поэта.

LI.

Когда бъ я могъ, читатели, для васъ
 Писать легко, звать не заставляя,
 Когда бъ я могъ взобраться на Парнасъ,
 Гдѣ засѣдаютъ музы, вдохновляя
 Иныхъ пѣвцовъ!... О, чтобы за рассказъ,
 Хоть греческій иль ассирійскій даже
 Я написалъ тотчасъ же для продажи,
 И отдалъ бы книгопродавцамъ въ плѣнъ
 Богатое собранье пестрыхъ сценъ,
 Чувствительныхъ весьма, сантиментальныхъ,
 Съ присутствіемъ героевъ идеальныхъ.

LII.

Но я пѣвецъ — увы! не безъ грѣха,
 Мнѣ мѣста нѣтъ на славномъ Геликонѣ,
 Я риему подбираю для стиха,
 Какая попадется въ лексиконъ
 (Пусть риема будетъ даже и плоха),
 О критикахъ не думая заранѣ,
 Меня предать готовыхъ грозной брани;
 И даже я нерѣдко на пути
 Предполагалъ до прозы низойти;
 Но мода на стихи пошла въ народъ —
 И я останусь вѣренъ этой модѣ.

LIII.

Съ Лаурой графъ жилъ мирно и въ ладу,
 Почти шесть лѣтъ ихъ связь не прерывалась,
 Хоть иногда у нихъ — разъ нѣсколько въ году —
 И ссора межъ собою начиналась,

Но не служила, впрочемъ, къ ихъ вреду,
 И ревностью навѣянная ссора
 Всегда кончалась очень, очень скоро.
 Въ подобныхъ отношеніяхъ нельзя жь,
 Чтобъ маленькая ссора или блажь,
 Ревнивый гнѣвъ, иль что-нибудь такое,
 Не нарушали изрѣдка покоя.

LIV.

Но вообще счастливою четой
 Назвать ихъ можно было безъ пристрастья,
 Счастливою на столько, что пустой
 Иной капризъ не нарушалъ ихъ счастья:
 Она плѣняла зрѣлой красотой,
 Онъ нѣженъ былъ; для нихъ любви оковы
 Казались легки и не суровы.
 Свѣтъ ихъ шадилъ, и лишь порой ханжа
 Ихъ къ чорту посылалъ, но, сторожа
 Всѣхъ юношей, попавшихъ въ свѣтъ къ Амуру,
 Чортъ пощадилъ и графа и Лауру.

LV.

Да, молодость любовь имъ сберегла.
 Любовь и юность — всюду неразлучны;
 Въдъ безъ любви и юность не тепла,
 Безъ юности любви порывы скучны.
 Одна любовь въ дни юности могла
 Насъ оживлять, смиряя жизни ропоть;
 Одну любовь не улучшаетъ опытъ,
 Печальный опытъ многихъ трудныхъ лѣтъ.
 Не потому ль старикъ, въ которомъ нѣтъ

Того огня, что юность оживляетъ,
Нась ревностью своею забавляетъ.

LVI.

Былъ карнавалъ. (Строфъ тридцать-шесть назадъ
Я объявилъ читателю объ этомъ).
Лаура, приготовивъ свой нарядъ,
Заняться поспѣшила туалетомъ.
Такъ дѣлалъ, вѣроятно, мой собрать,
Заботясь о задуманномъ нарядѣ,
Чтобъ быть у мистриссъ Бемъ на маскарадѣ.
Лишь разница въ тѣхъ случаяхъ одна:
Веселью долѣе Италия вѣрна.
Тамъ карнавалъ всѣмъ маски надѣваетъ
И шесть недѣль съ толпы ихъ не снимаетъ.

LVII.

Лаура нарядилась не спѣша.
Подобныхъ женщинъ рѣдко встрѣтишь въ мирѣ.
Она была свѣжа и хороша,
Какъ херувимъ... на вывѣскѣ въ трактирѣ,
Иль, наконецъ; сравненьемъ не грѣша,
Какъ первая виньетка на журналѣ,
Гдѣ модныя картинки прикрывали
Обертками изъ тонкаго листка,
Затѣмъ, чтобъ ни единая строка
Отъ сильнаго давленья не осталась
На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тальма рисовалась.

LVIII.

Они пошли въ Ридотто; это залъ,
Гдѣ люди пьютъ, танцуютъ, веселятся,

Балъ съ масками, большой народный балъ,
 Который бы напомнилъ, можетъ статья,
 (Хоть въ меньшемъ видѣ только) нашъ воксалъ,
 Съ той разницей, что тамъ героевъ бала
 Дождливая погода не пугала.
 И такъ — былъ балъ, и въ свѣтлой залѣ той
 Мы встрѣтились бы съ пестрою толпой,
 Которая (замѣчу въ назиданье)
 Гораздо ниже нашего вниманья.

LIX.

Такъ «пестрою толпою» мы всегда
 Часть публики извѣстной называемъ,
 Въ собраніяхъ которой нивогда
 Друзей своихъ и близкихъ не встрѣчаемъ,
 Друзей, которымъ всюду безъ стыда
 Готовы мы при встрѣчѣ поклониться.
Толпа — совсѣмъ иное: подчиниться
 Она всегда готова моднымъ львамъ,
 Капризамъ ихъ, велѣньяиъ и словамъ
 Избранниковъ однихъ *большого свѣта*
 (Чѣмъ свѣтъ великъ? — темно названье это).

LX.

Такъ было прежде въ Англіи въ тѣ дни,
 Когда являлись дэнди въ модномъ свѣтѣ:
 Быть можетъ, нынче изгнаны они
 Иною расой франтовъ на паркетѣ
 И доживаютъ жизнь свою въ тѣни..
 Избранники и демагоги моды!
 Не разъ къ вамъ беспощадны были годы,

Не разъ вашъ блескъ затерянъ былъ во мглѣ!
 Такъ погибаетъ слава на землѣ:
 Отъ войнъ, любви и, что гораздо хуже,
 Отъ зимняго мороза и отъ стужи.

LXI.

Примѣръ тому хотя Наполеонъ.
 Рукой могучей сѣвернаго Тора
 Онъ съ арміей своей былъ побѣждёнъ —
 Стихіями осилёнъ былъ безъ спора.
 Такъ храбрый китоловъ, со всѣхъ сторонъ
 Затертый льдами, въ морѣ погибаетъ;
 Такъ новичокъ со страхомъ разрываетъ
 Грамматики учебникъ роковой.
 Наполеонъ палъ жертвой боевой —
 А счастье?... но замолчу здѣсь строго
 Затѣмъ, что въ счастье вѣрю я немного.

LXII.

Фортуны власть надъ нами велика.
 Безсмертная, отъ дѣла не старѣя,
 Намъ счастье раздаетъ ея рука
 Въ любви, въ женитьбѣ, въ картахъ, въ лотереѣ.
 Съ Фортуной я не кончилъ счетъ пока,
 Она мой путь немного украшала,
 Но все жъ меня надежда не кидала,
 Что, наконецъ, за тяжкій рядъ невзгодъ
 Она мнѣ дастъ порядочный доходъ.
 Я буду ждать... а потому-то нынѣ
 Ни слова не скажу я о богинѣ.

LXIII.

Разсказъ мнѣ не дается, словно кладъ,
 Начну — и двадцать разъ перерываю,
 Но — въ томъ размѣръ условный виновать,
 Котораго никакъ не уломаю.
 Бросать его — ужь поздно; радъ не радъ
 Я подчинюсь капризному размѣру.
 Хотя въ него и потерялъ я вѣру;
 Но ежели въ грядущіе года
 Съ нимъ, наконецъ, я справлюсь — о! тогда,
 Почтивъ его своей послѣдней тризной,
 Я изберу размѣръ не такъ капризный.

LXIV.

Они пошли въ Ридотто (и туда
 Самъ думаю отправиться я скоро,
 Чтобъ нѣсколько развлечься, господа,
 Средь бальныхъ танцевъ, пляски, разговора,
 Чтобъ отгадать на балѣ иногда
 Черты лица подъ темной пеленою;
 А такъ какъ скука странствуетъ за мною
 Не торопясь, то, посѣтивши балъ,
 Ее, пожалуй, я бы перегналъ
 На часъ одинъ, на полчаса, положимъ,
 А въ полчаса мы много сдѣлать можемъ).

LXV.

А между тѣмъ Лаура въ залъ вошла.
 Лицо ея улыбкою сіяло;
 Иныхъ она къ себѣ подозвала.

Шептала съ тѣмъ, тѣмъ головой кивала;
 Когда жь Лаура долго не могла
 Быть въ духотѣ, по одному лишь взгляду,
 Графъ приносилъ ей тотчасъ лимонаду;
 Потомъ она, оглядывая вокругъ
 Костюмъ своихъ блистательныхъ подругъ,
 Замѣтила, и даже не безъ вздоха,
 Что всѣ онѣ одѣты очень плохо.

LXVI.

Лицо одной пылало отъ румянъ,
 Та локоны фальшивые имѣла,
 На третьей безобразнѣйшей тюрбанъ,
 Четвертая какъ саванъ побѣлѣла,
 И застилалъ глаза ея туманъ,
 На пятой весь костюмъ какой-то жалкій,
 Шестая говоритъ провинціалкой,
 Седьмая, у которой по плечу...
 Но... «видѣть ихъ я больше не хочу»,
 Чтобы онѣ, какъ привидѣнья Банко,
 Не шли за мной — рѣшила итальянка.

LXVII.

Пока она осматривала залъ
 И масовъ разноцвѣтные наряды,
 Ее встрѣчали ропотомъ похвалъ,
 Она ловила огненные взгляды.
 И только женщинъ многихъ возмущалъ
 (Онѣ вдругъ стали пасмурны и хмуры)
 Восторгъ мужчинъ предъ красотой Лауры,

Которой видъ, улыбка, свѣтлый взоръ
 Еще волнуютъ ихъ до этихъ поръ,
 «И этого» — сказали втайнѣ дамы —
 «Ей извинить не можемъ никогда мы.»

LXVIII

Что жь до меня касается, то я
 Не прекословлю въ этомъ строгимъ дамамъ,
 Негодованье въ сердцѣ затая.
 Чтò для страны всегда казалось срамомъ,
 Волнуеть постоянно и меня;
 И еслибъ я былъ облеченъ тѣмъ саномъ,
 Которымъ разрѣшается всегда намъ
 Все говорить, что въ голову придетъ,
 Тогда бы я затѣялъ новый родъ
 Проповѣдей, и проповѣди эти
 Извѣстность получили бы на свѣтѣ.

LIX.

Итакъ, пока Лаура въ залъ шла,
 Шутя, смѣясь направо и налѣво,
 Не думая, что для подругъ была
 Причиною и зависти, и гнѣва,
 И граціей своей ихъ всѣхъ съ ума свела,
 Пока она въ блестящей залъ бала
 Вокругъ себя поклонниковъ собирала,
 То съ этимъ объяснялася, то съ тѣмъ,
 Какой-то незнакомецъ между тѣмъ
 За ней слѣдилъ съ упорствомъ постояннымъ
 И нѣсколько — признаться нужно — страннымъ.

LXX.

Тотъ незнакомецъ туркомъ былъ одѣтъ,
 Съ лицомъ почти-что бронзоваго цвѣта.
 Лаурѣ онъ понравился иль нѣтъ —
 Не знаю я. Поклонникъ Магомета
 За многоженство, можетъ быть, привѣтъ
 И вызоветъ, но только мудрено намъ
 Завидовать его гаремнымъ жонамъ,
 Которыхъ какъ рабынь скупаютъ онъ
 И, четырехъ имѣя въ домѣ жонъ,
 Наложницъ можетъ, если есть охота,
 Держать всегда «ad libitum», безъ счета.

LXXI.

Притомъ же онъ ихъ прячетъ подъ заперъ,
 Онъ лица ихъ скрываетъ подъ покровомъ,
 И женщина считаетъ за позоръ
 Съ мужчиною обмолвиться хоть словомъ,
 Хотя бъ онъ былъ родня ей съ давнихъ поръ;
 И тѣмъ рабамъ запуганнымъ едва ли
 Когда бъ нибудь завидовать мы стали.
 Обычаю восточному вѣрны,
 Бездѣйствовать всю жизнь онѣ должны,
 Кормить дѣтей, купаньемъ нѣжить кожу
 И подходить поочереди къ ложу.

LXXII.

Имъ незнакомы книжная печать
 И толки о послѣдней, новой драмѣ,
 Остротами не думая блистать,
 Онѣ совсѣмъ несклонны къ эпиграммѣ;

Но если бь свѣтъ проникъ туда — какъ знать?—
 И начался расколъ во всемъ гаремѣ,
 Кто бь справился съ красавицами тѣми?
 Но къ счастью, что въ ихъ средѣ пока
 Не заводилось *синяго чулка*
 И юноши румянаго, съ которымъ
 Онѣ могли бь заняться книжнымъ вздоромъ.

LXXIII.

Имъ не знакомъ торжественный приемачъ,
 За славою гоняющійся вѣчно,
 Ручной звѣрокъ, поэзіи палачъ,
 Терзающій нашъ слухъ безчеловѣчно,
 Стихами называющій свой плачъ
 И хныканье, кривляка на Пегасъ,
 Руководитель женщинъ на Парнасъ
 И юношей, задумавшихъ *творить*,
 Посредственность, желающая быть
 Прославленной, извѣстной для чего-то,
 Имѣя смыслъ и силу идіота.

LXXIV.

Имъ не знакомъ оракуль-стихоплѣтъ,
 Хвалящій то, что стоитъ поруганья,
 Жужжащій дни и ночи напролѣтъ
 И мучающій насъ безъ состраданья
 Восторгами — хоть ихъ никто не ждѣтъ —
 Иль наглостью, цинизмомъ грязной брани,
 И съ жадностью глотающій въ туманѣ

Извѣстность жалкую, и наконецъ
 Такихъ поэмъ бездарнѣйшій пѣвецъ,
 Что всѣ онѣ имѣли бѣ славу ту же,
 Когда бѣ еще гораздо были хуже.

LXXV.

Непризнанныхъ талантовъ роль жалка:
 Они напоминаютъ почему-то
 Глядящаго надмѣнно свысока,
 Лоскутьями обвѣшеннаго шута.
 Ихъ разгадать — задача не легка,
 Но самаго отчаяннаго фата,
 Котораго встрѣчали мы когда-то,
 Безъ устали болтавшаго, едва-ль
 Терпимѣ любой журнальный враль
 И вся коллекція бумажныхъ насѣкомыхъ,
 Живущая въ журналахъ и въ альбомахъ.

LXXVI.

Я исключая избранныхъ натуръ
 Изъ темной касты пишущихъ педантовъ.
 Васъ, Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ-Муръ,
 Васъ съ обществомъ подобныхъ фигурантовъ,
 Съ собраніемъ плохихъ каррикатуръ,
 Не смѣшивалъ еще никто въ народѣ.
 Такъ пусть они, тупые по природѣ,
 Гоняясь за чужою остротой,
 Проходятъ безъ слѣдовъ передъ толпой.
 Съ запасомъ фразъ избитыхъ и мишурныхъ,
 Для мальчиковъ и дамъ литературныхъ.

LXXVII.

Нѣтъ, мусульманкамъ съ дѣтскихъ ихъ пелёнъ
 Невѣдомы, по счастью, люди эти
 И чужды имъ какъ колокола звонъ,
 Гудящій на турецкомъ минаретѣ;
 Но если бы издать такой законъ
 (Я въ свой проектъ имѣю много вѣры),
 Чтобъ на Востокъ пошли миссіонеры
 Съ запасомъ христіанскихъ мудрыхъ книгъ
 Вводить въ гаремахъ книжный нашъ языкъ,
 Тогда навѣрно бъ мы пришли къ богатымъ
 И несомнѣнно важнымъ результатамъ.

LXXVIII.

Но не проникла химія въ гаремъ,
 Для дѣвъ его никто не сочиняетъ
 Религіозныхъ повѣстей, поэмъ,
 И лекціи никто имъ не читаетъ
 Хотя о метафизикѣ. Затѣмъ
 Онѣ картинныхъ выставокъ не знаютъ
 И за теченьемъ звѣздъ не наблюдаютъ,
 Не предаются вздохамъ при лунѣ
 И чистой математикой онѣ
 Не занимались въ школѣ педагога,
 За чтó всегда благодарю я Бога.

LXXIX.

А почему его благодарю? —
 Особья причины есть на это;

Я ничего теперь не говорю
 И всѣхъ пока оставлю безъ отвѣта,
 Но, можетъ быть, когда я возгорю
 Желаніемъ — для прозы бросить лиру —
 Я напишу объ этомъ вамъ сатиру.
 Я склонность къ ней ужъ чувствую давно,
 Хоть въ старости браниться и смѣшно:
 На склонѣ лѣтъ тотъ смѣхъ насъ оживляетъ,
 Который думать чаще заставляетъ.

LXXX.

Веселья и невинности года!
 Дни чистаго, святаго упованья!
 Въ нашъ черствый вѣкъ, начавшій безъ стыда
 Все разрушать, въ припадкѣ отрицанья,
 Мы не отыщемъ вашего слѣда.
 Но, все-равно! я остаюсь вамъ вѣренъ
 И стану восхвалять васъ. Я увѣренъ,
 Что времена счастливыя опять
 Придется намъ когда-нибудь встрѣчать,
 И я теперь — о, сладкія мгновенья! —
 Пью горькій джинъ за ваше возвращенье.

LXXXI.

А турокъ на Лауру все глядитъ,
 Не сводитъ глазъ съ нея ни на минуту,
 И взоръ его, казалось, говоритъ:
 «Я на тебя смотрю, а потому-то
 Не уходи!»... подобный взоръ смутитъ
 Иную робкую, пугливую натуру,
 Но не смутилъ нисколько онъ Лауру.

Случалось ей уже не въ первый разъ
 Выдерживать огонь подобныхъ глазъ,
 А потому безъ страха, безъ румянца
 Она встрѣчала взгляды иностранца.

LXXXII.

Ночь пронеслась и близко былъ разсвѣтъ. —
 И въ этотъ часъ любительницамъ бала
 Осмѣлюсь дать одинъ благой совѣтъ:
 Покаместъ дня еще не наступало
 Скорѣй кидайте балъ или банкетъ.
 При освѣщенъи люстры вы блистали,
 Когда жь потухнутъ лампы въ бальной залѣ
 И солнца лучъ въ окошко проскользнѣтъ,
 Тогда у васъ румянецъ пропадѣтъ,
 И яркіе лучи дневного свѣта
 Вдругъ обличатъ всѣ тайны туалета.

LXXXIII.

Когда-то, жизнь и время не цѣня,
 Я по баламъ шатался и упрямо
 Сидѣлъ всю ночь и ждалъ явленья дня,
 Чтобъ посмотрѣть, найдется ли тамъ дама,
 Которая (кто жь обвинить меня
 Осмѣлится за наблюденье это?)
 Безъ страха встрѣтитъ лучъ дневного свѣта?
 Я много зналъ красивыхъ дѣвъ и жонъ,
 Но лишь *одной* былъ только пораженъ,
 Которой щоки такъ же были алы
 При блескѣ дня, какъ и при лампахъ залы.

LXXXIV.

Я имени ея не назову,
 Не потому, что имя это — тайна,
 Но для чего жь бросать его въ молву,
 Когда она мнѣ встрѣтилась случайно,
 Какъ свѣтлый сонъ, мелькнувшій наяву?
 Но, можетъ быть, ее вы бѣ повстрѣчали
 На лондонскомъ или парижскомъ балѣ,
 Гдѣ вы бывали вѣрно иногда;
 Идите же искать теперь туда
 Румянецъ щокъ, который безъ испуга
 Поспорилъ бы съ румянымъ утромъ юга.

LXXXV.

Лаура, безъ сомнѣнья, поняла
 Невыгоду на балѣ оставаться
 До той поры, когда исчезнетъ мгла
 И день начнетъ сквозь окна прорываться,
 А потому она уже была
 Готова балѣ оставить безъ печали.
 Графъ шолъ за ней съ занасомъ теплой шали
 И всевозможныхъ экстренныхъ услугъ.
 Они идутъ — но ихъ встрѣчаетъ вдругъ
 Препятствіе (не рѣдкіе примѣры):
 Огъ ихъ гондолы скрылись гондольеры.

LXXXVI.

Всѣ гондольеры, точно какъ у насъ
 Извозчики передъ дверьми собраний,

Толкаются, тѣснятся каждый разъ
 Среди пинковъ и самой крупной брани,
 И хоть порывъ тѣхъ слишкомъ грубыхъ фразъ
 Приходится смирять нерѣдко стражъ,
 Но и при ней они не могутъ даже
 Удерживать разнузданный языкъ,
 Къ которому едва-ли кто привыкъ, —
 А потому всѣ эти выраженья
 Я не введу въ разговоръ свой, безъ сомнѣнья.

LXXXVII.

Но, наконецъ, гондолу отыскавъ,
 Поѣхали вдоль тихаго канала
 Они домой. Болталъ съ Лаурой графъ
 Объ обществѣ и о костюмахъ бала,
 Съ злословіемъ свой смѣхъ перемѣшавъ.
 Когда жъ они къ палаццо подплывали,
 И къ лѣстницѣ, купавшейся въ каналѣ,
 Гондола тихо тихо подплыла,
 Лаура взоръ случайно подняла:
 Вдругъ передъ нею — случай очень страненъ —
 Опять стоитъ все тотъ же мусульманинъ.

LXXXVIII.

Графъ сдвинулъ брови. — «Слушайте, синьоръ,
 Поступки ваши требуютъ отвѣта
 И вызываютъ насъ на разговоръ.
 Зачѣмъ вы здѣсь? Иль, наконецъ, все это
 Нечаянность? Но съ этихъ поръ
 Вы прекратить должны свою причуду,
 А иначе я самъ обязанъ буду

Заставить васъ... вы можете понять...»
 — «Мнѣ нечего, синьоръ, вамъ объяснять» —
 Отвѣтилъ турокъ тутъ не безъ улыбки —
 «Здѣсь никакой, поймите, нѣтъ ошибки.

LXXXIX.

«И эта дама, графъ — *моя жена!*..»
 Извѣстемъ неожиданнымъ не мало
 Лаура вдругъ была поражена;
 Но гдѣ бѣ британка въ обморокъ упала
 И памяти лишиться бы должна,
 Тамъ итальянка съ тайною мольбою
 Въ одну минуту справится съ собою,
 Безъ помощи эссенцій спиртовыхъ,
 Флаконовъ, оттираній роковыхъ,
 Разрѣзанныхъ шнуровокъ на корсетѣ,
 Какъ вообще случается на свѣтѣ.

XC.

Лаура растерялась и молчить.
 И что сказать могла она? Ни слова,
 Но иноземца вѣжливо спѣшить
 Графъ пригласить (хоть это было ново)
 Войти въ ихъ домъ. Онъ турку говоритъ:
 «Чтобъ избѣжать публичнаго содома,
 Мы обо всемъ перетолкуемъ дома,
 Себя не выставляя напоказъ
 Для сотни любопытныхъ слишкомъ глазъ,
 Иначе же дадимъ мы пищу разомъ
 Различнымъ толкамъ, сплетнямъ и разговорамъ»

XCI.

Они вошли въ палаццо. Имъ несутъ
 Душистый кофе, сдѣланный заранѣ;
 Извѣстно намъ: напитокъ этотъ чтутъ
 Равно какъ турки, такъ и христiane,
 Хотя его они различно пьютъ.
 Межъ тѣмъ Лаура, скрывъ свое смущенье,
 Воскликнула: «Ахъ, Беппо! Безъ сомнѣнья
 Ты не язычникъ? тотъ же, какъ всегда?
 Ахъ! Господи, какая борода!
 Гдѣ жь ты скитался долго? Почему же
 Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?

XCII.

«Не туркомъ ли вернулся ты назадъ?
 Не взялъ ли ты жену себѣ моложе?
 Ахъ! правда-ль, будто турки всѣ ѣдятъ
 Не вилками, а пальцами?.. Мой Боже!
 Такую шаль видалъ ли кто наврядъ:
 Не мнѣ ль ее привезъ ты изъ чужбины?
 Ахъ! да, скажи мнѣ, правда ль, что свинины
 Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..
 И какъ ты могъ, скажи мнѣ, столько лѣтъ
 Жить безъ... А я, Maria Santa, я же...
 Но ты такъ жолтъ, что, право, страшно даже.

XCIII.

«Ахъ, Беппо, борода къ тебѣ нейдетъ...
 Сбрей бороду пожалуйста скорѣе.

Къ чему она? чтобъ насмѣшить народъ?
 Иль ты забылъ, что, какъ и прежде грѣя,
 На родинѣ все такъ же солнце жжетъ?
 А твой костюмъ... прошу я, Бога ради,
 Не выходи теперь въ такомъ нарядѣ.
 Вѣдь у людей ужасно злой языкъ...
 И для чего жъ ты волосы остригъ?
 Ахъ, Господи! смотрѣть обидно, просто:
 Не сосчитать твоихъ сѣдыхъ волосъ-то!..»

XCIV.

Какъ Беппо отвѣчалъ своей женѣ —
 Не знаю точно я, но, между нами,
 Вотъ чтó о немъ теперь извѣстно мнѣ:
 Онъ на берегъ былъ выброшенъ волнами
 И очутился вдругъ въ той сторонѣ,
 Гдѣ будто бы стояла прежде Троя,
 Но гдѣ тогда для нашего героя
 Настала жизнь неволи и труда;
 Но онъ бѣжалъ къ пиратамъ на суда
 И, добровольно ставши ренегатомъ,
 Жилъ хорошо и сдѣлался богатымъ.

XCV.

Разбогатѣвъ съ избыткомъ, началъ онъ
 Подумывать о родинѣ далекой,
 Съ которой былъ такъ долго разлучонъ —
 И о странѣ родной тоски глубокой
 Не пересилилъ новый Робинзонъ:
 Все къ ней влекло его неудержимо.
 Случилось разъ — корабль испанскій мимо

Тѣхъ самыхъ мѣстъ шелъ въ Корфу съ табакомъ;
 На тотъ корабль пробравшися тайкомъ
 И случаю себя вѣряя слѣпо,
 Отправился искать удачи Беппо.

XCVI.

Онъ на корабль испанскій перенёсъ
 Свои богатства — Богу лишь извѣстно,
 Гдѣ онъ ихъ взялъ — (не въ томъ теперь вопросъ:
 Они добыты честно иль нечестно?)
 Но бѣгство это Беппо удалось.
 Онъ говорилъ: «лишь только *Провидѣнье*
Спасло меня тогда!» Но это мнѣнье
 Я раздѣлю едва ль когда нибудь.
 Итакъ корабль пустился быстро въ путь
 Безъ всякихъ бѣдъ, крушеній и погони,
 И простоявъ три дня на мысѣ Боннѣ,

XCVII.

Онъ прибылъ въ Корфу. Беппо въ тотъ же часъ
 Съ своимъ добромъ сѣлъ на другое судно,
 Гдѣ называлъ себя на этотъ разъ
 Купцомъ турецкимъ (было бѣ безразсудно
 И поступить иначе); напоказъ,
 Онъ выставилъ товаръ свой для продажи
 И торговалъ, никѣмъ не, узнанъ даже.
 Такъ, избѣжавъ несчастій и засадъ,
 Въ Венецію вернулся онъ назадъ,
 Чтобъ вновь примкнуть къ забытому имъ кругу
 И снова отыскать свою супругу.

ХСVIII.

Жена его радушно приняла,
 Безъ ропота, безъ явнаго проклятья,
 Но тотчасъ же чалму съ него сняла
 И день одинъ ходилъ онъ въ графскомъ платьѣ;
 Толпа друзей привѣтлива была
 И стала ѣздить къ Беппо на обѣды,
 На ужины и длинныя бесѣды
 Хозяина, который всякій разъ
 Готовилъ имъ какой-нибудь рассказъ,
 Но, хоть гостей бесѣда развлекала,
 Въ рассказы тѣ я вѣрю очень мало.

ХСIX.

Быть можетъ, Беппо точно испыталъ
 Не мало бурь и бѣдъ въ иные годы,
 Но, наконецъ, и онъ покой узналъ
 И вспоминать любилъ свои невзгоды,
 Хотя подчасъ съ Лаурой онъ бывалъ
 И не въ ладахъ... Мнѣ, кстати, говорили,
 Что онъ и графъ — пріятелями жили.
 Но конченъ листъ, нѣтъ мѣста для пера,
 И мой рассказъ кончатъ давно пора.
 Давно пора! держусь хоть этой вѣры,
 Но сталъ писать — и вышелъ вонъ изъ мѣры.

Д. Минаевъ.

Г Я У Р Ъ.

ПРОИЗВЕДЕНІЕ ЭТО ПОСВЯЩАЕТСЯ

САМУИЛУ РОЖЕРСУ,

какъ слабое, но искреннее выраженіе удивленія
къ его гению, уваженія къ его характеру и бла-
годарности за его дружбу,

его признательнымъ и преданнымъ слугою

Байрономъ.

Лондонъ, май, 1813.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разсказъ, заключающійся въ этихъ несвяз-
ныхъ отрывкахъ, основанъ на событіяхъ, ко-
торыя въ настоящее время на Востоку совер-
шаются рѣже, чѣмъ прежде, быть можетъ, по-
тому, что женщины сдѣлались осторожнѣе, чѣмъ
въ *доброе, старое время*, или оттого, что хри-
стіане стали выказывать болѣе ловкости и ме-
нѣе предприимчивости. Повѣсть эта въ цѣломъ
заклучала описаніе приключеній молодой неволь-
ницы, которая, за невѣрность, по мусульман-
скому обычаю, была брошена въ море и по-
томъ отомщена ея любовникомъ, молодымъ ве-
неціанцемъ. Все это случилось въ то время,

когда Венеціанская республика владѣла семью островами, и вскорѣ по изгнаніи арнаутовъ изъ Мореи, которая, вслѣдъ за вступленіемъ туда русскихъ, была ими долго опустошаема. Отпаденіе майнотовъ, которымъ было отказано въ грабежъ Мизитры, заставило отказаться отъ этого предпріятія и повело къ совершенному опустошенію Мореи, ознаменованному съ обѣихъ сторонъ жестокостями, безпримѣрными даже въ лѣтописяхъ правовѣрныхъ. ⁴

ГЯУРЪ.

Отрывокъ изъ турецкой повѣсти.²

Роковой, грозный призракъ промчавшихся лѣтъ
Неизмѣненъ всегда, средь веселій и бѣдъ:
Цѣлый мiръ его тѣнью туманной покрытъ;
Не живить его радость, печаль не мрачить.

Т. Муръ, переводъ М. Вронченко.

Не дышетъ вѣтръ, не плещетъ валъ
Кругомъ сѣдыхъ, гранитныхъ скалъ,
Гдѣ гробъ защитника Аѳинъ³
Безмолвно высится одинъ,
И шлетъ привѣтъ издалекѣ
На встрѣчу судну рыбака:
Онъ къ берегамъ его роднымъ
Стремить свой бѣгъ, спасеннымъ имъ
Напрасно... скоро ли такой
Опять появится герой?

* *
*

Прелестный край! Тамъ цѣлый годъ
Весна роскошная цвѣтѣтъ;
Тамъ группа свѣтлыхъ острововъ
Видна съ далѣкихъ береговъ —
Волнуетъ душу, манить взглядъ
Приманкой нѣги и отрадъ.

Тамъ океана свѣтлый взоръ
 Играетъ тѣнью синихъ горъ
 И ловить ихъ своей волной;
 И если вѣтерокъ порой
 Всколеблетъ грудь лазурныхъ водъ,
 Иль листъ съ кустарника сорветъ —
 Онъ пронесется надъ землей
 Ароматической струей.
 Султаншу Розу тамъ поетъ —
 И на скалахъ и межъ вѣтвей —
 Въ нее влюбленный соловей,
 И, нѣжной радости полна,
 Подъ пѣснь его цвѣтетъ она.⁴
 Царица гордая садовъ,
 Вдали отъ вѣтра и снѣговъ,
 Не зная хлада нашихъ зимъ,
 Вѣнцомъ красуясь своимъ,
 Спокойно къ небу шлѣтъ назадъ
 Отъ неба взятый аромать,
 И небо, полное любви,
 Съ улыбкой лѣтъ лучи свои.
 Какъ много пышныхъ тамъ цвѣтовъ!
 Какъ много тѣнистыхъ кустовъ!
 Какъ много гротовъ, гдѣ, порой,
 Скрывая барку за скалой,
 Пиратъ добычу сторожитъ,
 Пока звѣзда не заблеститъ
 И звукъ гитары моряка⁵
 Не долетитъ издалека...
 Тогда въ тѣни прибрежныхъ скалъ
 Онъ пробирается — напаль —
 И, вмѣсто пѣсни моряковъ,

Несутся стоны, льется кровь.
 И что же? Тамъ, гдѣ вся страна
 Богомъ въ жилище создана,
 Гдѣ все — и нѣга и краса,
 Гдѣ всѣ природы чудеса
 Разлиты щедрою рукой,
 Тамъ люди съ злобною душой
 Стремятся радость омрачить
 И рай въ пустыню обратить.
 Подъ звѣрской ступью ихъ шаговъ
 Тамъ вянуть тысячи цвѣтовъ,
 Расцвѣтшихъ пышно средь полей,
 Ненасаженныхъ ихъ рукой,
 Ночной взлелѣянныхъ росой
 Да свѣтомъ солнечныхъ лучей;
 Цвѣтокъ растеть, манить, зовѣтъ:
 Они придуть — и онъ умрѣтъ.
 И что жъ? Въ природѣ вѣчный миръ,
 А тутъ страстей свирѣпый пиръ,
 А тутъ насиліе и стонъ
 Воздвигли свой ужасный тронъ
 И помрачили свѣтлый край.
 Какъ духи злобы, вторгшись въ рай,
 Низвергли ангеловъ съ небесъ —
 И свѣтъ померкъ и день исчезъ,
 Такъ свѣтелъ край, такъ полнъ отрадъ,
 Такъ въ людяхъ зло — и смерть и адъ!

Кто видѣлъ образъ мертвеца⁶
 Въ печальный день его конца,
 Въ послѣдній день тоски земной
 И въ первый жизни гробовой,

Пока истлѣнія персты
Еще не стерли красоты,
Тотъ замѣчалъ ли томный видъ
Его безжизненныхъ ланитъ
И прелесть блѣднаго лица
Съ печатью тихаго конца?
Не будь безжизненныхъ очей
Безъ слезъ, движенья и скорбей;
Не будь холоднаго чела,
Гдѣ все — безстрастіе и мгла,
Что душу зрителя тѣснить
Невольнымъ страхомъ, будто видъ
Того, что такъ его страшитъ
Его способенъ сокрушить;
Да, только этого не будь,
Проникнуть можетъ въ вашу грудь
Сомнѣнье въ смерти роковой —
Такъ много прелести живой,
Такъ много нѣги неземной
Въ ея явленіи! Таковъ
Видъ этихъ свѣтлыхъ береговъ
Элады чудной — но не той
Элады вольной и живой.
Она прекрасна, но блѣдна,
Она свѣтла но холодна —
И тяжело намъ, и грудь тѣснить,
И холодъ сердце леденить.
Она и въ гробѣ такъ мила;
Красы и смерть не отняла;
Но страшенъ видъ ея лица:
Румянецъ тяжкаго конца,
Послѣдній блескъ прошедшихъ дней,

Отсвѣтъ угаснувшихъ лучей,
 Бездушный остовъ прежнихъ лѣтъ...
 Все тотъ же блескъ, все тотъ же свѣтъ,
 Но нѣтъ тепла, но жизни нѣтъ.

Страна безсмертная побѣд!
 Земля, гдѣ слава древнихъ лѣтъ
 Погребена, гдѣ отъ равнинъ,
 До горныхъ гротовъ, до вершинъ
 Свобода нѣкогда жила,
 Гдѣ мысль могучая цвѣла,
 Эллада, ты ль? О небеса!
 Ужель здѣсь вся твоя краса?
 Приблизься, рабъ, лишенный силъ! —
 Не скалы ль это Термопилъ?
 Ужель забылъ ты, жалкій сынъ
 Своихъ воинственныхъ отцовъ,
 Названье этихъ береговъ,
 И моря? — это Саламинъ!
 Возстань! отбей ихъ у враговъ,
 Добудь изъ отческихъ гробовъ
 Святой огонь, тотъ сердца пылъ,
 Который ихъ животворилъ!
 Кто за отчизну сгинетъ самъ —
 Прибавить имя къ именамъ,
 Что дрожь наводятъ на враговъ;
 И въ сердцахъ страждущихъ сыновъ
 Проснется слава, и скорбей
 Они погибнуть отъ мечей,
 Чѣмъ отъ оковъ... За вольность бой
 Начавшись разъ въ странѣ родной,
 Отъ дѣдовъ къ внукамъ перейдетъ,

Порой замолкнетъ — не умретъ,
 И славно кончится. Вѣковъ
 Минувшихъ слава — изъ гробовъ
 Къ тебѣ зоветъ, зоветъ... Пускай
 Для славы мертвый нильскій край
 Гордится высью пирамидъ:
 Твоихъ героевъ гробъ сокрытъ
 Отъ взоровъ: рокъ давно сразилъ
 Надгробный мраморъ съ ихъ могила;,
 Но память ихъ нашъ видитъ взоръ
 Въ вершинахъ гордыхъ здѣшнихъ горъ,
 Между цвѣтами сихъ равнинъ,
 Въ волнахъ шумящихъ свѣтлыхъ водъ,
 Гдѣ геній Греціи одинъ
 Досель невидимо живѣтъ,
 Надъ гробомъ тѣхъ, кто не умрѣтъ.
 Эллада! трудно описать
 Твой путь отъ славы до цѣней:
 Одно, что можемъ мы сказать:
 Не отъ чужихъ, а отъ дѣтей
 Погибла ты: твоихъ оковъ
 Виной не мощь твоихъ враговъ,
 А рабскій духъ родныхъ сыновъ.

Что скажетъ тотъ, кто берегъ твой
 Печальный видѣлъ предъ собой?
 Здѣсь нѣтъ легендъ минувшихъ дней,
 Преданій славныхъ тѣхъ вѣковъ,
 Когда среди твоихъ полей
 Живали люди безъ оковъ,
 Достойные земли своей.
 И что жъ? теперь потомки ихъ,

Презрѣвши кровь отцовъ своихъ,
 Забывши долгъ странѣ родной,
 Вспоившей ихъ своей струей,
 Отъ колыбелей до гробовъ
 Ползуть подъ бременемъ оковъ,
 Рабы... нѣтъ — узники рабовъ! ?
 Одни пороки въ ихъ сердцахъ,
 Да лесть презрѣнная въ устахъ...
 И все, чѣмъ страждетъ родъ людей,
 Что ихъ низводитъ въ рядъ звѣрей...
 Въ нихъ нѣтъ лишь смѣлости одной
 Да груди вольной и живой;
 Одинъ обманъ въ душѣ у нихъ —
 И то противъ своихъ родныхъ...
 Вотъ греки, вотъ въ чемъ въ наши дни
 Влачатъ всю жизнь свою они!
 Напрасно бѣ стали призывать
 Ихъ узы рабства разорвать,
 Иль сбросить иго ихъ враговъ...
 Сроднившись съ бременемъ оковъ,
 Они не чувствуютъ скорбей...
 Довольно! На душѣ моей
 Разказъ печальный: можетъ быть,
 Кто въ силахъ чувствовать и жить,
 Со мною будетъ слезы лить.

* *
*

На синевѣ морскихъ валовъ,
 Въ тѣни скалистыхъ береговъ,
 Какъ-будто темной ночи ждетъ
 Островитянинъ, иль майнотъ...
 Рыбакъ, страшась поры ночной,
 Спѣшитъ уйти съ своей ладьей:

Окончивъ свой обильный ловъ,
 Тяжолыхъ стойвшій трудовъ,
 Онъ сильно, медленно гребеть
 Вдоль береговъ, и такъ плыветь,
 Пока въ Леоне не войдетъ
 Среди полночной тишины,
 При свѣтѣ трепетномъ луны.

* * *

Кто тамъ, какъ буря въ вышинѣ,
 Летитъ на ворономъ конѣ? *
 Тяжолый стукъ и звукъ подковъ
 Разноситъ эхо средь лѣсовъ
 Съ холма на холмъ, изъ грота въ гротъ.
 Съ коня струю пѣна бьетъ
 И въ брызгахъ сыплется кругомъ.
 Чуть дышетъ конь подъ сѣдокомъ,
 Но самъ сѣдокъ не утомлѣнъ:
 И бодръ и свѣжъ, и воленъ онъ.
 Бушуетъ буря средь полей,
 Но то, что тамъ — въ груди твоей —
 Страшнѣй всѣхъ бурь, гяуръ молодой!
 Мы незнакомы, — насъ съ тобой
 Съ пелѣнокъ дѣлитъ навсегда
 Отцовъ завѣтная вражда;
 Но вижу я: въ твоихъ чертахъ
 Есть что-то, что внушаетъ страхъ
 И ненависть, что не пройдетъ,
 Чего и время не сотретъ:
 Ты въ цвѣтѣ лѣтъ, а вдоль чела
 Ужъ жизнь былая провела
 Свои глубокія бразды.
 Хотя твой взоръ склоненъ къ землѣ,

Но очи, будто двѣ звѣзды,
 Сверкаютъ пламенемъ во мглѣ,
 Сквозь вихрь и тучи. Ты одинъ
 Изъ тѣхъ, кого Османа сынъ
 Обязанъ или истреблять
 Иль избѣгать и трепетать.

Онъ скачетъ, мчится предо мной;
 Отъ удивленья самъ не свой,
 Смотрю: какъ страшный духъ ночей,
 То вдругъ исчезнетъ отъ очей,
 И вновь появится. Какъ сонъ,
 Приводитъ мнѣ на память онъ
 Неясно что-то... Стукъ копытъ,
 Какъ громъ, въ ушахъ моихъ звучить.
 Онъ приближается къ скаламъ,
 Нависшимъ грозно здѣсь и тамъ
 Надъ недоступной крутизной;
 Онъ ихъ счастливо миновалъ;
 Онъ мчится дальше — поскакалъ
 И быстро скрылся за скалой.
 И вотъ блеснулъ внезапный лучъ
 Въ глухой ночи, во мракъ тучъ;
 Какъ-будто свѣтлою звѣздой
 Вдругъ озаренъ побѣгъ ночной...
 Вотъ обернулся наконецъ
 Младой, таинственный бѣглець:
 На мигъ коня остановилъ,
 На мигъ поводья опустилъ,
 На мигъ привсталъ на стремяна...
 Чѣмъ мысль его привлечена?
 Тамъ, на горѣ, въ дали видна

Магометанская луна.
 Мечеть разсвѣчена огнёмъ;
 Хоть не гремитъ ружейный громъ,⁹,
 Но ярко свѣтитъ сквозь туманъ
 Огонь усердья мусульманъ.
 Сегодня конченъ Рамазанъ
 И начинается Байранъ;
 Сегодня въ ночь... Но кто такой,
 Ты, незнакомецъ молодой?
 Зачѣмъ ты въ этотъ поздній часъ
 Бѣжишь и кроешься отъ насъ?

Онъ сталъ на мигъ — какъ-будто страхъ
 Явился у него въ чертахъ;
 Но ненависть свое взяла —
 Она не краской прилила
 Къ его ланитамъ молодымъ,
 Румянцемъ гнѣва роковымъ,
 А грозной блѣдностью могилъ,
 Что бѣлый мраморъ оскнилъ.
 Потупя взоръ свой огневой,
 Онъ крѣпко-сжатою рукой
 Кому-то злобно угрожалъ...
 Какъ-будто самъ еще не зналъ,
 Что дѣлать — что ему начать:
 Идти назадъ, или бѣжать.
 Но вотъ ретивый конь заржалъ...
 Булатъ, качнувшись, прозвучалъ
 Подъ опустившейся рукой.
 Звонъ стали вѣрной, боевой
 Его задумчивость прервалъ —
 Воспрянулъ всадникъ молодой:

Такъ точно рѣзкій скрипъ дверей
 Пугаетъ дремлющихъ людей.
 Вновь шпора острая звенить...
 Впередъ, впередъ! — и онъ летить,
 Какъ мѣтко брошенный джиридъ — ¹⁰
 И конь и всадникъ молодой
 Исчесли вмѣстѣ за скалой,
 И вотъ ужъ больше средь холмовъ
 Не раздается звукъ подковъ.
 Онъ лишь на мигъ коня сдержалъ,
 Остановился, постоялъ —
 И вновь летѣлъ путемъ своимъ,
 Какъ-будто смерть гналась за нимъ.
 И въ этотъ мигъ, казалось мнѣ,
 Горѣлъ въ завѣтной глубинѣ
 Его души огонь страстей,
 Зажженный жизнью прошлыхъ дней;
 И много въ немъ слилось годовъ
 Преступной жизни и трудовъ.
 Кто ненавидѣлъ или любилъ,
 Кого тревожный страхъ томилъ,
 Тотъ испыталъ самъ надъ собой,
 Чтѣ значитъ мигъ сей роковой.
 Чтѣ думалъ онъ, чего желалъ,
 Чего страшился, чѣмъ страдалъ,
 Когда всѣ муки прежнихъ дней,
 Всѣ ужасы былыхъ страстей
 Предстали предъ его душой!
 Пусть мигъ борьбы съ самимъ собой
 Не дологъ на часахъ времѣнь,
 Но въ мысли — безпредѣленъ онъ:
 Въ немъ дни и годы безъ числа,

Чтò только совѣсть обняла,
 Чтò мысль вмѣстить въ себѣ могла,
 Гдѣ нѣтъ — ни свѣта, ни конца,
 Ни упованья на Творца!

Пронесся часъ — гяуръ пропалъ:
 Погибъ ли онъ, иль убѣжалъ?
 Да будетъ проклятъ день и часъ,
 Когда явился онъ межъ насъ!
 За грѣхъ Гассана низошло
 Проклятье на его чело —
 И пышный домъ могилой сталъ.
 Онъ появился, онъ пропалъ
 Какъ вѣтеръ гибельный степей,
 Предтеча смерти и скорбей:
 Самумъ " удушливый дохнетъ —
 И все засохнетъ, все умретъ,
 И даже грустный кипарисъ,
 Чьи листья въ трауръ облеклись,
 Чтобъ горько плакать и тогда,
 Когда нѣтъ горю и слѣда.
 Не видно въ стойлахъ бѣгуновъ;
 Умолкла въ замкѣ рѣчь рабовъ;
 Паукъ развѣшиваетъ тамъ
 Съдья ткани по стѣнамъ;
 Ковры гарема мышъ грызетъ;
 На башнѣ — тамъ сова живетъ,
 Да у бассейна пѣсь дворной
 Уныло воетъ, жадной злой
 И страшнымъ голодомъ томимъ.
 Фонтанъ изсякъ уже давно,
 Заглохло мраморное дно

Съ тѣхъ поръ, какъ прожужжалъ надъ нимъ
 Духъ пустоты крыломъ своимъ.
 А какъ, бывало, онъ игралъ!
 Какъ зной полудня разгонялъ!
 Какъ серебристою росой
 Леталъ надъ мягкой муравой
 И какъ прохладу лилъ кругомъ!
 И какъ игралъ съ дневнымъ лучомъ!
 Какъ звѣзды красовались въ нёмъ
 Въ прозрачномъ сумракѣ ночей!
 Какъ влажный блескъ его лучей
 Очаровательно сверкалъ!
 Какъ онъ плѣнительно журчалъ!
 Когда-то здѣсь Гассанъ игралъ —
 Еще дитя: онъ засыпалъ,
 Лелѣемъ звучною струей,
 У груди матери родной...
 Нерѣдко юныя мечты
 Подъ пѣснь любимой красоты
 Вились здѣсь нѣкогда надъ нимъ —
 И, нѣгой счастья томимъ,
 Онъ чувствовалъ, какъ звукъ струны
 Сливался съ говоромъ волны.
 Теперь онъ больше не придѣтъ
 Внимать журчанью тихихъ водъ:
 Заглохъ фонтанъ — не брызнетъ вновь;
 Погибъ Гассанъ, изсыкла кровь...
 Здѣсь голосъ счастья и труда
 Вновь не раздастся никогда,
 Не будетъ слышиться окрестъ.
 Послѣдній звукъ среди этихъ мѣстъ
 Былъ свистомъ вѣтра заглушонъ —

И былъ то дикій женскій стонъ
 Онъ замеръ въ мракѣ... все молчитъ,
 Лишь вѣтеръ ставнями стучитъ
 Да крупный ливень въ окна бьетъ:
 Ничья рука ихъ не запретъ.
 Въ пескахъ безжизненныхъ степей
 Звучатъ страшнѣй шаги людей,
 Такъ здѣсь тоски унылый крикъ
 Пробудитъ эхо — хоть на мигъ —
 И глухо прозвучитъ оно:
 «Еще не все истреблено —
 И здѣсь есть жизнь!» И, точно, тамъ
 Блистаютъ тлани по стѣнамъ,
 Которыхъ тлѣнія рука
 Хоть и коснулась, но слегка;
 Но мракъ подъ сводомъ здѣшнихъ залъ
 Свое жилище основалъ —
 Здѣсь странникъ крова не найдетъ,
 Дервишь усталый не заснетъ,
 Путемъ далекимъ утомленъ:
 Увы! гостей чужихъ сторонъ
 Къ себѣ не манитъ этотъ кровъ;
 Для богачей и бѣдняковъ
 Закрыта дверь съ тѣхъ самыхъ поръ,
 Какъ палъ Гассанъ средь ближнихъ горъ.
 Такъ домъ его, пріютъ людей,
 Осиротѣлъ... Всему конецъ —
 Оставилъ гость его дворецъ,
 Бѣжалъ вассалъ съ его полей,
 Съ тѣхъ поръ какъ гостемъ чуждыхъ странъ
 Убитъ былъ доблестный Гассанъ.

* *

Я слышу шумъ людскихъ шаговъ,
 Но нѣтъ ни оклика, ни словъ...
 Все ближе — точно: всѣ въ чалмахъ,
 Кривыя сабли въ ихъ рукахъ;
 Въ главѣ — эмиръ: зеленый цвѣтъ¹²
 Высокій санъ въ немъ обличалъ.
 «Кто ты?» — приблизясь, онъ сказалъ.
 «Эффенди!» я ему въ отвѣтъ:
 «Поклонъ мой низкій, мой селямъ¹³
 Уже показываетъ вамъ,
 Что я къ закону мусульманъ
 Принадлежу — и чту коранъ.
 Я вижу — ношею своей
 Вы дорожите: вѣрно въ ней
 Зашито золото. Ладья
 Служить готова вамъ моя.»
 «Ты правъ!» эмиръ мнѣ отвѣчалъ:
 «Садись — и прочь отъ этихъ скалъ;
 Но прежде парусъ свой спусти.
 Гребни, старикъ, до полпути
 Отъ этихъ мѣстъ, гдѣ дремлетъ валъ,
 Гдѣ неподвижна и мрачна
 Пучины грозной глубина.
 Довольно! можешь отдохнуть...
 Едва-ль не самый длинный путь
 Она свершаетъ . . . . .»¹⁴

* *

На мигъ нарушивъ тишину,
 Упала ноша въ глубину —
 И стала медленно тонуть.
 Я наблюдалъ, боясь вздохнуть,
 Какъ колебалася вода —

И, мнилось, видѣлъ я тогда
 Движенье странное въ волнахъ,
 И блескъ какой-то на струяхъ;
 Но это былъ мгновенный лучъ,
 Скользнувшій въ воды изъ-за тучъ.
 Я все смотрѣлъ: казалось мнѣ,
 Сафиры искрились въ волнѣ...
 Но вдругъ мгновенный лучъ погасъ,
 Смѣясь надъ ослѣпленьемъ глазъ...
 И тайна та погребена
 На днѣ таинственномъ; она
 Извѣстна воднымъ лишь духамъ,
 Что обитають гдѣ-то — тамъ
 Среди коралловыхъ вѣтвей,
 И даже шопотомъ о ней
 Не смѣютъ вымолвить волнамъ.

* *
 *

Играя пурпурнымъ крыломъ
 Съ блестящимъ солнечнымъ лучомъ,
 Съ цвѣтка порхая на цвѣтокъ,
 Краса Востока — мотылёкъ
 Ребенка за собой манить,
 Напрасной ловлею томить,
 И вдругъ исчезнетъ въ небесахъ,
 Оставя мальчица въ слезахъ.
 Такъ точно гордой красотой
 Обмануть плѣнникъ молодой:
 На ловлѣ страха и надеждъ
 Онъ не смыкалъ горящихъ вѣждъ,
 Но, тщетнымъ бѣгомъ утомлѣнъ,
 Слезами кончитъ ловлю онъ...
 Но если пойманы... Тогда

Обоимъ равная бѣда:
 Какъ отъ игривости дѣтей,
 Такъ и отъ прихоти мужей
 Вся жизнь исполнена скорбей.
 Едва желанное сбылось
 И рьяной волѣ удалось
 Добыть плѣнительный предметъ —
 Очарованья больше нѣтъ.
 Тускнѣетъ подѣ чужой рукой
 Румянецъ жизни молодой —
 И вянетъ юности цвѣтокъ,
 Презрѣнъ, оставленъ, одинокъ.
 Безъ крыльевъ и томясь тоской,
 Двумъ жертвамъ гдѣ найти покой?
 Ужели можетъ мотылѣкъ,
 Когда уборъ его поблѣкъ,
 Лишенный крыльевъ и одинъ
 Порхать съ тюльпана на жасминъ?
 Ужели обрѣтетъ покой
 Душа дѣвицы молодой?
 Нѣтъ, рѣзвыхъ бабочекъ семья
 Не соберется — знаю я —
 Надъ злополучнымъ мотылькомъ
 Въ крови, съ оторваннымъ крыломъ;
 Готовы женщины рыдать
 Надъ чуждымъ горемъ, сострадать
 Чему хотите — но бѣда
 Сестры заблудшей никогда
 Ихъ глазъ слезой не омрачить
 Печалью сердца не стѣснить.

* *
*

Таить въ сердечной глубинѣ
 Проступокъ — страшно. Такъ въ огнѣ,
 Когда онъ жжетъ со всѣхъ сторонъ,
 Кружится плѣнный скорпионъ: ¹⁵
 Смертельной мукою томимъ,
 Онъ то бѣжитъ, то недвижимъ,
 То снова мечется кругомъ —
 И вотъ, въ отчаянны нѣмомъ,
 Находитъ онъ послѣдній путь —
 Не знать терзаній — и свое
 Съ ужаснымъ ядомъ остріе
 Вонзаетъ въ собственную грудь.
 Такъ умираетъ человекъ,
 Кончая свой преступный вѣкъ,
 Или живетъ, какъ скорпионъ,
 Огнемъ палящимъ окружонъ.
 Такъ сердце мечется, когда
 Надъ нимъ обрушится бѣда:
 Оно чужое небесамъ —
 Здѣсь мракъ — отчаяніе тамъ,
 Огонь кругомъ и впереди
 И смерть въ истерзанной груди.

* *
*

Гассанъ гаремъ оставилъ свой:
 Его невольницы молодой
 Не привлекаетъ нѣжный взоръ;
 Бродя въ ущельяхъ смежныхъ горъ,
 Онъ позабылъ былую лѣнь:
 Онъ на охотѣ ночь и день;
 Онъ ненавидитъ цѣлый свѣтъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ Лейлы больше нѣтъ
 Въ его дворцѣ. Но что же съ ней?

Она сокрылась отъ очей —
 Куда и какъ — кому же знать?
 Гассанъ лишь могъ про то сказать.
 Она исчезла, говорятъ,
 Когда смѣнила ночи тѣнь
 Послѣдній Рамазана день,
 И блескъ торжественныхъ огней
 На минаретахъ засверкалъ
 И мулла крикомъ созывалъ,
 Къ молебъ Османовыхъ дѣтей,
 Къ Байраму. Говорятъ, она
 Въ купальню вышедши одна,
 Ушла съ гяуромъ молодымъ
 Далекъ къ берегамъ чужимъ,
 Въ грозной власти мусульманъ...
 И прежде будто бы Гассанъ
 Замѣтилъ... но она была
 Такъ добродушна, такъ мила
 И такъ заботлива о немъ,
 Что онъ ввѣрился ей во всемъ;
 Притомъ насталъ на этотъ разъ,
 Заповѣдной молитвы часъ ..
 Таковъ былъ евнуха разсказъ.
 Есть слухъ другой, что той порой,
 Подъ кровомъ темноты ночной,
 При блѣдномъ фингара ¹⁶ огнѣ
 Гяуръ промчался на конѣ,
 И видны были средь песковъ
 Слѣды отъ крови и подковъ;
 Но онъ одинъ тогда скакалъ —
 Никто съ нимъ дѣвы не видалъ.

* *
*

Кто красоту ея очей —
 Опишетъ? Что сравнится съ ней?
 Газели очи не чернѣй
 И не прекраснѣе: порой
 Они темнѣе мглы ночной,
 Порою томны, какъ печаль,
 Порою искры сыплютъ въ даль —
 И въ искрахъ тѣхъ ея душа
 Горитъ, какъ Дзэмшидъ ¹⁷ хороша.
 Я знаю — говоритъ пророкъ:
 «Жена есть дышущій кусокъ
 Бездушной глины.» — Нѣтъ, Творецъ!..
 Хотя бъ послѣдній мой конецъ
 Насталъ, хотя бъ передо мной
 Былъ свѣтлый рай съ своей красой,
 Хотя бъ меня хоръ Гурій ¹⁸ звалъ,
 И я на Сиратъ ¹⁹ стоялъ —
 Тогда бы то же я сказалъ.
 И кто бъ на блескъ ея очей
 Смотря, отъ сердца вѣрить могъ
 Тому, что говоритъ пророкъ,
 Что нѣтъ живой души у ней
 И что бездушная жена
 Тиранской похоти мужей
 Безмолвной жертвой быть должна? ²⁰
 Навѣрно бъ муфтіи самъ сказалъ,
 Что лучъ безсмертія сіялъ
 Въ ея привѣтливыхъ очахъ.
 Румянецъ на ея щекахъ,
 Какъ цвѣтъ гранатовыхъ садовъ,
 Былъ вѣчно свѣжъ, и вѣчно новъ...
 А видъ ея густыхъ бровей?

А кольца шелковыхъ кудрей?
 И мраморъ спорить бѣлизной
 Никакъ не могъ съ ея ногой:
 Она была бѣлѣй снѣговъ,
 Еще не спадшихъ съ облаковъ,
 Не цаловавшихся съ землѣй.
 Какъ стройный лебедь надъ водой,
 Поднявши гордо гребень свой,
 Надменно, медленно плыветъ,
 Порой крылами въ волны бьетъ,
 Почуя шагъ людей чужихъ
 Къ границамъ водъ его родныхъ —
 Такъ — величаво и стройна —
 Вооружалася она,
 Чтобъ взглядъ незванный отразить
 Или заставить потупить
 Безумный взоръ... И какъ она
 Была достоинства полна!
 Какъ сердца другъ былъ дорогъ ей —
 Но другъ ея... Гассанъ злодѣй,
 Кто онъ? — напрасны мечты!
 Сердечный другъ ея — не ты!

* *

Гассанъ готовится въ походъ —
 Двѣнадцать слугъ за нимъ идѣтъ,
 Въ походныхъ платьяхъ и плащахъ
 И съ ятаганами въ рукахъ.
 Самъ вождь идетъ передъ толпой,
 Сверкая саблей роковой.
 Уже на саблѣ той давно
 Чернѣетъ темное пятно
 Отъ крови жителей сихъ горъ:

Оно виднѣется съ тѣхъ поръ,
 Когда немногіе изъ нихъ
 Пришли подъ кровъ пещеръ своихъ
 О пораженьи разсказать.
 И пистолеть съ нимъ тотъ опять,
 Который прежде онъ носилъ,
 Который яхонтами былъ
 Осыпанъ, золотомъ блисталь,
 Но предъ которымъ трепеталь
 Разбойникъ, бичъ всей стороны...
 Онъ, говорятъ, идетъ — жены
 Искать другой, вѣрнѣе той,
 Коварной Лейлы молодой,
 Что, насмѣявшись надъ нимъ,
 Ушла съ гяуромъ молодымъ.

* *

Въ долинѣ палъ туманъ ночной —
 И вотъ послѣдній лучъ дневной
 Играетъ съ вольною струей
 Прозрачныхъ водопада водъ.
 Здѣсь грекъ-купецъ приютъ найдеть,
 Который тщетно ищетъ онъ,
 Врагами всюду окружонъ,
 Средь многолюдныхъ городовъ,
 Страшась и шороха шаговъ.
 Невидимый для чуждыхъ глазъ,
 Здѣсь можетъ онъ заснуть на часъ:
 Онъ не боится ничего
 За цѣлость злата своего,
 И чарку свѣтлаго вина
 Здѣсь можетъ выпить онъ до дна.

* *

Но вотъ мелькнулъ передовой
 Татаринъ, съ жолтою чалмой
 На головѣ; за нимъ тропой
 Межь дикихъ скалъ, по двое въ рядъ,
 Поодаль тянется отрядъ.
 Гора скалистая своё
 Подъемятъ къ небу остріе,
 Гдѣ коршунъ клювъ свой, какъ копье,
 Прилежно точить о скалу
 И смотритъ въ даль, въ ночную мглу,
 Какъ будто съ сумракомъ для нихъ
 Настанетъ пиръ, который ихъ
 Слетѣтъ въ долину соблазнить.
 Рѣки засохшее русло
 Кой-гдѣ травкою заросло;
 По сторонамъ сѣдой гранитъ
 Сѣдыми глыбами лежитъ;
 А тамъ — громадный верхъ скалы
 Одѣтъ одеждой вѣчной мглы:
 Сначала міра, до-сихъ-поръ
 Еще ничей не видѣлъ взоръ
 И не увидитъ до конца
 Ея стыдливаго лица.

* * *

Они вошли въ сосновый лѣсъ.
 «Бисмилла!» трудностямъ конецъ;
 Начнется скоро гладъ полей —
 Тамъ можемъ ѣхать мы скорѣй»,
 Сказалъ вожатый; но едва
 Онъ эти вымолвилъ слова,
 Надъ головою просвисталъ
 Свинецъ — и онъ съ коня упалъ.

И трое всадниковъ молодыхъ,
 Остановивъ коней своихъ,
 Спѣшатъ на землю соскочить,
 Чтобы на вѣки опочить:
 Незримый врагъ ихъ поразилъ;
 Вотще одинъ изъ нихъ молилъ
 О мщениі своихъ друзей:
 Одни, скрываясь за коней,
 Чуть смѣютъ сабли обнажить,
 Или курокъ ружья спустить;
 Другіе, кроясь въ тѣнь дерѣвъ,
 Ждутъ нападенія враговъ,
 Что, укрываясь за скалой,
 Вступить не смѣютъ съ ними въ бой.
 Одинъ Гассанъ среди огня
 Торопитъ борзаго коня
 Идти впередъ; но за холмомъ
 Раздался вдругъ ружейный громъ
 И показалъ, что всѣ кругомъ
 Пути отрѣзаны врагомъ.
 Тогда, измученный борьбой,
 Съ поднятой дыбомъ бородой²²
 И сыпя тысячу огней
 Изъ ярко-блещущихъ очей,
 «Пусть свищутъ пули», онъ сказалъ:
 «Мой мечъ дорогу пролагалъ
 И не въ такихъ еще бѣдахъ!»
 Вотъ врагъ явился на холмахъ:
 «Сдавайтесь!» Ярый блескъ очей
 Вождя — и звуки грозныхъ словъ
 Вассаламъ преданнымъ страшнѣй,
 Чѣмъ ятаганы ихъ враговъ:

Никто оружья не кладеть,
 Никто не просить... не зоветь...
 Но врагъ все ближе. Вотъ одинъ,
 Какъ-будто шайки властелпнъ...
 И пламень адскій запылалъ
 Въ груди Гассана : онъ дрожалъ,
 Онъ страшно саблю сверкалъ.
 «Вотъ онъ! — да! я его узналъ,
 Узналъ по густотѣ бровей,
 Узналъ по мрачности очей,
 Узналъ по черной бородѣ!
 Его скрываетъ платье горъ,
 Но пронизательный мой взоръ
 Найдеть предатели вездъ.
 На смерть борьба! — пусть лется кровь
 За жизнь, за Лейлу, за любовь!»

Какъ быстрый ярыхъ водъ потокъ,
 Взрывая камни и песокъ,
 Течеть въ глубокий океанъ
 И, встрѣтившись съ его волной,
 Столбомъ подъемлетъ надъ собой
 Прозрачный голубой туманъ,
 И влагу зыблетъ и кружить,
 И пѣна къ облакамъ летить,
 А море, морщась отъ вѣтровъ,
 Подъемлетъ тысячи валовъ —
 Ихъ искры, ихъ громовый рѣвъ
 И молній блескъ, изъ глубины
 Летящій вдаль на крутизны
 Утесовъ грозныхъ и сѣдыхъ,
 Приводить въ страшный трепеть ихъ ;

Какъ буренъ бой волны съ волной,
 Какъ грозенъ ихъ свирѣпый вой,
 Такъ точно двѣ толпы враговъ,
 Которыхъ ненависть отцовъ,
 За вѣру страшная борьба,
 Обида, ярость и судьба
 Разъединили межъ собой,
 Сойдясъ, вступаютъ въ смертный бой.
 Глухіе вопли ихъ грудей,
 Удары страшные мечей
 Разносятъ эхо по горамъ,
 По доламъ, гротамъ и полямъ,
 И на сѣдыя крутизны
 Несетъ вѣсть смерти и войны.
 Немного ихъ, но не страшить
 Ихъ близкой смерти грозный видъ:
 Никто собой не дорожить,
 Не просить жизни, не щадить.
 Забывъ весь міръ, съ огнемъ въ крови,
 Средь сладострастныхъ ласкъ любви,
 Обнявшись съ милой красотой,
 Любовникъ таетъ молодой;
 Но жаръ любви, но нѣги зной
 Слабѣй, чѣмъ ненависть враговъ,
 Когда они въ предсмертный часъ,
 Обнявшись въ послѣдній разъ,
 Глощаютъ жадно пыль песковъ.
 Друзей признанъ такъ холодна,
 Любовь сильна, но не вѣрна;
 Но двухъ враговъ свирѣпый бой
 Прервется гибелью одной.

* * *

Вотъ мечъ по рукоятъ въ куски —
 И съ рукояти я съ руки
 Струится вражеская кровь...
 Остановились... бьются вновь —
 И съ рукояткою меча
 Рука отпала отъ плеча...
 Его чалма упала въ прахъ ;
 Одежда въ красныхъ полосахъ :
 Такъ тучки утренней порой,
 Кой-гдѣ разбрасывая тѣнь,
 Даютъ узнать, что ясный день
 Ужасной кончится грозой.
 Дымится грудь отъ многихъ ранъ ;
 Слабѣютъ силы — палъ Гассанъ :
 Онъ навзничъ палъ, лицомъ туда,
 Гдѣ блещетъ свѣтлая звѣзда
 Его судьбы... Онъ не смежилъ
 Очей своихъ: въ нихъ видѣнъ былъ
 Остатокъ злобы роковой,
 Несжатый смертною косою.
 И врагъ его, склонясь надъ нимъ,
 Стоитъ въ раздумьи, недвижимъ :
 Онъ живъ, но цвѣтъ его лица
 Блѣднѣе, чѣмъ у мертвеца.

* * *

«Да — Лейла спитъ среди песковъ,
 Подъ кровомъ влаги и валовъ...
 А ты Гассанъ? твой гробъ мрачный,
 Чѣмъ гробъ ея... Узнай, злодѣй,
 Узнай теперь, что духъ ее
 Точилъ кинжала острие,
 Который грудь твою пронзилъ.

Вотще пророка ты молилъ,
 И звалъ его въ послѣдній часъ:
 Тебя отъ мести онъ не спасъ;
 Вотще ты Аллу призывалъ:
 Твоей молитвы не слыхалъ
 Творецъ. О, жалкій сумасбродъ!
 Ужель ты думалъ, что дойдетъ
 Молитва грѣшная твоя,
 Когда моленія ея
 Прошли безслѣдно, какъ волна.
 Моя вражда пресмыченá:
 Погибъ злодѣй — судилъ такъ рокъ,
 И я паду — но одинокъ!»

* *

Бубенчѣйкъ медленно звенить:
 Гассана мать въ окну спѣшить...
 Не разъ ужъ пала съ облаковъ
 Роса на мураву луговъ,
 Не разъ звѣзда своимъ путѣмъ
 Прошла на небѣ голубомъ...
 «Ужъ мракъ спускается ночной:
 Они ужъ вѣрно за горой».
 Она въ бесѣдкѣ не могла
 Томиться долѣ — и взошла
 На башню, чтобъ на дальній путь
 Въ окно дозорное взглянуть.
 «Что это значить, что мой взоръ
 Его не видитъ до-сихъ-поръ?
 Не утомляетъ лѣтній зной
 Его коней въ глуши степной:
 Чего же пламенный женихъ
 Не шлетъ подарковъ дорогихъ?»

Ужели тотъ, кто такъ умѣлъ
 Любить — вдругъ сердцемъ охладѣлъ?
 Или его арабскій конь
 Утратилъ прежній свой огонь?
 Упрекъ напрасный! — у холма
 Видна татарина челма;
 Вотъ онъ извилистой тропой
 Съ горы спускается крутой,
 Вотъ онъ ужь близко — у села,
 Съ подаркомъ брачнымъ у сѣдла...
 Ну какъ могла я упрекнуть
 Его... довольно — я молчу...
 За быстроту, за дальный путь
 Ему я щедро заплачу!»

Вотъ вѣстникъ близко, у воротъ,
 Насилу ношу онъ несетъ;
 Въ его лицѣ видна печаль:
 Но, можетъ быть, причиной — даль
 И утомленье отъ ѣзды...

Вотъ крови свѣжіе слѣды
 На платьѣ: можетъ быть, она
 Изъ ребръ коня источена.
 Раскрыта наконецъ сума:
 О, ангелъ смерти! то чалма
 Гассана, шаль съ его плеча
 И рукоять его меча...

«О, госпожа! въ ужасный бракъ
 Съ сырой землей Гассанъ вступилъ!
 Не для пощады отпустилъ
 Къ тебѣ меня нашъ злобный врагъ,
 Но чтобы этотъ страшный знакъ

Отнести къ тебѣ. Твой храбрый сынъ
 Спокойно спитъ среди долинъ...
 Да будетъ миръ его костямъ!
 Да будетъ смерть его врагамъ!»

* *
 *

На мѣстѣ, гдѣ Гассанъ зарытъ,
 Колонна черная стоитъ,
 Подъ бѣло-мраморной чалмой; ²³
 На ней корона стихъ святой...
 Здѣсь ангелъ смерти тѣню крылъ
 Своихъ на вѣки осѣнилъ
 Аллаха лучшаго слугу —
 Кто сердцемъ въ Мекѣ обиталъ,
 Вина запретнаго не зналъ
 И взоры къ храму обращалъ
 При первомъ звукѣ Аллагу. ²⁴
 Онъ палъ въ своей землѣ родной,
 Сраженный чуждою рукой;
 Онъ палъ съ оружіемъ въ рукахъ —
 И вотъ его забытый прахъ
 Лежить, никѣмъ не отомщонъ.
 Но дѣвы райскихъ тѣхъ сторонъ,
 Гдѣ обитаетъ нынѣ онъ,
 Затмивъ сіяніемъ очей
 Сіянье солнечныхъ лучей,
 Зовутъ его подъ свѣтлый кровъ,
 Подъ тѣнь надъоблачныхъ садовъ,
 Къ прохладѣ вѣчной райскихъ струй,
 Гдѣ вѣчно-сладокъ поцалуй,
 Гдѣ наслажденье безъ скорбей,
 Гдѣ нѣтъ измѣны и страстей. ²⁵

* *
 *

Но ты, гяурь... томимъ тоской,
 Подъ страшной Мѣнкира ²⁶ косой
 Ты будешь вѣчно скрежетать
 Зубами; если жь избѣжать
 Тебѣ случится пытки той,
 То лишь затѣмъ, чтобъ вѣкъ блуждать,
 Клонясь подъ тяжестью вины,
 Вокругъ престола Сатаны,
 И пламень съ кровью будетъ течь
 Въ твоей груди и сердце жечь —
 И вѣчный адъ, и вѣчно мгла,
 И вѣчно муки безъ числа.
 Но синій трупъ твой напередъ
 Вампиромъ ²⁷ по свѣту пойдетъ,
 Изверженный изъ тьмы гробовъ,
 И возвратясь подъ отчій кровь,
 Ты будешь тамъ въ тиши ночной
 Пить кровь семьи своей родной —
 Сестры, супруги, дочерей,
 И жизнь сосать изъ ихъ грудей,
 Пока, лишась послѣднихъ силъ,
 Сходя во мракъ сырыхъ могилъ,
 Онѣ узнаютъ наконецъ,
 Кто былъ сгубившій ихъ мертвецъ,
 И съ страшной клятвой на устахъ,
 Онѣ умрутъ въ твоихъ глазахъ.
 Но дочь твоя — твой свѣтъ очей,
 Залогъ любви послѣднихъ дней,
 Предметъ и ласки и заботъ,
 Въ мученьяхъ страшнаго конца,
 Тебя, лаская, назоветъ
 Прекраснымъ именемъ отца...

Ужасный звукъ! Ты долженъ зрѣть,
 Какъ будетъ медленно блѣднѣть
 Послѣдній цвѣтъ ея ланитъ, —
 Какъ постепенно догоритъ
 Послѣдній блескъ живыхъ лучей
 Ея лазоревыхъ очей,
 Какъ золотистая коса,
 Невинной юности краса,
 Приманка взоровъ и любви,
 Замретъ запятнана въ крови,
 Твоей измятая рукой...
 И кровь горячею струей
 Поляется съ посинѣлыхъ губъ,
 И тутъ сойдетъ твой страшный трупъ
 Подъ вѣчно-мрачный кровъ гробовъ,
 И адъ, жилище злыхъ духовъ,
 Смотря на страшный образъ твой,
 Вздрогнетъ невольно предъ тобой.

* *
 *

«Повѣдай мнѣ святой отецъ,
 Кто этотъ молодой чернецъ?
 Его черты знакомы мнѣ.
 Давно, однажды, на конѣ
 Онъ мчался позднею порой
 Одинъ тропинкою глухой...
 Его я видѣлъ только разъ,
 Но не забуду этихъ глазъ —
 Такъ много скорби было въ нихъ,
 Тоски, страданій роковыхъ...
 И нынѣ тотъ же мракъ въ очахъ,
 И смерть — въ густыхъ его бровяхъ.»

«Шесть лѣтъ исполнилось, какъ разъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ онъ къ намъ въ первый
 разъ

Пришолъ... Быть можетъ, онъ хотѣлъ
 Воспоминанье мрачныхъ дѣлъ
 Утишить въ сердцѣ... но при насъ
 Онъ не склоняетъ въ поздній часъ
 Своихъ коленъ предъ алтаремъ,
 Не падалъ ницъ предъ божествомъ.
 Подъ кровомъ келии своею
 Проводитъ онъ часы ночей,
 Для всѣхъ чужой, отъ всѣхъ далѣкъ,
 Всегда угрюмъ и одинокъ.
 Никто досель не разгадалъ,
 Кого онъ предками считалъ,
 Какого Бога признавалъ.
 Онъ прибылъ къ намъ изъ-за морей,
 Изъ отдаленныхъ тѣхъ сторонъ,
 Гдѣ Магомета чтуть; но онъ
 Не мусульманинъ, а скорѣй
 Христiанинъ. Его уста,
 Быть можетъ, отреклись Христа,
 И онъ, раскаянемъ томимъ,
 Соединиться снова съ нимъ
 Душой преступной пожелалъ.
 Онъ до-сихъ-поръ не принималъ
 Святого хлѣба и вина...
 Но монастырская казна
 Его наполнена добромъ,
 И жемчугомъ и серебромъ —
 И нашъ игуменъ полюбилъ
 Его; но еслибы я былъ

Главой обители святой,
 При мнѣ пришелецъ этотъ злой
 У насъ не пробылъ бы и дни,
 Не то, сидѣлъ бы у меня
 Въ особой кельи подъ замкомъ,
 Чтобъ и не вѣдали о нёмъ.
 Ему является въ мечтахъ
 То дѣва, скрытая въ волнахъ,
 То стукъ мечей, то бѣгъ враговъ,
 То месть, то льющаяся кровь;
 То видитъ, стоя на скалѣ,
 Что тамъ, во влажной полумглѣ
 Окровавленная рука
 Его манитъ издалека
 Въ пучину водъ, подъ мрачный кровъ
 Сердито плещущихъ валовъ. »

* * *

Онъ страшно мраченъ и угрюмъ;
 Въ его лицѣ тревожныхъ думъ
 И прежнихъ мукъ, и тяжкихъ бѣдъ
 Донынѣ видѣнъ страшный слѣдъ.
 И что-то есть въ его очахъ,
 Что тяготитъ, вселяетъ страхъ:
 Мятежный блескъ ихъ говоритъ,
 Что духъ надменный въ немъ царитъ
 И что онъ требуетъ одной —
 Одной покорности слѣпой.
 Какъ птичка вольная степей
 Напрасно хочетъ улетѣть,
 Когда ей въ очи лютый змѣй
 Вдругъ станетъ пристально смотрѣть,
 Такъ блескъ его горящихъ глазъ

Неотразимо давить васъ.
 Когда случайно робкій братъ
 Столкнется съ нимъ — спѣшитъ назадъ,
 Какъ-будто страшный этотъ взглядъ,
 Улыбка эта на устахъ
 Вливали въ души скорбь и страхъ.
 Въ его улыбку роковой
 Видна насмѣшка надъ бѣдой.
 Покрываютъ мертвой синевою,
 Дрожать уста его порой,
 То вдругъ, какъ-будто навсегда,
 Опять сомкнутся безъ слѣда:
 Какъ-будто грустью прежнихъ лѣтъ
 Или презрѣнъ ко всему —
 Положенъ тягостный завѣтъ
 Не знать веселія ему.
 Нѣтъ — не такой ужасный плодъ
 На почвѣ радости растеть!
 Нѣтъ! этотъ плодъ созрѣлъ скорѣй
 Подъ дуновеніемъ страстей,
 Отъ сока горя и скорбей...
 Года безстрастья на щекахъ
 Не разлили: въ его чертахъ
 Добро и злоба, свѣтъ со тьмой
 Слились... Еще не до конца
 Померкшій цвѣтъ его лица
 Свидѣтель въ томъ, что гордый духъ
 Отъ преступленій не потухъ.
 Незоркій глазъ найти бы могъ
 Въ немъ мракъ скорбей и слѣдъ тревогъ;
 Но тотъ, кто видитъ глубоко
 Въ душѣ, замѣтитъ могъ легко

И чувствъ возвышенныхъ черты,
 И отблескъ прежней красоты.
 Вотще! Высокій даръ небесъ
 Въ борьбѣ страстей давно исчезъ...
 Обломки хижины простой
 Не очаруютъ красотой
 Своей ничей пытливый взоръ;
 Но башня гордая средь горъ,
 Полу сраженная грозой
 Иль разрушительной войной,
 Невольно очи поразитъ:
 Въ ней все: поросшія мхомъ гранитъ,
 Упавшій мостъ — все говоритъ
 О злости бурь, о страхъ бѣдъ
 Или о славѣ прежнихъ лѣтъ.

«Шумя одеждой, входитъ онъ
 Подъ мрачный сводъ сѣдыхъ колоннъ,
 И взоры ужасомъ влечотъ,
 И мрачно самъ глядитъ впередъ,
 Туда, гдѣ жертвенникъ стоитъ:
 Но лишь игумень загремитъ
 Анаемой — нашъ страшный братъ
 Безмолвно крадется назадъ
 И тамъ, подъ сводами сѣней,
 Сверкаютъ искрами огней
 Его глаза... онъ долго ждетъ
 Покуда служба отойдетъ,
 Внимая издали мольбамъ,
 Но ни одной молитвы самъ
 Не смѣетъ вымолвить. Но вотъ
 Онъ снялъ клобукъ и по щекамъ

И даже счастье никому
 Вкушать не въ радость одному.
 Душа, извимаая вездѣ,
 Отрады ищетъ во враждѣ.
 Когда бѣ мертвецъ въ землѣ сырой
 Почуять могъ какъ гробовой
 Холодный червь ползеть по нёмъ,
 Но весь объятый тяжкимъ сномъ,
 Не былъ бы въ силахъ приподнять
 Тяжелыхъ рукъ — и отогнать
 Врага отъ тѣла и костей;
 Когда бѣ крылатый сынъ степей
 Чадолюбивый пеликанъ,
 Покрывши кровью свѣжихъ ранъ
 Грудь истощенную свою,
 Чтобъ накормить свою семью,
 Смыкая очи сномъ гробовъ,
 Вдругъ увидалъ бы, что птенцовъ
 Его не стало... что его
 Они забыли одного...
 Такъ точно страшной пустотой
 Томится инокъ молодой.
 Кому приятенъ неба кровь
 Безъ солнца, тучъ и облаковъ?
 Приятнѣй съ бурей враждовать,
 Чѣмъ никогда борьбы не знать,
 Чѣмъ въ бурю выброшеннымъ быть,
 Какъ тотъ обломокъ роковой,
 На берегъ тихій и пустой,
 Гдѣ все о счастья говорить,
 Чтобъ тамъ отъ скуки сердцемъ ныть...

Нѣтъ, лучше сгннуть средь валовъ,
Чѣмъ изнывать у береговъ!

* *
* *

«Ты прожилъ вѣкъ, отецъ святой,
Въ тиши, съ смиренною мольбой,
Безъ преступленій, безъ страстей,
Рѣша грѣхи чужихъ людей.
Вдыхаешь ты, когда тебѣ
Разскажутъ о чужой борьбѣ,
О необузданныхъ страстяхъ,
О преступленьяхъ и скорбяхъ.
Я мало жилъ — но радость зналъ,
А больше — плакалъ и страдалъ.
То между дѣвъ, то средь мечей,
Игралъ я жизнью своею;
То пиръ друзей — то вражій бой:
Я презиралъ одинъ покой.
Но нынѣ — нѣтъ въ моей крови
Ни прежней злобы, ни любви.
Меня надежда не живить,
Ни страхъ потери не томить.
Теперь — желалъ бы я скорѣй
Быть меньшимъ червемъ изъ червей
И ползать подъ покровомъ тьмы
По сводамъ и стѣнамъ тюрьмы,
Чѣмъ жизнь безъ перемѣнъ влачить
И тяжелой мыслью духъ томить.
Желанье есть еще во мнѣ —
Почить въ могильной глубинѣ.
Я знаю — часъ мой не далѣкъ,
И буду спать я въ тишинѣ,
Забывъ, чѣмъ былъ, чѣмъ быть я могъ...

Течоть струя его кудрей —
 Какъ будто самый чорный змѣй
 Власовъ Горгоновыхъ висить
 И вьется вдоль его ланить.
 Онъ не стрижеть своихъ власовъ,
 Но носить инока покровъ
 Вездѣ. Онъ златомъ и серебромъ
 Украсилъ бѣдный Божій домъ,
 Но изъ тщеславья одного,
 А не изъ вѣры. Отъ него
 Доселѣ этотъ грозный сводъ
 Вотще молебной рѣчи ждетъ.
 Смотри! Онъ на небо глядитъ:
 Какъ синь и блѣденъ цвѣтъ ланить,
 Какъ страшенъ видъ его лица!
 Въ немъ ни надежды на Творца,
 Ни искры теплой вѣры нѣтъ.
 Боюсь, что знаменіе бѣдъ,
 За грѣхъ его, на насъ сойдѣтъ
 Съ святыхъ надоблачныхъ высотъ —
 И если кто изъ злыхъ духовъ,
 Оставивъ свой подземный кровъ,
 Являлся въ образъ людей,
 Онъ вѣрно точно былъ таковъ:
 Клянусь надеждою моею
 На отпущеніе грѣховъ, —
 Такого страшнаго чела
 Доселѣ земля не родила!»

Не рѣдко мощная любовь
 Волнуетъ пламенную кровь
 Въ сердцахъ чувствительныхъ людей,

Безсильныхъ для борьбы страстей,
 Колеблющихся предъ бѣдой,
 Дрожащихъ въ встрѣчѣ роковой
 Съ отчаяніемъ: но порой
 Отъ ней и твердыя сердца
 Страдаютъ въ ранахъ до конца.
 Не мало грубая руда
 Для плавки требуетъ труда,
 Но разъ расплавлена огнемъ,
 Стальнымъ становится щитомъ
 Для обороны отъ враговъ,
 Или губительнымъ мечомъ,
 Чтобъ лить ихъ вражескую кровь.
 Такъ пламень гибельныхъ страстей,
 Подъ шопотъ вкрадчивыхъ рѣчей,
 Способенъ сердце умягчить
 И дать ему желанный видъ —
 И въ новомъ видѣ навсегда
 Ему остаться суждено:
 Скорѣй разрушится оно,
 Но не погнется никогда.

* *

Когда за грозною бѣдой
 Уединенье настаеть,
 Конецъ невзгоды роковой
 Отрады мало намъ даетъ.
 Душа, витая вдалекѣ,
 Была бы рада и тоскѣ
 Лишь пустоту бы уменьшить.
 Намъ отвратительно все то,
 Чего изъ милыхъ намъ никто
 Не можетъ съ нами раздѣлить,

Порокъ, проклятье и позоръ.
 Но не вини меня, постой —
 Не я убилъ, я былъ виной
 Убийства... Если бы она
 И мнѣ была такъ невѣрна,
 Я бь сдѣлалъ то же, что и онъ.
 Гассанъ обмануть ею былъ —
 И онъ измѣнницу убилъ;
 Я былъ любимъ — и отомстилъ.
 Она мнѣ сердце отдала —
 Одно, чего у ней отнять
 Чужая воля не могла;
 Я отдалъ все, что могъ отдать,
 Я далъ могилу палачу —
 Онъ вѣчнымъ сномъ въ долинѣ спитъ —
 Но смерть его не тяготитъ
 Моей души — и я молчу...
 Уже давно его судьбу
 Рѣшилъ Господь — онъ это зналъ;
 Не даромъ громкую пальбу
 Тагиръ пророчески слыхалъ,²⁸
 Когда отрядъ его спѣшилъ
 Туда, гдѣ онъ изрубленъ былъ.
 Въ пылу сраженія онъ палъ
 Мгновенной смертью — не страдалъ...
 Призывъ пророка и мольба
 Къ Аллаху скорбнаго раба —
 Увы! вотъ все, что онъ сказалъ.
 Во время боя онъ узналъ
 Врага — и бросился ко мнѣ...
 Я на него, какъ бы во снѣ,
 Глядѣлъ и молча наблюдалъ,

Какъ духъ изъ тѣла вылеталъ.
 Сраженный, будто дикій звѣрь,
 Онъ и частицы не узналъ
 Тѣхъ мукъ, что жгутъ меня теперь...
 Напрасно въ немъ борьбу души
 Хотѣлъ я высмотрѣть въ тиши:
 Въ его лицѣ была вражда,
 Но угрызений — ни слѣда...
 Чѣмъ не пожертвовала бъ мечь,
 Чтобы въ чертахъ его прочесть
 Слѣды душевной пустоты,
 Обманъ надеждъ, обманъ мечты,
 Проклятье на свою судьбу,
 Или смертельную борьбу
 Съ раскаяньемъ, иль смерти страхъ,
 Иль безнадежность на устахъ!

* *

«Живя средь холодной стороны,
 Хладѣютъ Сѣвера сыны,
 И то, что есть у нихъ въ крови,
 Не стобитъ имени любви.
 Не такова любовь моя!
 Она, какъ жаркая струя
 Изъ Этны груди огневой,
 Испепеляетъ все собой.
 Я не умѣю говорить,
 О нѣжной страсти слезы лить.
 Но если блѣдность на щекахъ,
 И дрожь порою на устахъ,
 Но если сердца страстный жаръ,
 И мозгъ въ огнѣ, и смѣлость дѣлъ,
 И стали мстительный ударъ,

Моя душа есть мрачный кровъ
 Умершихъ, радостныхъ часовъ,
 Моя надежда — часъ суда;
 Но лучше съ ними навсегда
 Утратить ясный свѣтъ очей,
 Чѣмъ жить еще среди людей.
 Я не для знаній былъ рожденъ,
 Не рылся я въ пыли временъ,
 Чтобы извлечь изъ ихъ гробовъ
 И прародителей-глупцовъ,
 И внуковъ — трусовъ и рабовъ.
 Но смерть была мнѣ не страшна:
 Кровопролитная война
 Была отрадою моею;
 Меня манилъ не блескъ честей;
 Смѣшны мнѣ были съ юныхъ лѣтъ
 Триумфы пышные побѣдъ —
 Цѣль жизни множества людей:
 Другая цѣль меня влекла,
 Я ненавидѣлъ и любилъ,
 И путь свой бурный устремилъ,
 Куда судьба меня вела,
 Чтобы спасать, иль убивать.
 Повѣрь — мнѣ можно довѣрять —
 Что я способенъ совершить,
 Чтò совершилъ ужь, можетъ быть...
 Да, я любилъ... я обожалъ...
 Любовь мою я доказалъ
 На дѣлѣ... Видишь ли пятно
 На этой стали: ужь давно
 Мой ятаганъ мрачить оно —
 То кровь врага... Отецъ, она

За ту была источена,
 За ту, которая, стена,
 Погибла въ мукахъ за меня;
 Она питала — ею жилъ
 Ея убійца и злодѣй.
 Но не пугайся: врагъ мой былъ
 Врагомъ религіи твоей:
 Его проклятыя уста
 Тряслись при имени Христа.
 Неблагодарный фарисей!
 Не будь свободныхъ христіанъ,
 Легко владѣющихъ мечомъ,
 И наносимыхъ ими ранъ,
 Ведущихъ въ рай прямымъ путѣмъ,
 Прелестнымъ гуріямъ опять
 Тебя пришлось бы поджидать.

* *

«Да я любилъ... Любовь и тамъ
 Найдеть дорогу, гдѣ волгамъ
 Не безопасно проходить,
 А смѣлость съ жаждою любить
 Вознаграждается всегда.
 Что нужды: какъ, зачѣмъ, когда —
 Но я достигъ чего желалъ —
 Я былъ любимъ. О! чтобъ я далъ
 Теперь, чтобъ пламени любви
 Не зажигать въ ея крови!
 Она погибла: я скззать
 Не смѣю — какъ, но прочитать
 Ты это можешь на моемъ
 Челѣ нахмуренномъ: на нёмъ
 Еще замѣтны до-сихъ-поръ —

Что страшнымъ можетъ быть извнѣ?
 Кому сорваться, въ свой чередъ,
 Съ вершины счастья суждено,
 Тому, конечно, все ровно
 Въ какую бездну онъ падеть.
 Я знаю, мракъ души моей
 И разныхъ дѣлъ въ твоихъ глазахъ
 Двѣнйй коршуна чернѣй;
 Я прочиталъ въ твоихъ бровяхъ
 И отвращеніе и страхъ:
 Такія чувства мнѣ вселять
 Пришлось впервые испытать...
 Не скрою, слѣдъ мой на землѣ,
 Какъ слѣдъ орлицы на скалѣ,
 Означенъ кровью — весь въ крови;
 За то въ любви я походилъ
 На голубей: я разъ любилъ,
 Иной не вѣдая любви...
 Урокъ полезный для людей...
 И голосистый соловей,
 Поющій сладко межъ кустовъ,
 И лебедь средъ морскихъ валовъ
 Имѣютъ каждый по одной
 Подругѣ, сердцу дорогой.
 Пусть издѣвается глупецъ
 Надъ вѣчной вѣрностью сердець,
 Въ душѣ не чувствуя измѣнъ,
 И, равнодушный ко всему,
 Однѣхъ лишь жаждетъ перемѣнъ.
 Я не завидую ему:
 Унылый лебедь мнѣ милѣй,
 Чѣмъ братъ безъ сердца и страстей;

Но жаль мнѣ бѣдной... жаль мнѣ той,
 Что потеряла свой покой,
 Кого бездушный соблазнилъ!
 Нѣтъ, Лейла, я не такъ любилъ,
 Я посвятилъ тебѣ одной
 И мысль и думы и покой,
 И горестъ дня, и сны ночей —
 Все существо души моей...
 Тебѣ подобной въ мѣрѣ нѣтъ;
 Да если бѣ даже и была
 Моей очей за цѣлый свѣтъ
 Она бѣ къ себѣ не привлекла,
 Мои грѣхи порукой въ томъ
 И смертный часъ въ краю чужомъ!
 Твой образъ чудный, ты одна
 Въ моей душѣ погребена.
 Она погибла — я дышалъ,
 Но не дыханіемъ людей:
 Ужасный змѣй въ груди моей
 Вился и кровь мою сосалъ.
 Свѣтъ радости въ очахъ погасъ,
 Мнѣ былъ ужасенъ каждый часъ,
 Мнѣ были страшны всѣ мѣста:
 Природы юной красота
 Мнѣ отвратительна была —
 Давила сердце, душу жгла.
 Что было послѣ — знаешь самъ.
 Нѣтъ отпущенія грѣхамъ! —
 И потому не говори
 О покаяннѣ; посмотри,
 Не нынче — завтра буду тамъ...
 И потому въ правдивость словъ .

И все, что сдѣлать я хотѣлъ,
И что я чувствовалъ, чѣмъ жилъ —
Была любовь, то я любилъ.
Я не умѣлъ вздыхать, рыдать;
Я могъ лишь пасть или обладать.
Пускай умру — я счастье зналъ:
Я милой дѣвой обладалъ...
Роптать могу ли на судьбу,
Когда и самъ ее искалъ?
Я все утратилъ, но не палъ,
Но духъ мой выдержалъ борьбу.
Не будь въ сердечной глубинѣ
Тоски о ней; дай снова мнѣ
Отраду вмѣстѣ съ горемъ пить —
Я буду жить и вновь любить.
Жалѣю я, отецъ святой,
Не о себѣ — въ землѣ сырой
Я скоро буду — а о той,
Которой нѣтъ ужъ на землѣ:
Она подъ зыбкою волной
Спокойно спитъ въ бездонной мглѣ.
Когда бъ не тамъ... когда бъ она
Была въ землѣ схоронена,
Забывъ страданье и борьбу,
Я легъ бы рядомъ съ ней въ гробу.
Она слилась съ моей душой,
Она повсюду предо мной —
Блестящей утренней звѣздой,
И нѣжный свѣтъ ея лучей
Слился съ зѣницами очей.
И впрямъ любви завѣтный жаръ
Есть неба свѣтлый, чистый даръ —

Есть искра яркая лучей
 Лазурныхъ ангельскихъ очей,
 Забвенье скорби и заботъ,
 И духа на небо полётъ.
 Молитва, какъ ты знаешь самъ,
 Возноситъ душу къ небесамъ;
 Въ любви же сами небеса
 Нисходятъ въ душу, какъ роса;
 Въ ней лучъ Творца, въ ней славы слѣдъ,
 Безсмертной жизни яркій свѣтъ.
 Пускай любовь моя была
 Не такъ чиста, не такъ свѣтла;
 Пускай враги, когда хотятъ,
 Ее преступною клеймятъ;
 Но знай, что не была грѣхомъ
 Ея любовь передъ Творцомъ.
 Она была свѣтиломъ дня
 Во мракъ жизни для меня;
 Но свѣтъ погасъ — и нѣтъ лучей...
 Кто жъ озаритъ мнѣ мракъ ночей?..
 О! еслибъ свѣтъ ея лица
 Сіялъ мнѣ могъ бы до конца!
 Чему дивиться, если тотъ,
 Кто вѣкъ безрадостно живетъ
 И кто утратилъ навсегда
 Надежду правды и суда
 Не воздыхаетъ никогда?
 Когда, страдая самъ съ собой,
 Томясь безвыходной тоской,
 Безумно онъ судьбу клянетъ,
 И муку къ скорби придаетъ?
 Для сердца — съ раной въ глубинѣ —

Въ сѣдыхъ кудряхъ, во мглѣ очей:
Разбитый стволъ, клочки листовъ,
Поблекшихъ рано отъ вѣтровъ.

* *
*

«Не говори, отецъ святой,
Что это бредъ души больной:
Я видѣлъ призракъ... я не спалъ,
На мигъ очей не закрывалъ —
Я освѣжить себя хотѣлъ
Слезой — не могъ: мой мозгъ горѣлъ,
Пылалъ огонь въ моихъ щекахъ,
И сохли слезы на глазахъ...
Нѣтъ не молись: твои мольбы
Не облегчатъ моей судьбы!
Пусть гибну я съ моей душой,
Не рай мнѣ нуженъ — а покой.
Молчи!.. напрасныя слова!
Она опять была жива;
Она сіяла сквозь сямаръ,²⁹
Какъ эта звѣздочка сквозь паръ;
Но для меня она милѣй
Звѣзды, красавицы ночей.
Настанетъ ночь еще мрачнѣй;
Но не взгляну я на звѣзду:
Тогда я буду вещью той,
Которой бѣгаетъ живой —
Бездушнымъ трупомъ. Я въ бреду!
Душа моя, отецъ святой,
Стремится къ цѣли роковой...
Ее я видѣлъ, мой отецъ!
Забывъ про близкій свой конецъ,
Я быстро съ ложа смерти всталъ

И, полонъ страсти неземной,
 Къ своей груди ее прижалъ...
 И что же съ пылкостью такой
 Я цаловалъ и обнималъ?
 Безъ жизни твѣнь была со мной —
 И безотвѣтный сердца бой
 Звучалъ во мракѣ пустоты.
 Ахъ, Лейла! точно ль это, ты?
 Ужель любовь могла уснуть,
 И ты, сказавъ конецъ всему,
 Явилась зрѣнью моему,
 Чтобъ осязанье обмануть?
 Какое дѣло... что мнѣ въ томъ,
 Что ты застыла, стала льдомъ!
 Лишь я все ту бы обнималъ,
 Что обнимать въ тебѣ желалъ...
 Но руки, силась обогнуть
 Видѣнье, призракъ неземной,
 Пустыми падаютъ на грудь.
 А все жь она передо мной:
 Зоветъ меня, манитъ рукой.
 Какъ прежде — въ кольцахъ волоса,
 Какъ прежде — искрятся глаза!
 Нѣтъ, нѣтъ! — она не умерла!
 Она погибнуть не могла,
 Но онъ погибъ: я видѣлъ самъ,
 Какъ слуги вѣрные, въ байрамъ,
 Его въ долину погребли —
 И онъ не встанетъ изъ земли.
 А ты, мой другъ, зачѣмъ не спишь?
 Мнѣ говорили что лежишь
 Ты въ глубинѣ, и что толпой

Твоихъ я вѣровать готовъ;
 Но развѣ можно измѣнить,
 Что ужъ свершилось? Можетъ быть
 Меня ты будешь упрекать,
 Неблагодарнымъ называть;
 Но скорбь моя черна, какъ ночь —
 И ты и въ силахъ мнѣ помочь.
 Ты о судьбѣ моей души
 Скорби въ душѣ, молись въ тиши,
 Жалѣй, пожалуй, но безъ словъ;
 Но если можешь изъ гробовъ
 Воззвать мнѣ Лейлу къ свѣту дня,
 Тогда, молю, прости меня.
 Пытайся львицу укротить,
 Людми лишонную дѣтей;
 Но не старайся облегчить,
 Иль осмѣять тоски моей!

«Въ дни ранней юности моей,
 Когда мы любимъ горячо,
 Имѣлъ я друга... можетъ быть,
 Его ужъ нѣтъ... Хочу просить —
 Послать, на память прежнихъ лѣтъ,
 Ему послѣдній мой привѣтъ.
 Пусть онъ узнаетъ мой конецъ...
 Хоть дружба двухъ молодыхъ сердець
 Съ разлукой гаснетъ такъ легко,
 Хоть разстоянье далеко,
 Но наша дружба не умретъ.
 И странно — страшный мой удѣлъ
 Онъ предсказалъ мнѣ напередъ.
 Смѣялся я; я не хотѣлъ

Ему повѣрить никогда:
 Теперь же звукъ его рѣчей,
 Едва замѣченный тогда,
 Такъ ясенъ для души моей.
 Скажи ему, что я страдалъ,
 Какъ онъ давно мнѣ предсказалъ —
 И онъ, дивясь моей судьбѣ,
 Не будетъ вѣрить самъ себѣ.
 Скажи ему, каковъ я былъ,
 Какую грусть въ душѣ носилъ,
 Съ разлуки нашей, съ юныхъ лѣтъ;
 Скажи, что, покидая свѣтъ,
 Хотѣлъ его благословить,
 Хотѣлъ о немъ Творца молить.
 Но я страшусь своей мольбой
 Обрушить надъ его главой
 Всю тяжесть скорби роковой.
 Я не прошу, чтобъ онъ молчалъ,
 Чтобъ онъ меня не осуждалъ:
 Его душа не такова;
 Меня не трогаетъ молва...
 Я не прошу, чтобъ ты сказалъ,
 Чтобъ онъ не плакалъ, не вздыхалъ:
 То былъ бы тягостный завѣтъ...
 Чтò можетъ быть для жертвы бѣды,
 Сраженной яростью грозы,
 Отраднѣй дружеской слезы?
 Отдай ему мое кольцо
 И Расскажи, отецъ святой,
 Чтò нынѣ видишь предъ собой:
 Борьбой изрытое лицо,
 Больную душу, слѣдъ страстей

Клубятся волны надъ тобой,
 Такъ горячо любимой мной.
 Мнѣ говорили... Страшный мигъ!..
 Но нѣтъ — нѣмѣть мой языкъ:
 Ужели правда, ангелъ мой,
 Что ты являешься ко мнѣ,
 Изъ грота темнаго на днѣ,
 Просить о мѣстѣ подъ землёй,
 Чтобъ тамъ найти себѣ покой?
 Коснись холодною рукою
 Моихъ пылающихъ ланитъ —
 И жаръ мгновенно съ нихъ сбѣжитъ,
 Иль положи, мой другъ, её
 На сердце бѣдное моё.
 Но кто бъ ты ни былъ, ангелъ дня,
 Молю, не покидай меня,
 Иль унеси меня съ собой
 Туда, гдѣ царствуетъ покой,
 Въ твой вѣчно-тихий свѣтлый кровъ,
 Гдѣ нѣтъ ни вѣтра ни валовъ.

* *
*

«Отецъ! теперь я рассказалъ,
 И какъ я жилъ и чѣмъ страдалъ, —
 И благодаренъ я тебѣ
 За состраданіе къ себѣ,
 За слезы горькія изъ глазъ...
 Когда жъ пробьетъ мой смертный часъ,
 Похорони меня въ дали...
 Ни между сильными земли,
 И чтобъ ни надпись, ни гранитъ
 Не означали, гдѣ лежитъ

Мой грѣшный прахъ, чтобъ пилигримъ
Не могъ посятовать надъ нимъ».

И умеръ онъ — никто не зналъ
И кто онъ былъ, и что сказалъ
Духовнику въ послѣдній часъ.
Таковъ отрывочный разговоръ
Про ту, кого онъ такъ любилъ
И про того, кого убилъ.

А. Студитскій.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ «ГЯУРУ».

1) Происшествіе, въ которомъ лордъ Байронъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, подало ему первую мысль объ этой поэмѣ; но мнѣніе, будто бы онъ былъ любовникомъ этой дѣвушки, не имѣетъ никакого основанія. Молодая женщина, которой онъ спасъ жизнь въ Аѣннахъ, была, по увѣренію сэра Джона Гобгоуза, любовницею его слуги, родомъ турка. О подробностяхъ этого происшествія, разсказаннаго маркизою Слиго, можно справиться въ «Запискахъ Томаса Мура».

2) «Гяуръ» былъ напечатанъ въ маѣ 1813 года, и пріобрѣлъ новую славу автору, начавшуюся съ изданія первыхъ двухъ пѣсенъ «Чайльдъ-Гарольда». Въ размѣрѣ, которымъ написанъ «Гяуръ», эта первая романическая поэма Байрона, замѣтно вліяніе «Кристебеля» Кольриджа. Вальтеръ Скоттъ, въ своей поэмѣ «Lay of the last minstrel», еще прежде воспользовался этимъ неправильнымъ размѣромъ. Что же касается отрывочнаго изложенія поэмы то мысль о томъ заимствована имъ у Роджерса, написавшаго такъ своего «Христофора Колумба». Пристрастіе Байрона къ Востоку началось гораздо раньше его поѣздки въ Левантъ: онъ уже давно былъ знакомъ съ исторіею оттомановъ. «Старый Нолесъ», говорилъ онъ въ Миссо-лонги, не задолго до своей смерти: «была одною изъ книгъ, доставившей мнѣ всего болѣе удовольствія въ дѣтствѣ. Мнѣ кажется, что она имѣла большое вліяніе на мою рѣ-

шимость посвятить Востокъ и, можетъ быть, я обязанъ ей тѣмъ восточнымъ колоритомъ, какимъ отличаются всѣ мои произведенія». На одной изъ страницъ книги д'Израэли «Очерки характера литературы» мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Мнѣ еще не было десяти лѣтъ, когда я прочиталъ Нолеса, Кантемира, Де-Тотта, Лэди Монтегю, гаукинсовъ переводъ «Исторіи Турокъ» Миньо, «Тысячу и одну ночь», — словомъ, всѣ путешествія и рассказы, предметомъ которыхъ былъ Востокъ».

3) Гробница Фемистокла. — Кумберландъ говоритъ въ своемъ «Наблюдателѣ», что на ней написаны стихи Платона, соединяющіе трогательность съ простотою.

4) Любовь соловья и розы — известная персидская басня.

5) Гитара — любимое развлеченіе греческаго моряка во время ночи. Когда на морѣ тихо, или въ хорошей попутный вѣтеръ, она всегда сопровождается пѣніемъ, а иногда и танцами.

6) «Мнѣ кажется, немногіе изъ читателей имѣли случай повѣрить то, что я здѣсь описалъ; но тѣ, которые обращали на это вниманіе, вѣроятно, сохранили воспоминаніе о странной красотѣ, которую почти всегда выражаютъ черты лица нѣсколько часовъ послѣ того, какъ духъ оставилъ тѣло. Замѣчено, что при насильственной смерти, происходящей отъ огнестрѣльнаго оружія, выраженіе лица всегда бываетъ томное, но спокойное, какова бы ни была энергія умершаго; если же онъ палъ отъ удара кинжаломъ — лицо сохраняетъ страшное выраженіе и состояніе души отражается на немъ до послѣдней минуты». *Байронъ*.

7) «Аѣины принадлежатъ Кизляръ-Агѣ, ему же поручено наблюденіе за женщинами серала; онъ назначаетъ воеводу. Евнухъ и сводникъ управляетъ въ настоящее время правителемъ Аѣинъ». *Байронъ*.

8) «Это — рассказъ турецкаго моряка, который, проведя день на ловлѣ въ Егейскомъ заливѣ, возвращается вечеромъ на лодкѣ въ гавань Леоне, древніе Пирей, изъ боязни майнотовъ, грабителей Аттики. Онъ былъ случайнымъ очевидцемъ всѣхъ обстоятельствъ драмы, въ кото-

рой самъ является дѣйствующимъ лицомъ. Его собственнымъ впечатлѣніемъ или, скорѣе, его богобоязненному признанію, мы обязаны некоторыми лучшими мѣстами этой поэмы». *Джоржъ Эллис*.

9) Байрамъ объявляется пушечнымъ выстрѣломъ тотчасъ по захожденіи солнца, послѣ чего мечети иллюминуются и во всю ночь раздаются ружейные залпы.

10) Джеридъ — заостренное копье. Турецкіе наѣзники бросаютъ его съ замѣчательною ловкостью.

11) Симумъ — вѣтръ пустыни, смертельный для каравановъ, о которомъ часто говорится въ восточныхъ повѣстьяхъ.

12) Зеленый цвѣтъ — любимый цвѣтъ потомковъ пророка.

13) Селамъ-алекомъ, алекомъ-селамъ — миръ съ вами, съ вами миръ — такъ привѣтствуютъ правовѣрные другъ друга. Христіанину говорятъ «урлула» — счастливаго пути, или «сабанъ хирасемъ, сабанъ серула» — доброе утро, добрый вечеръ.

14) Пропускъ въ подлинникѣ.

15) Далласъ говорить, что Байронъ сказалъ ему, что сравненіе съ скорпіономъ ему приснилось. Некоторые ученые приписываютъ самоубійство скорпіона безсознательному судорожному движенію, другіе видятъ въ этомъ дѣйствіе воли. Скорпіоны, безспорно, очень заинтересованы въ разрѣшеніи этого вопроса. Если будетъ рѣшено, что они Катоны, то могутъ жить сколько имъ угодно и не будутъ умирать мучениками гипотезы.

16) Фингара — луна.

17) Знаменитый рубинъ султана Джамшида. Онъ называется шехгерагъ — свѣтильникъ ночи, чаша солнца.

18) Гуріи — дѣвы рай; онѣ такъ называются по большимъ чернымъ глазамъ — Гюрель-Оюнъ. Бесѣда съ ними, по общанію Магомета, составляетъ высшее блаженство на томъ свѣтѣ для правовѣрнаго. Гуріи созданы не изъ земли, какъ прочія женщины, и одарены никогда неувядающими престолами и вѣчною молодостью.

19) Эль-Сиратъ — мостъ тоньше паутины, острѣе меча,

через который каждый мусульманинъ долженъ проходить, чтобъ попасть въ рай; другой дороги нѣтъ. Всего хуже то, что подъ этимъ мостомъ находится адъ, въ который падаютъ всѣ тѣ, которые не тверды на ногу, подтверждая такимъ образомъ «*facilis descensus Averni*», что не слишкомъ утѣшительно для того, который идетъ въ слѣдъ.

20) Ошибочное мнѣніе — коранъ предоставляетъ добродѣтельнымъ женщинамъ треть райа; но большая часть мусульманъ объясняетъ этотъ текстъ ложно и исключаетъ изъ райа женщинъ. Они не признаютъ никакихъ духовныхъ свойствъ за прекраснымъ поломъ и находятъ, что женщины вполне могутъ быть замѣнены гуріями.

21) Бисмилла! — во имя Бога; этимъ начинается каждый стихъ корана, кромѣ одного; этимъ же словомъ турки всегда начинаютъ молитву.

22) Явленіе это бываетъ нерѣдко у озлобленныхъ турокъ. Въ 1809 году, во время дипломатической аудіенціи, усы капитана-паши въ гнѣвѣ взъерошились какъ у тигра, къ общему ужасу драгомановъ. Казалось, что эти страшные усы мѣнялись въ цвѣтѣ, но, наконецъ, они опустились, чѣмъ было спасено большее число головъ, чѣмъ было въ нихъ волосъ.

23) Чалма надъ колонной и нѣсколько стиховъ корана — вотъ памятникъ османовъ какъ на кладбищѣ, такъ и въ пустынѣ. Въ горахъ встрѣчаются часто подобные памятники надъ павшими жертвами возстанія, грабежа или мщенія.

24) «Алла-гу! — этими словами муэзинъ, взойдя на внѣшнюю площадку минарета, оканчиваетъ призывъ къ молитвѣ. Валидъ, сынъ Абдалмалека, первый воздвигнулъ минареть. Онъ воздвигнулъ его надъ главной мечетью въ Дамаскѣ. На минареть входилъ муэзинъ, чтобъ возвѣщать о наступленіи времени молитвы. Впослѣдствіи это обыкновеніе распространилось по всему Востоку». *Д'Ербелотъ*.

25) Стихи эти написаны въ подраженіе греческой боевой пѣсни: «Вижу, вижу райскую дѣву: глаза у нея черные, чадра ея развѣвается по вѣтру, чадра зеленая — и говоритъ она: «приди, поцалуй меня — я тебя люблю».

26) Монкирь и Некирь — инквизиторы смерти; они пытають тѣло предварительными адскими терзаніями. Если отвѣты не удовлетворительны, то несчастнаго возносятъ косою къ верху и ударами раскаленнаго желѣза повергаютъ въ пропасть. Подобныхъ пытокъ много и нельзя сказать, чтобъ должность этихъ лицъ была синекурою. Ихъ всего двое; а какъ грѣшниковъ болѣе чѣмъ праведниковъ, то они всегда очень заняты.

27) Вѣрованія въ вампировъ существуютъ донинѣ на Востокѣ. Турнефоръ приводитъ длинный разсказъ Саути (Southey) въ запискахъ Талаба, подъ именемъ Вруколакасъ (по румынски Вардулаха). Я помню, что цѣлая семья пришла въ ужасъ отъ криковъ ребенка, которые происходили, по ихъ убѣжденію, отъ посѣщенія вампира. Греки не произносятъ никогда этого слова безъ ужаса. По моему мнѣнію, Вруколакасъ есть древнее греческое слово; оно было примѣнено къ Арсенію, который, по мнѣнію грековъ, былъ послѣ его смерти посѣщенъ демономъ; но въ новѣйшее время употребляютъ болѣе слово Вардулаха. Свѣжесть лица, губы, истекающія кровью — таковъ отличительный признакъ вампира. Въ Венгріи и въ Греціи разсказываютъ много объ этихъ мнимыхъ чудовищахъ и разсказы эти подтверждаются еще болѣе невѣроятными показаніями свидѣтелей.

28) «Я былъ очевидцемъ подобнаго случая, второго слуха, какъ они его называютъ. Во время моей третьей пѣздки къ мысу Колонна, въ 1811 г., проходя ущелье между Кератія и Колонна, я замѣтилъ что Дервишъ-Тагири безпрестанно сходилъ съ дороги и прикладывалъ руку къ головѣ. На вопросъ мой, что это значить, онъ отвѣчалъ мнѣ: «мы въ опасности». — Какая опасность? теперь мы не въ Албаніи и не въ ущельяхъ Ефесса, Миссолонги или Лепанта, конвой нашъ многочисленъ, хорошо вооруженъ, а хоріаты не достаточно храбры, чтобы сдѣлаться разбойниками». — «Все это такъ, эфенди, а всетаки свистъ пуль раздается въ моихъ ушахъ». — «Да сегодня не было слышно ни одного выстрѣла». — «А я слышу бомъ-бомъ, такъ явственно, какъ ваши слова». — «Ну, вотъ

взоръ!» — «Какъ вамъ угодно, эенди, но что написано, то сбудится». — Я оставилъ этого фантазера съ его мечтательнымъ слухомъ и обратился къ Базили, его земляку-христианину, котораго непророческій слухъ не могъ въ этомъ ничего понять. Мы прибыли въ Колонну и, пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, пустились обратно; дорогой мы перекидывались, на всевозможныхъ нарѣчiяхъ, остротами и насмѣшками насчетъ бѣднаго турка. По возвращенiи нашемъ въ Аеины, я узналъ отъ Леоне (пѣвцаго, впоследствии отпущеннаго), что майноты имѣли намѣренiе на насъ напасть (справиться съ второю пѣсней Чайльдъ-Гарольда); но для того, чтобъ болѣе въ томъ убѣдиться, его подробно спрашивалъ, и онъ съ такою точностью рассказалъ: сколько насъ всѣхъ тогда было, какъ мы были вооружены и какъ одѣты, что я не сомнѣвался, что и самъ онъ былъ въ числѣ майнотовъ, которые готовили намъ не совсѣмъ прiятную встрѣчу. Дервишъ былъ всѣми признанъ пророкомъ и, вѣроятно, въ его ухахъ стало шумѣть болѣе чѣмъ когда-нибудь, къ общему удовольствию бератскихъ арнаутовъ, ограждающихъ отъ нападенiя родныя горы. Я приведу второй примѣръ, обрисовывающiй этотъ страдный народъ. Въ мартѣ 1811 г. одинъ арнаутъ, красивый, расторопный малый, явился ко мнѣ съ предложенiемъ своихъ услугъ — онъ былъ 50-й, которому я отказывалъ. «Хорошо, эенди, желаю вамъ жить долго! я былъ бы вамъ полезенъ. Я завтра оставлю городъ и удалюсь въ горы; возвращусь къ началу зимы; вы можете быть меня тогда возьмете». — Дервишъ, присутствовавшiй при этомъ, замѣтилъ, что онъ, вѣроятно, присоединится къ *клефтамъ* (разбойникамъ), что оказалось совершенно вѣрнымъ. Тотъ, кто не бываетъ убитъ, возвращается къ зимѣ въ городъ, гдѣ никто не думаетъ его беспокоить, хотя всѣ знаютъ о его подвигахъ». *Байронъ*.

²⁹⁾ Синарь — саванъ.

МАНФРЕДЪ.

МАНФРЕДЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Манфредъ.
Горный охотникъ.
Аббатъ Св. Морица.
Мануэль.
Германъ.
Дѣва горъ.
Ариманъ.
Немезида.
Барки.
Духи.

*Дѣйствіе происходитъ въ Альпахъ: частью въ замкѣ
Манфреда, частью въ горахъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Готическая галерея. Полночь.

Манфредъ (одинъ).

Наполню лампу вновь, но не дождётся
Она минуты той, когда засну я.
Мой сонъ не просто сонъ, не просто грёза,
Но продолженье мысли безконечной,

Которая ничѣмъ не отразима.
 Мой духъ не спить; глаза я закрываю,
 Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ сердцахъ...
 И я живу, какъ человекъ дышу я —
 Во мнѣ его подобіе и образъ!..
 Странаніе! ты лучшій нашъ учитель;
 Печаль для насъ — глубокая наука.
 Кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть,
 Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
 И знаніе — ему не древо жизни.
 Что въ знаніи? Я былъ мудрецъ, философъ,
 Я разгадалъ всѣ таинства природы,
 Все необъятное обнялъ мой разумъ —
 И все напрасно было. Въ этомъ мірѣ
 Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
 Добро нашолъ — но это все напрасно...
 Встрѣчались мнѣ враги, — не побѣдили
 Они меня, но раздавилъ я многихъ —
 Напрасно все!.. Вокругъ добро и злоба,
 Волненья, страсти — все, что сродно людямъ,
 Съ минуты неизвѣстной мнѣ, ложилося
 На грудь мою, какъ дождь въ пустынь мертвой.
 Боязнь мнѣ незнакома. Нѣтъ проклятѣя
 Ужаснѣ: не знать движеній страха,
 Ласкъ нѣжности, не чувствовать желаній,
 Или любви къ кому-нибудь хоть въ мірѣ.
 Довольно ждать!

Таинственные силы!

Вы, призраки незримые вселенной,
 Которыхъ я искалъ во тьмѣ и свѣтѣ!
 Изъ нѣдръ земли, изъ областей эфирныхъ,
 Изъ омутовъ бездонныхъ океана,

Съ высокихъ горъ, заклятіемъ суровымъ
Я васъ зову! явитесь предо мною!

(Молчаніе.)

Васъ именемъ первѣйшаго надъ вами
Зову къ себѣ; васъ заклинаю знакомъ,
Который страшенъ вамъ; вляну той силой
Которая безсмертна! выходите!

(Молчаніе.)

А!.. вы противитесь!.. Но я заставлю
Повиноваться васъ! могучей властью
И клятвою ничѣмъ неотразимой,
Которой я не испыталъ надъ вами,
Той клятвою, родившейся когда-то
На проклятой разрушенной кометѣ,
Блуждающей въ безгранномъ царствѣ ада —
Проклятіемъ, на мнѣ отяготѣвшимъ,
И мыслю, во мнѣ живущей, — духи!
Я васъ зову: явитесь же покорно!

(Въ темномъ углу галереи показывается звезда и останавливается неподвижно. Слышенъ поющий голосъ.)

Первый Духъ.

Изъ заоблачнаго міра,
Гдѣ безсмертною весной,
Лишь дыханіе ээира.
Мнѣ служило пеленой,
Гдѣ денница свѣтомъ алымъ
Расцвѣтила мой пріютъ,
Гдѣ душистымъ опахаломъ
Тучки таютъ и плывутъ, —
Зову смертнаго послушный,
Для него, на краткій срокъ,
Я оставилъ свой воздушный,

Свой серебряный чертогъ,
 На лучъ звѣзды блестящей
 Я примчался въ этотъ край...
 Смертный, помощи просящій,
 Что ты хочешь? отвѣчай!

Второй Духъ.

Коронованный горами,
 Гдѣ на солнцѣ — снѣгъ румянъ,
 Бѣлой тучей весь закутанъ,
 Возвышается Монбланъ.
 Станъ его лѣса обвили,
 И, теряясь въ облакахъ,
 Смертоносныя лавины
 Держить онъ въ своихъ рукахъ.
 Но когда, порой, надъ міромъ
 Онъ подниметъ снѣжный шаръ, —
 Я скажу — замретъ на взмахѣ
 Заколдованный ударъ.
 Прикажу — и мнѣ покорна
 Эта масса синихъ льдинъ;
 Я велю — летятъ обвалы
 Съ ледяныхъ своихъ вершинъ.
 Я зовуся горнымъ духомъ,
 Захочу — и ихъ хребты
 Срыть могу до основанья, —
 Такъ чего же хочешь ты?

Третій Духъ.

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
 Гдѣ спитъ голубая волна,
 Гдѣ ползаютъ гады морскіе,
 Гдѣ вѣчно царитъ тишина,

Гдѣ жемчугъ вплетаютъ русалки
 Въ зеленыя пряди кудрей,
 Стоитъ мой коралловый замокъ.
 Я духъ, я властитель морей.
 Твой вызовъ послушное эхо
 Домчало въ мою глубину,
 Зачѣмъ же тревожишь меня ты
 И сонную будишь волну?

Четвертый Духъ.

Тамъ, гдѣ подземные раскаты
 Земныя нѣдра шевелятъ,
 Гдѣ мечетъ бѣшенная лава
 Свой огнедышущій каскадъ,
 Гдѣ корни Андъ вросли глубоко
 И крѣпли многіе вѣка,
 А ихъ зубчатыя вершины
 Взбѣжали гордо въ облака —
 Тамъ я услышалъ заклинанье,
 Къ твоимъ призывамъ не былъ глухъ.
 Что нужно дѣлать — прикажи мнѣ:
 Исполнить все подземный духъ.

Пятый Духъ.

Повелитель вѣтровъ, грозъ и бурь великанъ,
 Заставлялъ я ревѣть океаны.
 Я летѣлъ, а за мною бѣжалъ ураганъ
 И мой слѣдъ заматали бураны.
 На крылѣ непогоды я мчался сюда
 По призыву таинственной власти,
 Мнѣ на встрѣчу попались морскіе суда:
 Мачты новыя, свѣжія снасти...

Но клянуса, что въ ночь, до восхода зари,
 Утоплю корабли я въ пучинѣ...
 Смертный! звалъ ты меня, говори жь, говори,
 Чѣмъ служить могу смертному нынѣ?

Шестой Духъ.

Тѣнь мрака, тѣнь ночи ты вызвалъ на свѣтъ,
 Зачѣмъ же тревожилъ меня — дай отвѣтъ?

Седьмой Духъ.

Въ дни первобытнаго и дѣвственнаго міра
 Твою планету я зажогъ среди эира.

Иной звѣзды съ такимъ прозрачно-чистымъ свѣ-
 томъ

Еще не видѣли на темномъ небѣ этомъ.

Сверкая и блестя, какъ лучшій перлъ вселенной,
 Она текла въ выси стезею неизмѣнной,

Но пробилъ казни часъ — сіянье отлетѣло
 И вдругъ проклятiе на ней отяготѣло,

И понеслась она съ своей зловѣщей славой,
 Безъ сферы, безъ путей, кометою кровавой,

Чудовищемъ небесъ, позоромъ всей природы,
 Своимъ теченіемъ вездѣ страха народы...

И ты, родившійся при свѣтѣ той кометы,
 Червякъ ничтожества, сказать что можешь мнѣ ты?

Тебѣ покоренъ я, я повинуюсь — знаю —
 Но повинуюся, тебя я презираю...

Такъ здѣсь, среди духовъ, склонившихся отъ
страха,
Что просишь у меня ты, сынъ земли и праха?

Хоръ Духовъ.

Звѣзды, воздухъ, горы, вѣтры,
Духи неба и земли,
Смертный, все тебѣ покорно!
Ждешь чего ты? повели!

Манередъ.

Хочу забвенія.

Первый Духъ.

Чего? О чемъ же?

Манередъ (указывая на свою грудь).

Того, что здѣсь и что назвать нѣтъ звука.
Узнаешь самъ въ мое взглянувши сердце.

Духъ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашихъ силахъ.
Проси у насъ владычества нарѣ міромъ,
Толпу рабовъ, сокровищъ драгоценныхъ,
И надъ природой власти безграничной
Проси у насъ, — все это въ нашей волѣ
И все — твое...

Манередъ.

Забвенія мнѣ дайте,
Самозабвенія! О! не-уже-ли
Его-то и не могутъ дать мнѣ духи?

Духъ.

Его? О, нѣтъ! оно не въ нашей власти.
Но пожелай — и умереть ты можешь.

Манередъ.

Но смерть сама забвеніе мнѣ дастъ ли?

Духъ.

Безсмертному. забвеніе незнакомо.
 Прошедшее слилось для насъ съ грядущимъ;
 Намъ нѣтъ часовъ — у насъ есть только вѣчность.
 Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манередъ.

Не смѣйтесь? вы рабы лишь,
 Повелѣвать которыми могу я.
 Не вамъ шутить надъ непреклонной силой.
 Во мнѣ живъ духъ и искра Прометея,
 Горящая тѣмъ высшимъ, чистымъ свѣтомъ,
 Что вамъ самимъ даетъ существованье.
 Я равенъ вамъ, хоть плоть моя изъ праха.
 Отвѣтите же, иль горе непокорнымъ!

Духъ.

Все нами сказано. Ищи отвѣта
 Въ своихъ словахъ.

Манередъ.

Въ словахъ своихъ? зачѣмъ же?

Духъ.

Ты говоришь, что равенъ намъ, а всѣ мы
 Такъ созданы, что незнакомы съ чувствомъ,
 Которое зовется въ мірѣ смертью.

Манередъ.

Зачѣмъ же звалъ я васъ, когда помочь мнѣ
 Вы не умѣете, иль не хотите?

Духъ.

Преси у насъ возможнаго. Подумай,
Иль отпусти скорѣе. Власть и силу,
Покорность странъ дадимъ мы, если хочешь,
Иль продолженье дней твоихъ...

Манередъ.

Проклятье!

О, будьте прокляты! Чтò въ вашихъ дняхъ мнѣ?
И безъ того они ужасно длинны.
Идите'жь прочь...

Духъ.

Не торопись! быть можетъ,
Тебѣ полезны будутъ наши силы,
И новое откроется желанье
Въ твоей душѣ... Подумай же немного.

Манередъ.

Желаній нѣтъ. Но, погодите—прежде,
Чѣмъ пропадете вы, хотъ на минуту
Вы въ образахъ явитесь предо мною.
Звукъ вашихъ голосовъ ловлю я жадно,
Какъ музыку, чарующую въ морѣ,
Но вмѣсто васъ въ пространствѣ вижу ясно
Одну звѣзду—и только. Покажитесь
Передо мной вы въ настоящемъ видѣ.

Духъ.

Жильцы стихій, мы формы не имѣемъ,
Но пожелай и выбери лишь форму—
И предъ тобой мы явимся въ томъ видѣ.

Манфредъ.

Гдѣ жь выбирать? я формъ не видѣлъ въ мѣрѣ
Достойныхъ отвращенья иль восторга;
Такъ пусть теперь первѣйшій духъ межъ вами
Здѣсь явится въ какой угодно формѣ.

Седьмой Духъ (*принимая видъ прелестной женщины*).

Я здѣсь. Смотри!..

Манфредъ.

О, Боже мой! Когда бы
Прелестный призракъ не былъ лишь обманомъ,
Насмѣшкою фантазіи капризной,
Я былъ бы счастливъ снова... О! позволь мнѣ
Тебя обнять... съ тобою вновь...

(*Призракъ исчезаетъ.*)

На части

Мнѣ разорвало сердце...:

(*Манфредъ падаетъ безъ чувствъ. Слышенъ заклинающій
голосъ.*)

Голосъ.

Когда луна въ волнахъ трепещетъ,
Червякъ на листьяхъ засвѣтилъ,
И огонёкъ болотный блещетъ,
И тѣни бродятъ вокругъ могилъ,
Когда звѣзда съ небесъ спадаетъ
И эхо чутко повторяетъ
Совиный крикъ, совиный свистъ,
Когда въ вѣтвяхъ не дрогнетъ листъ,
Тогда владѣетъ духъ безсонный
Твоей душою непреклонной:

* *
*

Пусть не отходитъ сонъ съ лица,
 Но онъ души твоей не тронетъ:
 Есть мысли—ихъ никто не сгонитъ,
 Есть тѣни—нѣтъ для нихъ конца.
 Хранимъ таинственной судьбою,
 Наединѣ съ самимъ собою
 Ты не пробудешь двухъ часовъ,
 И словно ризой облаковъ
 Ты обовѣешься властью новой,
 Всегда ревнивой и суровой.

* *

Хоть не найдетъ меня твой взоръ,
 Но ты почувствуешь, что всюду
 Тебѣ во слѣдъ ходить я буду,
 Вездѣ безсмѣнно съ этихъ поръ.
 Когда жъ меня тревожнымъ взглядомъ
 Ты не найдешь съ собою рядомъ —
 Не довѣрайся силѣ глазъ —
 Вблизи скажусь тебѣ тотчасъ
 И тайный страхъ твой, обнаружась,
 Переродится въ явный ужасъ.

* *

Тебя проклятью обрекли
 Въ волшебныхъ пѣсняхъ души міра;
 Тебя властители зѣира
 Вдругъ, какъ змѣями, оплели,
 И вѣтра яростные звуки
 Къ тебѣ однѣ приносятъ муки;
 Ты до утра въ глухую ночь
 Тоски не можешь превозмочь,

Тебѣ денница надоѣла
И солнца лучъ не грѣветъ тѣла.

* *
*

Изъ слезъ твоихъ я выжму ядъ;
Изъ этой груди непокорной
Я вырву сердце съ кровью черной,
Я выпью твой змѣиный взглядъ
Съ неумолимой злобой ада;
Сорву въ лица улыбку гада,
Твоею кровью обагрю,
И ядъ убійственный сварю:
Изъ всѣхъ отравъ и ядовъ свѣта
Ужаснѣй всѣхъ отравѣ эта.

* *
*

Клянѹ тебя твоимъ же зломъ,
Твоей неправдою безмѣрной,
Твоей улыбкой лицемѣрной,
Лукавымъ, каинскимъ умомъ,
Твоею властію огромной
И добродѣтелью заѣмной,
Твоей двуличною слезой
Надъ человѣческой судьбой —
Клянѹ тебя твоимъ же ядомъ:
Вѣкъ самъ себѣ ты будешь адомъ.

* *
*

Отравой гнусной окропленъ,
Тебѣ мученье сердце сгложетъ,
И смерть сойдти къ тебѣ не можетъ,
И не слетитъ покойный сонъ;
И проклятыя жизни силы
Напрасно будутъ ждѣть могилы...

Терзая, муча и губя,
 Кладу проклятье на тебя.
 Конец! Свершилось заклинанье:
 Живи жь для скорби и страданья!

СЦЕНА II.

Гора Юнгъ-Фрау. Утро.

Манередь (одинъ на скалы).

Я вызывалъ духовъ — они исчезли;
 Наука волшебства мнѣ измѣнила,
 И, вмѣсто благъ, дала одни терзанья,
 И больше къ ней я прибѣгать не стану.
 Что можетъ дать она? Ей непокорно
 Прошедшее, а будущее скрыто
 Подъ черной тьмой: тутъ знаніе безсильно...
 О, мать земля! ты, утро золотое,
 Вершины горъ, зачѣмъ вы такъ прекрасны?
 Зачѣмъ теперь любить васъ не могу я?
 Ты, солнце лучезарное вселенной,
 Равно для всѣхъ готовое на ласки,
 Ты сердца моего ужь не согрѣвешь...
 Вы, скалы дикія! съ вершины вашей
 Передо мною пропасти открыты,
 Бѣгутъ ключи въ зіяющія бездны,
 И съ высоты, гдѣ голова кружится
 При видѣ необъятнаго пространства,
 Гигантскій лѣсъ мелькаетъ, какъ кустарникъ...
 Одинъ прыжокъ отсюда, шагъ — не больше —
 Одно движеніе вѣтра — и довольно,
 Чтобъ эти скалы стали мнѣ гробницей,

И я бѣ уснулъ... Зачѣмъ же я такъ медлю?
 Я смерть зову — но къ ней нейдѣ на встрѣчу,
 Хочу прыгнуть — но недвижимъ стою я,
 Прикованный къ скалѣ какой-то властью,
 И эта власть меня связала съ жизнью.
 А что мнѣ жизнь? Слѣпая немощь духа,
 Сознаніе своихъ неправыхъ дѣйствій,
 Бесиліе зла, бессильнаго на дѣло,
 Холодный гробъ, въ который трупъ мой брошенъ...

(Надъ его головою пролетаетъ орелъ.)

Пернатый царь заоблачнаго царства!
 Ты, чье крыло такъ часто видитъ небо,
 Не даромъ пролетѣлъ ты надо мною:
 Мой прахъ твоей добычей скоро будетъ,
 И обращусь я въ ужинъ твой кровавый!..
 Но ты опять взвился и потерялся
 Тамъ, въ синевѣ небснаго пространства,
 Откуда все твоимъ открыто взорамъ...
 А вокругъ такъ хорошо! Все въ этомъ мирѣ
 Течетъ спокойно, ровно, безконечно;
 А мы — его цари и лже-владыки,
 Часть божества въ смѣшеніи съ частью праха —
 Равно бессильные — подняться вверхъ
 Иль внизъ упасть — мы, двойственной натурой
 Гармонію природы оскорбляемъ.
 Въ насъ гордость съ униженіемъ ходитъ рядомъ,
 И подлѣ благороднаго порыва
 Въ насъ шевелятся низкія желанья,
 И, наконецъ, похищенные смертью
 Становимся мы тѣмъ, о чемъ не смѣемъ
 Признаться и украдкою другъ другу.

(Вдали слышится звукъ рожка.)

Чу! звукъ рожка!.. Не мнѣ — патриархальность
 Среди этихъ горъ — здѣсь звукъ простой свирели
 Несется звонко въ воздухъ свободномъ,
 Сливаясь съ колокольчиками стада.
 Мнѣ прямо въ сердце рвутся эти звуки...
 О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
 Живой гармоніей, иль пѣсней нѣжной,
 Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
 И звукомъ же по воздуху растаять.

Горный охотникъ (поднимаясь на скалу).

Сюда прыгнула лань. Подъ самымъ носомъ
 Она передо мною промелькнула
 И, быстроногая, надула славно —
 И вотъ за трудъ опасный и тяжелый
 Останусь я, пожалуй, безъ добычи.
 Но, это что? Я вижу человѣка,
 Достигшаго такихъ вершинъ, которыхъ
 Не достигалъ и лучшій нашъ охотникъ.
 Но онъ не изъ простыхъ: одѣтъ богато,
 Въ лицѣ — безстрашіе, во взорѣ — гордость
 Привыкшаго къ свободѣ гражданина.
 Я ближе подойду къ нему...

Манерядъ.

Быть вѣчно

Покрытымъ сѣдиною отъ печали,
 Расколотымъ, подобно этимъ соснамъ,
 Которыя, изломанныя бурей,
 Среди ущелій трупами упали.
 И быть такимъ, не бывъ такимъ когда-то!..
 Глубокія морщины на челѣ мнѣ
 Не годы провели — минуты скорби,

Часы страданій лютыхъ и ужасныхъ.
 Вы, скалы снѣжныя, лавины ледяныя,
 Которымъ нуженъ только шелестъ вѣтра,
 Чтобы низринуть каменные груды,
 Сорвитесь же и прахъ мой раздавите.
 Вокругъ меня вездѣ ревутъ обвалы
 Грозой долинъ и рощъ, одѣтыхъ въ зелень,
 Пастушескихъ жилищъ, убогихъ хижинъ,
 И давятъ тѣхъ, которымъ жить хотѣлось,
 Но лишь меня не трогая минуютъ.

Охотникъ.

Туманы поднимаются все выше.
 Ему я дамъ совѣтъ: съ горы спуститься,
 А иначе сломать онъ можетъ шею.

Манередъ.

Вкругъ ледниковъ, клубясь, плывутъ туманы;
 Ихъ сѣрный дымъ взлетаетъ надо мною
 Съдою пѣной бѣшенанаго моря,
 Когда отъ рева волнъ весь берегъ стонеть,
 Какъ-будто бы отъ вздоховъ челоуѣка...
 Я весь горю...

Охотникъ.

Мнѣ нужно осторожно
 Къ нему подкрасться сзади, а не то онъ
 Малѣйшимъ шумомъ можетъ быть испуганъ...
 Онъ, кажется, дрожитъ теперь...

Манередъ.

Я знаю:

Бывали дни — и разсыпались горы;
 До облаковъ всходившія вершины

Летѣли въ прахъ, окрестность потрясая
 И изрыгая вокругъ себя обломки.
 Потоки рѣкъ серебряною пылью
 Мгновенно рассыпались и мгновенно
 Себѣ русло другое пробивали.
 Такъ пала Розенбергъ-гора когда-то...
 Зачѣмъ же тамъ не могъ я быть въ то время,
 Чтобы погибнуть въ общемъ разрушеньи?..

Охотникъ.

Пріятель, берегись! твой путь опасенъ;
 Здѣсь что ни шагъ — опасность предъ тобою.
 Прошу тебя: надъ пропастью не стой ты.

Маноредъ *(не слушая его).*

Тамъ для себя я тихій гробъ нашель бы
 И для костей пріютъ нашель бы вѣчный.
 А вотъ теперь, когда я брошусь въ бездну,
 По скаламъ разлетятся эти кости
 Игрушкою вѣтровъ и непогоды...
 Прощайте жъ, небеса! О, не смотрите
 Вы на меня теперь съ такимъ укоромъ.
 А ты, земля, прими мои останки.
*(Хочетъ броситься со скалы, но охотникъ схватываетъ
 и удерживаетъ его однимъ движеніемъ.)*

Охотникъ.

Безумецъ! стой! Хоть жизнь тебѣ постыла,
 Но этихъ чистыхъ скалъ не обагрй ты
 Своей преступной кровью. Нѣтъ, за мною
 Теперь ступай, — тебя я не оставлю.

Маноредъ.

Я чувствую, что кровь во мнѣ застыла...
 Оставь меня, оставь!... я слабъ... не вижу

Здѣсь ничего... вокругъ горы точно пляшутъ...
Но кто ты самъ?..

Охотникъ.

Узнаешь это послѣ.

Иди за мной! — Вокругъ облака темнѣютъ...
Вотъ такъ — склонись ко мнѣ, теперь не бойся...
Сюда, сюда — на палку опирайся...
Вотъ дерево — рукой схватись за вѣтки...
Дай руку мнѣ — держись за поясъ крѣпче —
Потише — не спѣши, намъ недалеко
Съ тобой идти, — опасность миновалась —
Мы вышли на знакомую тропинку.
Ступай — вотъ такъ — вотъ такъ — идешь ты бодро,
Какъ опытный охотникъ. Ну впередъ же!..
(Спускаются со скал. Ночь.)

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Хижина въ Бернскихъ Альпахъ.

Манередъ и Горный охотникъ.

Охотникъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не торопись, — начать дорогу
Тебѣ нельзя: ты слабъ еще, безсиленъ.
Покуда отдохни, а тамъ готовъ я
И проводить тебя; скажи лишь только
Куда...

Манередъ.

Напрасный трудъ! Мнѣ путь извѣстенъ,
И проводникъ не нуженъ будетъ вовсе.

Охотникъ.

По виду твоему и по одеждѣ
 Въ тебѣ призналъ я одного изъ знатныхъ
 Владѣтелей тѣхъ неприступныхъ замковъ,
 Которыхъ много здѣсь. Такъ гдѣ жь твой замокъ?
 Я человекъ простой — и очень рѣдко
 Случалось мнѣ бывать въ парадныхъ залахъ,
 Но всѣ тропинки къ нашимъ замкамъ
 Я съ дѣтства изучилъ. Лишь уважи мнѣ мѣсто —
 Я проведу тебя.

Манередъ.

Не безпокойся.

Охотникъ.

Прости мнѣ любопытство и вопросы,
 И будь повеселѣе хоть немного.
 Вотъ выпей моего домашняго вина ты,
 Которое не разъ меня спасало
 Средь ледниковъ, гдѣ я дрожалъ отъ тужи.
 Вино мое тебя согрѣетъ тоже.
 Ну, чокнемся!

Манередъ.

Прочь отъ меня! Не нужно!
 Я вижу кровь, кровь по краямъ стакана...
 Ужели эта кровь струиться будетъ вѣчно?...

Охотникъ.

Что говоришь? Ты потерялъ рассудокъ.

Манередъ.

Та кровь — есть кровь моя — источникъ чистый,
 Бѣжавшій въ жилахъ нашихъ древнихъ предковъ

И въ насъ самихъ въ дни юности кипѣвшей...
 Когда мы были молоды и чисты,
 И сердце въ насъ однимъ желаньемъ билось,
 Когда любили сильно мы другъ друга —
 Источникъ пролить былъ, и капли крови,
 Поднявшись вверхъ, забрызгали собою
 Всѣ облака, облака закрыли
 Мнѣ путь на небеса и въ ту обитель,
 Гдѣ нѣтъ тебя, гдѣ я не буду вѣчно.

Охотникъ.

Ты странный человѣкъ! Твое страданье,
 Быть можетъ, тяжело, невыносимо,
 Но для тебя осталось утѣшенье
 Въ несчастіи: терпѣнье и молитва.

Манередъ.

Терпѣніе, терпѣніе! Вотъ слово,
 Которое придумали для вьючныхъ,
 Тупыхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей...
 Толкуй о томъ другимъ, себѣ подобнымъ:
 Я не похожъ ни въ чемъ на васъ...

Охотникъ.

Ей-богу,

Не помѣнялся бъ мѣстомъ я съ тобою
 За славу самого Вильгельма Телля;
 Но ты страдать безъ ропота не можешь:
 Въ страданьи гнѣвъ безсиленъ и напрасенъ.

Манередъ.

Но развѣ я не выношу всѣ скорби?
 Вѣдь я живу — и этого довольно.

Охотникъ.

Такая жизнь ужаснѣй всѣхъ терзаній!

Манередъ.

Скажу тебѣ, мой другъ, живу я
Ужъ много долгихъ лѣтъ, но эти годы
Не значать ничего въ сравненіи съ тѣми,
Которые еще прожить мнѣ нужно.
Я буду жить вѣка, всю вѣчность буду
Томиться на землѣ желаньемъ смерти,
И все же смерть сойти ко мнѣ не смѣетъ.

Охотникъ.

Но по лицу твой ранній возрастъ видѣнъ:
Ты среднихъ лѣтъ, а я гораздо старше...

Манередъ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Нѣтъ, мы отъ дѣлъ старѣемъ.
Мои дѣла моимъ существованьемъ
Владѣли постоянно; дни и ночи
Отъ нихъ до безконечности тянулись
И стали такъ похожи межъ собою,
Какъ мелкія песчинки средь пустыни.
Жизнь для меня — пустынный, дикій берегъ,
Гдѣ стонуть волны, пылью разсыпаясь,
И изъ себя выбрасываютъ только
Обломки скалъ и бѣлые скелеты...

Охотникъ.

Рехнулся онъ: его я не оставлю.

Манередъ.

О, еслибъ я съ ума сошелъ! тогда бы
Мои видѣнья были только бредомъ.

Охотникъ.

Что жь видишь ты, иль думаешь что видишь?

Манередъ.

Я вижу самого себя и рядомъ
Тебя съ собою вижу я, охотникъ;
И вижу твой гостепріимный домъ я,
Твой кроткій духъ, терпѣнье, силу вѣры,
Твое здоровье, сонъ покойный ночью,
Опасные труды, оружіе охоты,
Невидѣвшее крови преступленій,
А въ будущемъ — незлобливую старость
Съ душистыми цвѣтами на могилахъ,
Которую оплачутъ горько внуки —
Все это вижу я; въ себя жь самомъ я
Не вижу ничего. Во мнѣ убиты
Давно надежды, мысли и желанья.

Охотникъ.

А ты бѣ хотѣлъ со мною помѣняться
Своею участію?

Манередъ.

О нѣтъ! не думай!

Я на обманъ подобный неспособенъ.
И ни съ однимъ изъ смертныхъ не хотѣлъ бы
Мѣняться долею. Существованье,
Которое нести лишь мнѣ по силамъ,
Другихъ убило бы и въ самой грезѣ,
И мугъ моихъ въ минутномъ сновидѣннѣ
Не вынесъ бы никто.

Охотникъ.

Но ты скажи мнѣ:
Съ участіемъ такимъ къ судьбѣ несчастныхъ,

Уже-ли могъ тяжолымъ преступленьемъ
Ты запятнать себя? Нѣтъ, я не вѣрю!
Съ такой душой едва-ли ты способенъ
Убить врага изъ ненавистой мести.

Манередъ.

О, нѣтъ! мои проклятiя ложились
На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
Которые меня любили тоже.
Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ,
Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшенъ,
Но былъ, какъ ядъ, ужасенъ и смертеленъ
Мой поцалуй для тѣхъ, кого любилъ я.

Охотникъ.

Пусть Богъ спасетъ тебя и успокоитъ,
Раскаяньемъ смиривъ и умъ и сердце,
Я жъ за тебя молиться буду небу.

Манередъ.

Оставъ; не нужны мнѣ твои молитвы,
Участiе жъ твое не отвергаю.
Прощай. Вотъ золото — не отваяжи же
Мнѣ въ благодарности, но въ слѣдъ за мною
Не слѣдуй ты — дорога мнѣ знакома, —
Прошу опять — за мною не ходи ты.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Изменная долина въ Альпахъ. Водопадъ.

Манередъ.

До полдня далекò еще, а солнце
Зажгло огнями брызги водопада

И разноцвѣтной радугою блещетъ,
 А со скалы серебрянымъ каскадомъ
 Бѣжитъ потокъ, сверкая млечной пѣной,
 Какъ бѣлый конь съ своей косматою гривой,
 Волшебный конь, несущій призракъ смерти.
 И я одинъ въ прекрасномъ мѣстѣ этомъ
 Любуюся картиной водопада.
 Но дѣву горъ я вызову — и съ нею
 Еще полнѣе будетъ наслажденье.
 Зову ее...

(Зачерпываетъ на ладонь нѣсколько капель воды и бросаетъ ихъ въ воздухъ, произнося заклинанія. Дѣва горъ является въ радугѣ водопада.)

Духъ чистый и прелестный!
 Твой ясный взоръ и кудри золотыя,
 И этотъ станъ, божественныя формы,
 Напомнившія мнѣ земныхъ красавицъ —
 Ихъ красоты изящный первообразъ, —
 И щокъ твоихъ румянецъ вѣчно яркій.
 Какъ цвѣтъ щеки невиннаго ребѣнка
 У матери заснувшаго съ улыбкой, —
 Какъ отблескъ розовый, которымъ солнце
 Румянитъ снѣгъ на ледникахъ прозрачныхъ
 Въ часъ вечера, когда земля стыдливо
 Цалуется зарею съ небесами —
 Все, все въ тебѣ одной соединилось
 Въ какія-то божественныя чары,
 И радуга, сверкающая въ краскахъ
 Теряется, блѣднѣя предъ тобою!
 Прелестный духъ, котораго безсмертье
 Я на челѣ божественномъ читаю!
 Прости меня за то, что я, сынъ праха,

Дерзающий бесѣдовать съ духами,
Тебя рѣшился вызвать силой власти,
Которая не всѣмъ дается въ мірѣ.

Дѣва горь.

Кто ты, я знаю, смертный; знаю также,
Гдѣ почерпнулъ ты силу власти тайной.
Я знаю, мысль тебя терзаетъ вѣчно;
Добро и зло твои волнуютъ страсти
Съ одною силою; всегда страдая,
И въ жизнь другихъ ты вносишь лишь страданья.
Ты звалъ меня; скажи: чего же хочешь?

Манередъ.

Взглянуть на красоту твою — и только.
Жилецъ земли — на ней я обезумѣлъ
И сталъ искать внутри ея — отвѣта,
Проникъ въ пріютъ духовъ ея подземныхъ,
Но мнѣ они помочь не въ состояньи,
Чего просилъ — мнѣ дать они не въ силахъ.
Теперь отъ нихъ не жду ужь ничего я.

Дѣва горь.

Но развѣ есть такая просьба, смертный,
Которой духи могутъ не исполнить?

Манередъ.

Да, есть одна... Но для чего же буду
Я говорить? вѣдь это бесполезно.

Дѣва горь.

Для насъ неисполнимыхъ нѣтъ желаній.
Скажи мнѣ все...

Манердъ.

Хоть это будетъ трудно,
 Но я скажу: мнѣ скорбь моя дастъ сплы.
 Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился;
 Ихъ взглядъ мнѣ былъ чужой; ихъ честолюбье
 Житейское меня не волновало;
 Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
 Мои страданья, радости, желанья
 Съ людскими расходились постоянно.
 Хотя носилъ я образъ человѣка,
 Но между мной и братьями земными
 Симпатій не было, и въ цѣломъ мірѣ
 Я близкаго не находилъ созданья...
 Была одна... о ней скажу я послѣ...
 Такъ, бѣгая людей вездѣ, въ пустыни
 Я уходилъ, взбирался на вершины
 Высокихъ скалъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
 И упивался воздухомъ нагорнымъ,
 Гдѣ птица вить гнѣзда себѣ не смѣетъ,
 Гдѣ никогда по голому граниту
 Не бились крылья слабыхъ насѣкомыхъ;
 А иногда кидался я въ пучину
 Кипучихъ волнъ сердитаго потока
 И прихотямъ волны я отдавался;
 То по ночамъ любилъ смотрѣть я въ небо,
 Теченье звѣздъ далекихъ наблюдая,
 Или слѣдя за блескомъ яркихъ молній;
 То я любилъ, подъ плачь вѣтровъ осеннихъ,
 Смотрѣть, какъ листья желтые летаютъ.
 Такъ жизнь моя и юность проходили;
 Когда жъ, порой, мнѣ люди попадались —
 Я собственнымъ ничтожествомъ томился

И самъ себя я чувствовалъ тѣмъ прахомъ,
 Въ который обратятся эти люди.
 Тогда сходилъ я въ темныя пещеры,
 Въ жилище смерти, и ея начало
 Я разгадать старался на могилахъ,
 Гдѣ черепа съ скелетами нѣмыми
 Загробныя мнѣ раскрывали тайны;
 Я много лѣтъ наукъ предавался,
 Таинственной, магической наукѣ,
 Теперь забытой всѣми. Рядъ тяжелыхъ
 И страшныхъ испытаній и лишеній,
 Упорный трудъ среди ночей бессонныхъ
 Мнѣ дали власть приказывать стихіямъ,
 Повелѣвать незримиыми духами
 И проникать въ невѣдомую вѣчность,
 Подобно древнимъ магамъ знаменитымъ,
 Иль мудрецу, умѣвшему въ Гадарѣ
 Вдругъ вызвать, какъ тебя я вызвалъ нынче,
 Изъ воднъ морскихъ незримаго Эроса...
 Такъ съ знаніемъ росла и жажда знанья,
 Мой гордый умъ блисталъ такою силой,
 Такою властью, что...

Дѣва горь.

Что? продолжай же!

Магорецъ.

Мнѣ тяжело тревожить раны сердца,
 А потому я длилъ рассказъ нарочно
 И съ умысломъ себя превозносилъ я...
 Но, продолжаю дальше. Въ цѣломъ свѣтѣ
 Я близкихъ не имѣлъ, не зналъ любимыхъ
 Отца и мать, любовницу, иль друга,

Съ которыми я былъ бы чувствомъ связанъ,
И если бы такихъ я даже встрѣтилъ,
Я въ нихъ бы не повѣрилъ. Только въ жизни
Была одна... она...

Дѣва горъ.

Будь безпощаденъ
Къ себѣ и продолжай!

Манередъ.

Она похожа
Была со мной во многомъ: тотъ же голосъ,
Черты лица, глаза, и тѣ же кудри,
Но только все сверкало красотой
Особенной, которой нѣтъ сравненья;
Какъ и во мнѣ, въ ней мысли были тѣ же —
Далекія отъ міра; съ той же жаждой
Она наукъ тайной предавалась
И умъ ея пылливый, столь же сильный,
Могъ властвовать надъ цѣлою вселенной.
Но были въ ней та мягкость, состраданье,
Которыхъ не имѣлъ я; были слезы,
Мнѣ незнакомыя; та нѣжность сердца,
Лишь для нея которую сберегъ я,
А въ ней для всѣхъ она была открыта.
Ея ошибки были и моими,
Но добродѣтели принадлежали
Одной лишь ей. Любя ее безумно,
Я погубилъ ее.

Дѣва горъ.

Своей рукою?

Магередъ.

Нѣтъ, не рукой, но сердцемъ ядовитымъ
 Разбилъ я это любящее сердце
 И изсушилъ. Я пролилъ кровь чужую,
 Но не ея, а все же пролилася
 И эта кровь... Не въ силахъ былъ спасти я,
 Хоть видѣлъ все.

Дѣва горь.

И вотъ, для тѣхъ ничтожныхъ
 Тобою презираемыхъ созданий,
 Ты, просвѣтленный мудростью науки,
 И чрезъ науку, равный съ нами, хочешь
 Для слабаго созданія земного,
 Пренебрегая знаніемъ высокимъ,
 Въ ничтожество земное обратиться!
 Ты думалъ ли о томъ?

Магередъ.

О, дочь ээира!

Я говорю тебѣ, что съ той минуты...
 Но что слова? — одни пустые звуки.
 Но еслибъ ты была всегда со мною,
 Во снѣ и на яву, то ты узнала бь,
 Что злыя фуріи мое уединенье
 Уже давно, давно не покидаютъ.
 Я скрежещу зубами темной ночью
 И утра дожидаясь — день настанетъ,
 И день я проклиная вплоть до ночи.
 Я умолялъ, чтобы угасъ мой разумъ —
 Мнѣ отказали въ просьбѣ этой; съ воплемъ
 Бросался я не разъ на встрѣчу смерти,
 Въ борьбѣ стихій искалъ себѣ могилы,

Но разступались волны океана
 Передо мной покорными рабами
 И гибель отъ меня бѣжала всюду.
 Мой злобный духъ безжалостной рукою
 На волоскѣ держалъ меня, но волосъ
 Нигдѣ и никогда не разрывался,
 Искалъ обмана я въ воображеньи,
 Въ мечтахъ своихъ, въ фантазіи капризной,
 Но тѣ мечты тревожныя, какъ волны
 На берегу морскомъ въ часы прилива,
 Меня кидали въ бездну темной мысли.
 Бросался я и въ міръ, на встрѣчу къ людямъ,
 Межь нихъ искалъ хоть краткаго забвенья —
 И не нашолъ. Все знанье, все искусство,
 Добытыя тяжолыми трудами —
 Все это вздоръ... Попрежнему живу я
 Съ отчаяньемъ, и нѣтъ ему исхода.

Дѣва горъ.

Я, можетъ быть, помочь тебѣ могла бы?

Манередъ.

Но для того должна ты вызвать мертвыхъ,
 Иль къ нимъ теперь меня свести въ могилу.
 Что жъ! я готовъ на новое страданье,
 Когда бъ оно послѣднимъ только было...

Дѣва горъ.

Не властна въ этомъ я; но если хочешь,
 Чтобы сбылись теперь твои желанья —
 Дай клятву мнѣ во всемъ повиноваться.

Манередъ.

Повиноваться? мнѣ? духамъ подвластнымъ?
 Рабамъ, обязаннымъ служить мнѣ всюду? —
 Нѣтъ, никогда предъ ними не склонюсь я!

Дѣла горь.

Ты такъ рѣшилъ? Но погоди немного,
Одумайся.

Манередъ.

Я все сказалъ.

Дѣла горь.

Мнѣ можно

Тебя теперь оставить?

Манередъ.

Можешь.

(Дѣла горь исчезаетъ.)

Манередъ.

Всѣ мы —

Игрушка времени и страха. Годы
Проходятъ передъ нами незамѣтно,
Но каждый годъ хоть что-нибудь уноситъ
Отъ насъ, и мы живемъ, скучая жизнью
И смерти опасаясь. Жизни иго
Насъ тяготитъ, то радостью больною,
То скорбью безконечной, то проклятемъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
Въ которую мы смерти не желали бъ,
Но предъ которой все-таки трепещемъ,
Боясь ея холодной, мертвой ласки,
Хоть одного мгновенія довольно
Чтобъ кончить съ жизнью разомъ. Остается
Мнѣ лишь одно теперь: поднять изъ гроба
Покойниковъ и ждать отъ нихъ отвѣта:
Чего боимся мы по смерти? Скажутъ,
Быть можетъ, намъ: могилы! Что же? это

Не страшно мнѣ... А если не отвѣтятъ?
 Но, вѣдь, пророкъ умершій отвѣчалъ же
 По вызову волшебницы Эндорской;
 Спартанскій царь свой приговоръ услышалъ
 Изъ предсказанья дѣвы византійской,
 Вотъ эта рѣчь: «онъ ту сгубилъ жестоко,
 Которую любилъ, и безъ прощенья
 За то погибъ, хотъ призывалъ къ себѣ онъ
 Фиксійскаго Юпитера на помощь,
 Хотъ умолялъ волшебниковъ аркадскихъ
 Просить себѣ прощенья и пощады
 Въ мольбахъ передъ разгнѣванною тѣнью».
 То предсказанье темное сбылося...
 О! если бѣ не жилъ я, она жила бы
 Еще теперь; когда бы не любилъ я,
 То ты, моей убитая любовью,
 Еще бѣ жила, сіяла и любила,
 Неся другимъ и счастье и ласки...
 А чтó она теперь? святая жертва,
 Страдалица чужого преступленья,
 Иль то, о чемъ сказать себѣ боюсь я,
 Иль, наконецъ, ничто. О! скоро, скоро,
 Мои сомнѣнья разлетятся дымомъ.
 Я жду со страхомъ рокового часа,
 Хотъ предъ духами добрыми и злыми
 Я не дрожалъ, но трепещу теперь я,
 И тайный холодъ мнѣ сжимаетъ сердце...
 Но надъ собой я власть еще имѣю
 И прогоню свой страхъ и ужасъ тайный...
 Я буду ждать. Ужъ ночь ползетъ по небу.

СЦЕНА III.

Вершина горы Юнгъ-Фрау.

Первая парка.

Румяный мѣсяцъ на небѣ зажегся.
 Здѣсь по ночамъ, слѣдовъ не оставляя,
 Блуждаемъ мы по тѣмъ вершинамъ снѣжнымъ,
 Гдѣ смертный не ступалъ своей ногою.
 Здѣсь, гдѣ стоятъ прозрачныя лавины,
 Какъ волны вверхъ взлетѣвшія и разомъ
 Застывшія отъ ледящей стужи;
 Здѣсь, на скалахъ, разбросанныхъ капризно
 Землетрясеньями, здѣсь, по уступамъ,
 Гдѣ облака, порою, отдыхаютъ,
 Мы сходимся для тайныхъ совѣщаній.
 Здѣсь, въ эту ночь, сберутся наши сестры,
 Чтобъ поспѣшить на праздникъ Аримана
 Въ его чертогъ... Но что жъ онѣ такъ медлятъ?

*(Слышны голоса, поющие въ отдаленіи.)***Первый голосъ.**

Съ престола низвергнуть злодѣй,
 Готовый на всѣ преступленья;
 Онъ, міромъ забытый, лежалъ,
 Лежалъ онъ въ цѣпяхъ безъ движенья.
 Я съ рукъ его цѣпи сняла,
 Шепнула злодѣю о волю,
 Дала ему армию я —
 И снова тиранъ на престолѣ...

И мнѣ за услугу
 Отплатить злодѣй
 Погибелью многихъ
 И многихъ людей.

Онъ царства разрушить,
 Погубить народъ,
 И самъ на обломкахъ
 Безславно падётъ.

Второй голосъ.

Плылъ корабль по волнамъ; я его стерегла, —
 Мачты вырвала вонъ, паруса сорвала,

* *
 * *

И теперь не найти отъ всего корабля.
 Ни кормы, ни доски, ни снастей, ни руля.

* *
 * *

И не спасся никто изъ пловцовъ, чтобъ взглянуть,
 Какъ пловцы будутъ въ темной пучинѣ тонуть.

* *
 * *

Одному лишь изъ нихъ утонуть не пришлось:
 Я его удержала за пряди волосъ,

* *
 * *

И оставила жить на порокъ, на развратъ:
 Онъ разбойникъ на сушѣ, а въ морѣ — пиратъ.

* *
 * *

И за то, что его я отъ смерти спасла,
 Многихъ кровь онъ прольетъ, много сдѣлаетъ зла.

Первая парка.

Спалъ городъ во мракѣ;
 Разсѣялась мгла —
 И тучей зараза
 На городъ легла:
 Не слышно свершала
 Зловѣщій обходъ
 И мертвой рукою
 Давила народъ.

Отъ друга больного
 Здоровый бѣжитъ,
 Но всюду зараза
 Его сторожитъ.
 Надъ цѣлой страной
 Тоска и испугъ,
 И дрогнуло царство
 И рушится вдругъ.
 Незримая въ міръ
 Я въ міръ прошла
 И синіе трупы
 Въ могилы несла.
 Такъ цѣлую вѣчность
 Я буду летать
 И смертнымъ лобзаньемъ
 Людей усыплять.

(Входятъ вторая и третья парки.)

Тrio.

Сердца людей у насъ во власти,
 Гдѣ мы пройдемъ — тамъ смерть ихъ ждетъ;
 Мы жизнь даемъ имъ, и отъ нихъ же
 Жизнь отнимаемъ въ свой чередъ.

Первая парка.

Всѣ собрались. Но гдѣ же Немезида?

Вторая парка.

Навѣрно занялася важнымъ дѣломъ
 Она теперь, — какимъ же? — я не знаю;
 Я и сама безъ дѣла не дремала.

Третья парка.

Смотрите: вотъ идетъ она.

(Входитъ Немезида.)

Скажи намъ,
Гдѣ ты была? Сегодня всѣ мы поздно
Здѣсь собрались.

Немезида.

Я власти воскрешала
Людьми убитыя; земнымъ тиранамъ
Развязывала руки; съ чувствомъ мести
Знакомила я сердце челоуѣка,
А послѣ мщеньемъ собственнымъ пугала;
Вездѣ съ ума сводила мудрецовъ я,
На дураковъ навѣсила оковы,
И новыя разставила кумиры
Въ замѣну идоловъ, пришедшихъ въ ветхость,
Къ которымъ ужь давно привыкли люди —
Невольники, скучающіе рабствомъ,
Свою судьбу клянущіе повсюду,
И всѣ вкусить желающіе жадно
Запретный плодъ общественной свободы.
Но намъ пора. На облака — и мчимся.

СЦЕНА IV.

Чертоги Аримана.

*Ариманъ сидитъ на тронѣ своемъ — огненномъ шарѣ,
окружаемый духами.*

Гимнъ духовъ.

Хвала властелину земли и ээира!
Онъ тучами править, онъ воды мутить,
Въ рукѣ его скипетръ стихій всего міра:
Онъ въ хаосъ по слову весь міръ обратить,
Дохнетъ онъ — и море застонетъ отъ бури,
Велитъ онъ — и молніи небо зажгутъ,

Онъ взглянетъ на солнце — и въ ясной лазури
 Отъ солнца лучи золотыя спадутъ,
 Идетъ онъ — и лаву волканы бросаютъ,
 Обвалы несутся и горы дрожатъ,
 Чума и заразы его провожаютъ,
 Надъ нимъ постоянно кометы горятъ.
 Онъ ходитъ надъ міромъ великій, спокойный,
 И смерть ему мертвыя дани несётъ
 И жертвы готовятъ кровавыя войны,
 И путь поливаетъ слезами народъ.

(Входятъ парки и Немезида.)

Первая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!
 Все на землѣ покорно Ариману;
 Исполнили мы всѣ его желанья.

Вторая парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ! Предъ трономъ
 Его весь міръ склонился раболѣпно.

Третья парка.

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!

Немезида.

Твои мы, царь царей, и все на свѣтѣ
 Живущее покорно нашей волѣ,
 Но чтобъ твою и нашу власть возвысить,
 Мы на услуги новыя готовы.
 Приказывай, а все, что было прежде
 Намъ велѣно — мы совершили точно.

(Входитъ Манфредъ.)

Духъ.

Кто это? Смертный? Дерзкое творенье!
 Боготвори, упавши на колѣни.

Второй духъ.

Его я знаю: выше всѣхъ людей онъ
Волшебной властью и великимъ знаньемъ.

Третій духъ.

Презрѣнный рабъ, склонись предъ Ариманомъ:
Онъ твой и нашъ владыка! Повинуйся
Ему теперь...

Всѣ духи вмѣстѣ.

Сынъ праха! въ прахъ пади ты,
Иль трепещи.

Манередъ.

Я знаю, знаю это,
Но не склонюсь...

Четвертый духъ.

Такъ мы тебя научимъ...

Манередъ.

О! этому ужъ я наученъ въ мѣрѣ.
Я много лѣтъ привыкъ во прахѣ ползать,
И, голову посыпавъ пепломъ, часто
Передъ своимъ отчаньемъ я падалъ,
Склонялся ницъ передъ своею скорбью.

Пятый духъ.

Но какъ же здѣсь, предъ трономъ Аримана,
Который заставлялъ дрожать всю землю,
Не хочешь покориться ты? Смирись же...

Манередъ.

Скажи, чтобъ онъ склонился вмѣстѣ съ нами
Передъ Творцомъ могучимъ и всеильнымъ,
Не для того создавшимъ Аримана,
Чтобъ мы его боготворили.

Духи.

Дерзкій!

На части разорвемъ его...

Первая парка.

Постойте!

Онъ мой!... Нашъ повелитель! въ этомъ смертномъ
 Ты видишь не простого человѣка,
 И межъ людей такіе люди рѣдки.
 Его страданья вѣчны, какъ и наши;
 Въ немъ есть тѣ знанья, сила та и воля,
 Которыя для смертныхъ недоступны,
 И намъ, духамъ, онъ сталъ во многомъ равенъ.
 Хоть мысль его во все теперь проникла,
 Но не нашелъ онъ счастья въ знаньи этомъ,
 И онъ его считаетъ переходомъ
 Отъ одного невѣжества къ другому,
 Еще сильнѣйшему. Свобода, страсти,
 Которыми во всей вселенной дышать
 Всѣ существа — отъ духа и до червя —
 Въ его душѣ глубоко отразились
 И жизнь его на столько отравили,
 Что я, не понимая состраданья
 Ни для кого, прощаю тѣхъ, кто станетъ
 Ему сочувствовать. Онъ мой, и также
 Твоимъ быть можетъ — такъ иль нѣтъ, но знай ты,
 Что въ области духовъ, тебѣ подвластныхъ,
 Мы не найдемъ души, ему подобной,
 И что надъ нимъ мы не имѣемъ власти.

Немецка.

Но для чего жъ онъ здѣсь?

Первая парна.

На это самъ онъ

Отвѣтитъ намъ.

Манередъ.

Вамъ власть моя извѣстна,
Я безъ нея не могъ бы быть межъ вами,
Но есть въ природѣ силы выше вашихъ,
И я отъ нихъ-то жду теперь отвѣта.

Немезида.

Чего же хочешь ты?

Манередъ.

Нѣтъ, ты не можешь
Отвѣтитъ мнѣ, но мертвую изъ гроба
Ты вызови и мнѣ она отвѣтитъ.

Немезида.

Великій Ариманъ! ты разрѣшишь ли
Исполнить просьбу эту?

Ариманъ.

Разрѣшаю.

Немезида.

Кого жъ изъ мертвыхъ хочешь воскресить ты?

Манередъ.

Ее одну, уснувшую безъ гроба,
Астарту вызови...

Немезида.

Тѣнь ли незримая,
Духъ ли гробовъ,
Сбрось на мгновение
Смерти покровъ.

Въ прахъ обращенная
 Сила, проснись,
 Съ прежними формами
 Смѣло явись.
 Жизнь отлетѣвшую
 Ты улови,
 Сердце заснувшее
 Вновь оживи.

(Призракъ Астарты поднимается и останавливается посреди духовъ.)

Манередъ.

Уже-ли это смерть? Не вѣрю... Силы жизни
 Играютъ на щекахъ ея румянцемъ...
 Но, нѣтъ, обманчивъ призракъ твой, Астарта,
 И краска шокъ съ больною красотою
 Есть осени мертвящія румяны
 На листьяхъ пожелтѣвшихъ и увядшихъ...
 И это ты? О, Боже! отчего я
 Въ глаза смотрѣть боюсь ей? Ты, Астарта...
 Я не могу сказать ей даже слова...
 Велите жъ ей заговорить со мною,
 Назначить мнѣ иль казнь, или прощенье...

Немезида.

Повинуйся тайной власти
 Духъ твой вызвавшей изъ тьмы,
 И теперь давай отвѣты
 Ты на все, что спросимъ мы.

(Молчаніе.)

Манередъ.

Она молчитъ, но мнѣ ея молчанье
 Теперь понятнѣй всякаго отвѣта.

Немезида.

Здѣсь власть моя безсильна. Царь ээира!
Одинъ лишь ты приказывать ей можешь.

Аршманъ.

Тѣнь! говори! Вотъ скипетръ — повинуйся!

Немезида.

Опять молчить. Инымъ духамъ и силамъ
Подвластная, она отвѣтитъ только.
Нѣтъ, смертный, здѣсь твоя напрасна просьба:
Тебѣ помочь мы не имѣемъ власти.

Манередъ.

Молю тебя, Астарта, отвѣчай мнѣ.
Я такъ страдалъ, я такъ теперь страдаю...
Взгляни же на меня: ты и въ могилѣ
Не измѣнилась такъ, какъ измѣнился
Я за тебя, живя на этомъ свѣтѣ.
Да, мы любили сильно и безумно,
Любовь такая хуже преступленья,
А для того ль мы созданы съ тобою,
Чтобъ истерзать другъ друга и измучить?
Скажи же, что меня не проклинаешь,
Что я одинъ наказанъ за обоихъ
И что тебѣ назначено блаженство,
А мнѣ — забвенье смерти. Въ этомъ мѣрѣ
Все ненавистное соединилось,
Чтобъ безконечно жить меня заставить
Съ неотразимой мыслью о безсмертѣи,
Которое одной сковало цѣпью
Прошедшее съ грядущимъ. Нѣтъ покоя
Моей душѣ; хочу чего — не знаю,
Не знаю я чего ищу, и только

Лишь чувствую кто я — кто ты... Астарта!
 Пока я не погибъ, хоть разъ хотѣлъ бы
 Услышать вновь твой голосъ музыкальный.
 О, говори жь со мной! Нерѣдко ночью
 Я вызывалъ тебя; въ зеленыхъ рощахъ
 Будилъ заснувшихъ птицъ своимъ призывомъ,
 Пугалъ въ горахъ дремавшую волчицу;
 Я научилъ въ пещерахъ темныхъ эхо
 За мною повторять Астарты имя —
 И эхо мнѣ покорно отвѣчало,
 Мнѣ отвѣчало все — природа, люди,
 По мановенью духи отклпкались,
 Лишь ты одна отвѣтить не хотѣла.
 Уже-ль теперь твой не услышу голосъ?
 Я по землѣ блуждалъ, но я ни разу
 Не встрѣтилъ на землѣ тебѣ подобной.
 О, говори жь со мной! Смотри — вотъ духи,
 Они ко мнѣ почувствовали жалость;
 Но я ихъ не боюсь, и это сердце
 Наполнено одною лишь тобою.
 Проговори хоть въ гнѣвѣ что-нибудь мнѣ,
 Позволь хоть разъ, хоть разъ тебя послушать!

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

Манфредъ.

О, говори!.. Твой слышу голосъ!..
 Я весь живу въ тѣхъ звукахъ... Говори же...

Призракъ Астарты.

Манфредъ! конецъ твоимъ страданьямъ завтра.
 Прощай!..

Маноредъ.

Постой! еще лишь только слово:
Простила ль ты меня?

Призракъ Астарты.

Прощай!

Маноредъ.

Лишь слово
Прощенія! Что я любимъ — скажи мнѣ.

Призракъ Астарты.

Маноредъ!

(Призракъ Астарты исчезаетъ.)

Немезида.

Она исчезла и не можетъ
Быть вызвана; но что она сказала —
То сбудется. Иди жь опять на землю.

Духъ.

Душа его страдаетъ... Вотъ что значитъ
Быть смертнымъ и проникнуть смѣлой мыслью
Въ познаніе таинственнаго міра.

Другой духъ.

Но, посмотри, какъ онъ превозмогаетъ
Свое страданье, волѣ подчиняя,
И если бы какъ духи былъ онъ созданъ,
То сталъ бы величайшимъ самымъ духомъ.

Немезида.

О чемъ еще теперь спросить желаешь
У насъ или у нашего владыки?

Маноредъ.

Ни слова болѣе.

Менезида.

Итакъ, на время

Пока прощай.

Манфредъ.

Увидимся мы снова?

Гдѣ? на землѣ? мнѣ все равно гдѣ хочешь,

Но я вамъ всѣмъ глубоко благодаренъ

За помощь. А теперь пока прощайте.

(Манфредъ уходитъ.)

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ замкѣ Манфреда.

Манфредъ и Германъ.

Манфредъ.

Который часъ?

Германъ.

Ужь до заката солнца

Осталось немного; вѣрно, нынче

Прекрасный будетъ вечеръ.

Манфредъ.

Все ли въ башнѣ

По моему желанію готово?

Германъ.

Готово, графъ? Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

Манфредъ.

Теперь ты можешь, Германъ, удалиться.

(Германъ уходитъ.)

Машередъ (одинъ).

Кругомъ меня здѣсь тишина такая,
 Какой еще не испыталъ я въ жизни...
 Когда бы я не твердо былъ увѣренъ,
 Что философія — пустая сказка
 И риторовъ бессмысленная фраза,
 Которой прежде я бывалъ обмануть,
 Я бь думать могъ, что философскій камень
 И тайна золота открыты мною;
 Но мой обманъ не можетъ долго длиться,
 Хоть, впрочемъ, испытать его полезно:
 Меня онъ ознакомилъ съ чувствомъ новымъ,
 И что такое чувство существуетъ
 Я запишу теперь себѣ на память...
 Кто здѣсь?

Гершанъ (сходитъ).

Васъ, графъ, теперь желаетъ видѣть
 Аббатъ святого Мориса.

(Входитъ аббатъ св. Мориса.)

Аббатъ.

Да будетъ

Миръ дому твоему...

Машередъ.

Благодарю я
 Тебя, святой отецъ. Войди: приходъ твой
 Приноситъ честь великую для замка,
 А всѣмъ живущимъ въ немъ — благословенье.

Аббатъ.

О, если бь это было такъ! Но я бы
 Наединѣ желалъ побыть съ тобою.

Манередъ.

Иди отсюда, Германъ... Что жь угодно
Тебъ, почтенный гость мой?

Аббатъ.

Я желаю

Поговорить съ тобою откровенно.
Мой скромный санъ, мой возрастъ престарѣлый
И добрыя намѣренія дали
Мнѣ право на такую откровенность.
Сосѣдство близкое — хотъ очень мало
Мы межъ собой знакомы — позволяетъ
Мнѣ прямо говорить теперъ съ тобою.
Графъ! странные, дурные ходять слухи
Объ имени твоёмъ, а это имя
Издравле отличалось благородствомъ, —
И было бъ торько, если бъ тотъ, кто носить
Теперъ то имя — передалъ потомству
Его запятнаннымъ...

Манередъ.

Что жь, продолжай же!

Я слушаю...

Аббатъ.

Молва прошла такая,
Что будто ты знакомъ съ нечистой силой,
Что ты вступилъ къ союзъ богопротивный
Со всѣми обитателями ада
И что тебъ покорны злые духи.
Я знаю, что сближенья съ человекѣмъ
Ты избѣгалъ и жилъ въ уединеньи,
А это не всегда есть вѣрный признакъ
Благочестивыхъ дѣлъ.

Магноредъ.

Кто жь распускаетъ

Такія вѣсти?

Аббатъ.

Это общій голось:

Объ этомъ говорятъ всѣ прихожане,
Мои собратья по служенью, даже
Тебѣ принадлежащіе вассалы,
Которые напуганы тобою.
Да, жизнь твоя въ опасности...

Магноредъ.

Возьмите жь

Вы эту жизнь!..

Аббатъ.

Я призванъ для спасенья

И разрушать не пастырское дѣло.
Я не хочу въ твою проникнуть душу;
Но ежели всѣ слухи справедливы,
То знай, мой сынъ, еще осталось время,
Чтобы покаяться: чрезъ покаянье
Ты примиришься съ церковью, а церковь
И съ небомъ примиритъ тебя.

Магноредъ.

Я слушалъ

Тебя, отецъ, и вотъ тебѣ отвѣтъ мой:
Кто бъ ни былъ я, и что бы ни случилось
Съ моей душой, но между мной и небомъ
Такія тайны есть, что человекъ
Въ посредники свои не изберу я.
Когда жь уставы ваши я нарушилъ,
Мнѣ докажите вы, и наказанье,
Какое вамъ угодно, назначайте.

Аббатъ.

Мой сынъ, о наказаньи я ни слова;
 Я говорю о покаяньи только
 И о прощеніи. Законы церкви
 Мнѣ дали власть помочь тебѣ совѣтомъ,
 Какъ выйти на стезю спасенья въ жизни,
 Раскаявшись въ грѣхахъ своихъ великихъ;
 А что до наказанья — предоставляю
 Исполнить это небу: воля божья!..
 «*Мшу — я одинъ!*» такъ самъ Господь повѣдалъ,
 А я, его служитель, только долженъ
 Произносить покорно это слово.

Манередъ.

Старикъ! ни власть людей благочестивыхъ,
 Ни чистаго раскаянья молитва,
 Ни тяжкій постъ, ни изнуренье плоти,
 Ни собственная внутренняя пытка,
 Которая ужаснѣй адской муки
 Сосеть, грызеть измученное сердце —
 Ничто, ничто въ насъ заглушить не можетъ
 Ни нашихъ чувствъ, ни нашихъ преступленій,
 Ни вѣчной мести надъ самимъ собою,
 И въ будущемъ такой нѣтъ казни лютой,
 Какъ та, которою душа караетъ
 Сама себя.

Аббатъ.

Но это все не долго,
 А послѣ въ сердцѣ страждущемъ родится
 Опять, мой сынъ, надежда на спасенье,
 И во грѣхи поверженныя души
 Раскаявшись, въ тотъ край стремиться будутъ,
 Гдѣ cadaго прощенье ожидаетъ.

Покаянья лишь должно, а начало
 Раскаянья — есть первое сознанье
 Его необходимости. Лишь только
 Ты пожелай — и церковь всеблагая,
 Моляся за тебя, тебя наставитъ
 И дастъ твоимъ проступкамъ отпущенье.

Манередъ.

Когда шестой владыка грозный Рима,
 Чтобъ избѣжать стыда публичной смерти
 Отъ рукъ рабовъ, подосланныхъ сенатомъ,
 Нанесъ себѣ мучительную рану
 И гордо умиралъ, тогда, увидя
 Его страданіе, прохожій воинъ
 Хотѣлъ унять полой своей одежды
 Кровь бьющую изъ царственного горла,
 Но строго умиравшій императоръ
 Прочь оттолкнулъ протянутую руку,
 И бросивъ взглядъ, въ которомъ загорѣлось
 Прошедшаго могущества величье,
 Сказалъ: «оставь меня! теперь ужъ поздно!
 И преданность такая бесполезна...»

Аббатъ.

Но говоришь къ чему же ты объ этомъ?

Манередъ.

Отвѣчу я, какъ римлянинъ: «ужъ поздно!»

Аббатъ.

Нѣтъ, никогда не поздно примириться
 Съ своей душой и съ небомъ... Не-уже-ли
 Ты потерялъ ужъ всякую надежду?
 Дивлюсь тебѣ. Вѣдь даже тѣ, которымъ

Спасеніе казалось невозможнымъ,
Несбыточной надеждой утѣшались
И съ трепетомъ чего-то ожидали.

Манередъ.

Да, мой отецъ, такъ было и со мною,
И тѣ жь мечты, когда я былъ моложе,
Отъ головы моей не отходили.
Я думалъ стать въ числѣ людей великихъ,
Хотѣлъ подняться — до чего? — не знаю —
До высоты, съ которой мнѣ, быть можетъ,
Случилось бы упасть, но пасть съ величьемъ.
Такъ водопадъ серебряннымъ потокомъ
Съ крутыхъ высотъ сбѣгая прямо въ бездны,
Въ ихъ глубины съ собой свой блескъ уносить,
А брызги пѣны, кверху поднимаясь
Волнами незамѣтнаго тумана,
Сливаются съ самими облаками...
Великое и грозное паденье!..
Но — то мечты! онѣ теперь исчезли.

Аббатъ.

Но почему же такъ?

Манередъ.

Своей натуре

Переломить и обуздать не могъ я.
Тотъ, кто желаетъ властвовать на свѣтѣ
И межъ людей ничтожныхъ быть могучимъ,
Тотъ долженъ испытать всѣ муки рабства,
Тотъ долженъ лстить умѣть и пресмыкаться,
Жить постоянной ложью и притворствомъ
И достигать могущества обманомъ —
Таковъ весь міръ. Я былъ не въ состояннѣ

Мѣшаться съ стадомъ, даже съ волчьимъ стадомъ,
Хоть межъ волковъ навѣрно могъ быть первымъ.
Нѣтъ, я, какъ левъ, остался одинокимъ.

Аббатъ.

Но для чего же общества ты бѣгалъ
И изъ людей ни съ кѣмъ не могъ ужиться?

Манередъ.

Затѣмъ, что жизнь глубоко презиралъ я,
Хотя меня никто не звалъ жестокимъ.
На злое дѣло не былъ я способенъ,
За то я зло любилъ искать повсюду.
Я — какъ самумъ. Дыханьемъ раскаленнымъ
Онъ на пути все жжотъ и пожираетъ;
Онъ носится въ одной пустынѣ мертвой,
Гдѣ не растетъ ни травки, ни былинки,
Гдѣ онъ одинъ въ песчаномъ океанѣ
Крутитъ песокъ зловѣщимъ ураганомъ.
Онъ никого не ищетъ и не ловитъ,
Но если кто идетъ къ нему на встрѣчу —
Отъ встрѣчи съ нимъ все тотчасъ умираетъ.
Таковъ былъ я въ своей прошедшей жизни,
И то, что на пути ея случилось,
Тому не повториться снова...

Аббатъ.

Сынъ мой!

Теперь я опасаться начинаю,
Что поздно я пришелъ къ тебѣ, что помощь
Духовника здѣсь стала бесполезна.
Но ты еще такъ молодъ... Я хотѣлъ бы...

Манередъ.

Вглядись въ мое лицо. Бываютъ люди —
Къ нимъ въ юности еще приходитъ старость,

Они не живши скоро умирають,
 И смертью не насильственной. Иные
 Безславно погибають отъ разврата,
 Иные — отъ труда и напряженья,
 Иные — отъ бездѣйствія и скуки,
 Отъ помѣшательства и отъ тяжелыхъ
 Сердечныхъ мукъ и потрясеній. Людямъ
 Ужаснѣй нѣтъ послѣдняго недуга:
 Подъ формами различными скрываясь,
 Онъ, въ сердце заползая незамѣтно,
 Быстрѣе всѣхъ недуговъ убиваетъ.
 Взгляни же на меня: изъ этихъ золъ я
 Всѣ испыталъ, хотя довольно было
 И одного изъ нихъ, чтобъ умереть мнѣ..
 Такъ не тому теперь ты удивляйся,
 Что сдѣлался такимъ я, а тому лишь,
 Что я еще живу на этомъ свѣтѣ.

Аббатъ.

Но, выслушай меня..

Манфредъ.

Почтенный старецъ!

Священный санъ твой я не презираю,
 Я уважаю возрастъ твой, и знаю,
 Что всѣ твои намѣренія чисты,
 Но, мой отецъ, они теперь напрасны.
 Оставь свои совѣты и, повѣрь мнѣ,
 Что, одного тебя оберегая,
 Я въ этотъ поздній часъ бесѣду нашу
 Хочу прервать. Прощай!

(Манфредъ уходитъ.)

Аббатъ.

Онъ странно созданъ!

Съ такимъ умомъ, съ такою силой духа
 Онъ могъ бы быть созданиемъ великимъ,
 Теперь же онъ — есть только страшный хаосъ,
 И свѣтъ, и тьма, духъ мощный вмѣстѣ съ прахомъ,
 Смѣсь чистыхъ помысловъ съ страстями
 Безумными, и внутренняя пытка,
 Которой нѣтъ конца и нѣтъ начала,
 Соединенье творчества съ желаньемъ
 Все разрушать. И онъ погибнуть долженъ,
 Хотя и лучшей доли былъ достоинъ.
 Нѣтъ, еще разъ всѣ испытаю средства,
 Чтобы спасти его, и стану зорко,
 Внимательно слѣдить за нимъ повсюду.

(Аббатъ уходитъ.)

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Манфредъ и Германъ.

Германъ.

Графъ, къ вамъ явиться мнѣ вы приказали
 Передъ закатомъ солнца. Ужъ садится
 Оно теперь...

Манфредъ.

Такъ скоро?.. Я желалъ бы
 Въ минуту эту имъ полюбоваться.

(Манфредъ подходит къ окну. Германъ уходитъ.)

Великолѣпное свѣтило неба!
 Кумиръ для первенцовъ земного шара,
 Кумиръ гигантовъ, нѣкогда рожденныхъ
 Отъ свѣтлыхъ херувимовъ и созданий,

Пересіявшихъ даже херувимовъ,
 Которые, узнавъ земныя страсти,
 За нихъ паденьемъ вѣчнымъ поплатились.
 Лучистое, безсмертное свѣтило!
 Тебя еще тогда боготворили,
 Когда не знали тайны мірозданья.
 Ты самый чистый спутникъ Саваоѳа;
 Ты, пастуховъ халдейскихъ вдохновлявшій
 И слушавшій ихъ теплыя молитвы,
 Ты сдѣлался для всей природы богомъ,
 И самый богъ явилъ въ тебѣ свой образъ,
 Царь между звѣздъ и центръ для звѣздъ небесныхъ,
 Ты землю обливаешь свѣтомъ жизни
 И грѣешь все цѣлебными лучами!..
 Тебѣ покорны климаты и время,
 И наши скорби, мысли и желанья
 Ты видишь, проникая въ нашу душу;
 Ты въ вѣчной славѣ всходишь и заходишь!..
 Прощай! тебя я не увижу болѣше!..
 Прощай! какъ нѣкогда тебѣ принесъ я
 Свой первый взоръ любви и удивленья,
 Такъ и теперь прими мой взглядъ послѣдній.
 Ты вновь взойдешь, но не увидишь снова
 Того, кому награды жизни этой
 Наградами служили роковыми...
 Конецъ! потухло солнце за горами,
 А вслѣдъ да нимъ теперь и я потухну.

(Манфредъ уходитъ.)

СЦЕНА III.

Горы Въ нѣкоторомъ разстояніи замокъ Манфреда; терраса передъ башней. Полночь.

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.

Германъ.

Довольно, право, странно! сколько лѣтъ ужь,
 Едва наступитъ ночь — вотъ въ этой башнѣ
 Запрется онъ — а для чего? Богъ знаетъ...
 Мы въ этой странной башнѣ всѣ бывали,
 Но по вещамъ, которыя нашли тамъ,
 Едва-ли можно было догадаться,
 Чѣмъ по ночамъ нашъ графъ бываетъ занятъ.
 Навѣрно тамъ есть комната такая,
 Которая намъ неизвѣстна. Вѣрьте:
 Три года прослужить готовъ я даромъ,
 Лишь только бѣ заглянуть туда украдкой.

Мануэль.

Совѣтую не очень-то храбриться...
 Доволенъ будь и тѣмъ, что знаешь.

Германъ.

Правда!..

Послушай, Мануэль: ты старъ, и много
 Испытывать въ свой вѣкъ тебѣ случилось...
 Поразкажи-ка намъ. Вѣдь въ этомъ замкѣ
 Ты ужь давно живешь?

Мануэль.

Да, не родился
 Еще нашъ графъ, какъ я вступилъ на службу
 Къ его отцу. Онъ не чета былъ сыну.

Германъ.

Да, съ дѣтками бываетъ это часто...
А чѣмъ они не схожи были?

Мануэль.

Дѣло

Тутъ не въ лицѣ, а въ жизни и привычкахъ.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но нравъ имѣлъ онъ
Веселый и радушный; храбрый воинъ,
Онъ жить любилъ открыто, на-распашку,
Кутнуть любилъ, и ужь не сталъ бы киснуть
За книгой взаперти въ проклятой башнѣ,
А пировалъ съ друзьями дни и ночи;
Не сталъ бы, какъ сынокъ, по скаламъ лазить,
Въ лѣсныхъ труппахъ безъ толку шататься,
Да отъ людей волчицей дикой бѣгать.

Германъ.

Вотъ было времечко!.. Не то, что наше!
Эхъ! если бъ время это воротилось
И прежнее житье вернулось въ замокъ!
Ужъ онъ забылъ, какъ веселятся люди...

Мануэль.

То сбудется, когда другой хозяинъ
Въ него войдетъ... Да, Германъ, довелось мнѣ
Здѣсь видѣть чудеса въ былое время.

Германъ.

Такъ Расскажи, пожалуйста, что знаешь.
Мнѣ помнится, ты говорилъ однажды,
Что здѣсь, близъ замка нашего, когда-то
Исторія ужасная случилась.

Мануэль.

Да, это было ночью. Ночь такая жъ
Была тогда, какъ нынче. Надъ вершиной

Эйгера облако остановилось,
 Вотъ какъ теперь — и такъ же красно было;
 Дулъ сильный вѣтеръ; снѣжныхъ горъ вершины
 Всходявшій мѣсяцъ залилъ яркимъ блескомъ.
 Нашъ графъ, Манфредъ, какъ и теперь, былъ
 въ башнѣ,

А занять чѣмъ — одинъ онъ только знаетъ,
 Но съ нимъ тогда была его подруга,
 Подруга дней, ночей его безсонныхъ.
 Изъ всѣхъ существъ земныхъ на этомъ свѣтѣ
 Одну ее нашъ графъ любилъ, казалось,
 И былъ родствомъ съ ней связанъ онъ. Астартой
 Звалась она. Его... Постой... чу! кто-то
 Сюда идетъ.

(Входитъ аббатъ св. Мориса.)

Аббатъ.

Гдѣ графъ вашъ?

Германъ.

Въ этой башнѣ.

Аббатъ.

Его мнѣ нужно видѣть.

Мануэль.

Въ это время

Графъ никого къ себѣ не принимаетъ.

Аббатъ.

За нарушенье правилъ вашихъ буду
 Самъ графу отвѣчать я, если только
 Тутъ есть какое-либо нарушенье.
 Мнѣ графа видѣть нужно непременно.

Германъ.

Но вы его ужъ видѣли сегодня.

Аббать.

Сейчасъ тебѣ приказываю, Германъ,
Идти, и о моемъ приходѣ графа
Увѣдомить.

Германъ.

Мы этого не смѣемъ.

Аббать.

Такъ мнѣ войти придется безъ доклада.

Мануэль.

Нѣтъ, мой отецъ, прошу васъ — не ходите.

Аббать.

Но почему?

Мануэль.

Пожалуйте за мною.

Я кое-что готовъ поразсказать вамъ.

СЦЕНА IV.

Внутренность башни.

Манередъ (одина).

Какъ ярко блещутъ звѣзды! Луннымъ свѣтомъ
Озарены нагорныя вершины...

Какъ хорошо кругомъ! Еще донинѣ
Люблю я разговаривать съ природой,
И страстный шопоть ночи мнѣ понятнѣй,
Чѣмъ голоса людей; въ ея дыханьи,
Подъ звѣзднымъ кровомъ неба, постоянно
Я изучалъ языкъ другого міра.

Мнѣ памятна — въ то время я былъ молодъ —
Одна такая жъ точно ночь; стоялъ я

На верхней галереѣ Колизея —
 Въ виду громадъ разрушеннаго Рима.
 Вокругъ дремала полночь голубая;
 Въ разбитыя, широкія аркады
 Врывались вѣтви темныя деревьевъ,
 И миллиономъ глазъ своихъ сверкая,
 Въ амфитеатръ заглядывали звѣзды...
 Тамъ, далеко, за Тибромъ, раздавался
 Чуть только слышный лай собакъ, а ближе
 Изъ стѣнъ дворца, гдѣ цезари живали,
 Сова полночной крики доносились,
 Да иногда молчанье нарушали
 Унылые напѣвы часового,
 Сквозь ниши стѣнъ, столѣтьями пробитыхъ,
 Виднѣлись кипарисы и, казалось,
 Они росли вдали, на горизонтѣ,
 А между тѣмъ зеленыя ихъ вѣтви
 Качались близко... Всюду разрушенье:
 Тамъ, гдѣ когда-то римскіе владыки
 Бросали взоры дерзкаго величья,
 Теперь живутъ однѣ ночныя птицы,
 И на гробницахъ рухнувшихъ въ обломкахъ,
 Гдѣ цезарей положены останки,
 Сквозь ихъ сердца теперь лишь прорастаетъ
 Одна трава и дикая крапива,
 И ивы, вмѣсто лавровъ, наклонились
 Надъ ихъ могилами. Дворцы, палаты
 Всѣхъ Августовъ сравнялися съ землею
 И лишь одинъ остался невредимымъ
 Циркъ гладіаторовъ, какъ грозный остова
 Презрѣннаго могущества и звѣрства...
 И въ тѣ часы, на всю картину эту

Смотрѣлъ ты, мѣсяцъ, нѣжно обливая
 Развалины прозрачнымъ, мягкимъ свѣтомъ
 И оживлялъ собою мертвый городъ,
 Раздавленный безстрастными вѣками;
 Ты освѣщала обломки падшихъ зданій,
 И подъ твоими яркими лучами
 Прекрасное манило красотою
 Вновь обновленною, и просыпалась
 Та красота, которая увяла...
 Среди такихъ классическихъ развалинъ
 Благоговѣнье чувствуешь неволью
 И поклоняешься гробамъ великихъ предковъ,
 Которые и мертвецами даже
 Живутъ для насъ — и изъ своей гробницы
 Имѣютъ власть надъ нашими умами.
 Да, эту ночь я помню... только странно,
 Что мнѣ она теперь пришла на память...
 Но это такъ: чѣмъ глубже мы уходимъ
 Въ самихъ себя — тѣмъ дальше мысль уноситъ.

Аббатъ (сходитъ).

Мой добрый графъ, за то, что я сегодня
 Вторично прихожу къ тебѣ — прости мнѣ,
 Служителю смиреннѣйшему церкви,
 Прости, что я непрошенный явился,
 И да пошлетъ Создатель лучъ спасенья
 Твоей душѣ, блуждающей во мракъ...
 О! если бы молитвами своими
 Я тронуть могъ твое больное сердце,
 Которое лишь только заблудилось,
 Но не погибло...

Манередъ.

Ты меня не знаешь.

Всѣ дни мои сосчитаны; поступки
Всѣ взвѣшены... Здѣсь быть тебѣ опасно:
Иди скорѣй! Прощай.

Аббатъ.

Мой сынъ! навѣрно
Ты мнѣ не угрожаешь?

Манредъ.

Нѣтъ, нисколько...
Я только лишь теби предупреждаю,
Что здѣсь опасно долго оставаться...

Аббатъ.

Но почему?..

Манредъ.

А вотъ взгляни сюда ты...
Что видишь тамъ?

Аббатъ.

Я ничего не вижу.

Манредъ.

Но посмотри внимательно, прошу я...
Теперь что видишь ты?

Аббатъ.

Я вижу... Боже!
Тѣнь грозная... но я смотрю безъ страха...
Я вижу: всталъ какой-то мрачный образъ,
Подобный духу тьмы... Совсѣмъ закрыто
Его лицо подъ мантией широкой...
Обвитый темнымъ облакомъ, онъ выросъ
И здѣсь стоитъ межъ мною и тобою...
Но онъ не страшенъ мнѣ.

Манередъ.

Не нужно

Его бояться: онъ тебя не тронетъ,
Но самый видъ его невыносимый
Убьетъ твой дряхлый мозгъ однимъ ударомъ.
Я говорю тебѣ: иди отсюда!..

Аббатъ.

Нѣтъ, не уйду, и здѣсь до-тѣхъ-поръ буду,
Пока не изгоню я злого духа.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

Манередъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? не знаю...

Его никто не звалъ.

Аббатъ.

Погибшій грѣшникъ!

Какое ты сношеніе имѣешь
Съ нечистой силою? Зачѣмъ такъ смотришь
На демона, свой взоръ въ него вперяя?
А! это онъ!.. лицо его открыто...
Проклятый видъ!.. громовые удары
Вкругъ язвами чело его покрыли,
И адскимъ блескомъ взоры загорѣлись...
Оставь насъ, злобный духъ!

Манередъ.

Духъ, отвѣчай мнѣ:

Зачѣмъ ты здѣсь?

Духъ.

Иди!

Аббатъ.

Но кто ты? кто ты,
Созданье мрачное?

Духъ.

Я духъ, я геній
Стоящаго здѣсь смертнаго. Приходитъ
Послѣдній часъ его... Иди за мною!

Манередъ.

Я сталъ на все готовъ, но отвергаю
Я власть, меня зовущую. Кѣмъ посланъ
Ты былъ сюда?

Духъ.

Узнаешь это послѣ...
Иди, иди за мной!

Манередъ.

Духъ ты мнѣ жалокъ!
Я управлялъ духами высшей силы,
Передъ которыми ничтоженъ ты; боролся
Я съ гордыми владыками твоими...
Прочь отъ меня!..

Духъ.

Но прѣбилъ часъ твой смертный;
Я говорю: иди во слѣдъ за мною!

Манередъ.

Я знаю самъ, что часъ мой прѣбилъ — знаю,
Но не тебѣ отдамъ я эту душу.
Прочь съ глазъ моихъ! Какъ жилъ я одинокимъ,
Такъ и умру — одинъ!

Духъ.

Къ себѣ на помощь
Я братьевъ вызову. Явитесь!
(Является множество духовъ.)

Аббатъ.

Духи
Проклятые! исчезните отсюда

Сейчасъ! вы въ той обители безсилны,
Гдѣ обитаетъ божье милосердье!
Я именовъ

Духъ.

Старикъ, повѣрь, мы знаемъ
Свои права и силу; знаемъ также,
Какой ты носишь санъ. Не трать безъ пользы
Напрасныхъ словъ: онъ осужденъ навѣки.

Манередъ.

Я презираю васъ! хоть мнѣ извѣстно,
Что я умру, но все жъ васъ презираю.
Пока во мнѣ есть капля только жизни —
Не двинусь съ мѣста я; пока есть силы,
Я до конца бороться съ вами буду,
И иначе меня вы не возьмете,
Какъ растерзавъ на части!

Духъ.

Дерзкій смертный!

Ты, думавшій проникнуть въ тайны міра
И между нами равнымъ быть, ты можешь
Еще любить свое существованье,
Любить ту жизнь, которая разбила
Твое земное счастье!

Манередъ.

Лжешь ты, дьяволь!

Я знаю — жить осталось мнѣ не долго,
И ни одной минуты я не сталъ бы
Выпрашивать, чтобъ жизнь моя продлилась:
Не съ смертью я борюсь, но только съ вами.
Я власть свою купилъ — не по словью
Съ такимъ ничтожествомъ, какъ ты, но знаньемъ,
Усилиями ума и трезвой мысли,
Тревожными, бессонными ночами

И изученіемъ науки той древнѣйшей,
 Когда въ одну семью соединялись
 И ангелы, и люди, — и не знали
 Надъ нами превосходства херувимы...
 Прочь отъ меня! однимъ презрѣнемъ только
 На вызовъ твой я отвѣчаю...

Духъ.

Вспомни,
 Какъ всѣ твои пороки безконечны.

Манередъ.

Но что мои пороки предъ твоими?
 Тебѣ ль казнить меня за преступленья,
 Когда ты самъ ужаснѣй всѣхъ пороковъ...
 Иди въ свой адъ проклятый! Надо мною
 Ты власти не имѣешь и не можешь
 Владѣть душой моей — я это знаю.
 Что сдѣлалъ я — то кончено. Есть муки,
 Которыхъ увеличить невозможно —
 И ты ничѣмъ теперь ихъ не усилишь.
 Безсмертный гордый разумъ челоуѣка
 Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
 За каждое движенье тайной мысли;
 Добро и зло, послушныя разсудку,
 Родятся въ немъ и въ немъ же умираютъ.
 Отъ времени и мѣста не зависятъ
 Свободный умъ; страхнувъ оковы праха,
 Условьями минутными не связанъ,
 Въ самомъ себѣ умѣеть находить онъ
 Странаніе иль счастье...

Такъ меня ли
 Могъ искушать ты? Никогда я не былъ
 Твоей добычей адской и игрушкой,

И постоянно — царь своихъ желаній —
 Руководился собственной властью ..
 Идите жь прочь, непризнанные духи!..
 На мнѣ лежитъ рука холодной смерти,
 Но та рука — не ваша...

(Духи исчезаютъ.)

Аббатъ.

Какъ ты блѣдень!
 Покрылись губы мертвой синевою...
 Какъ тяжело твое дыханье... голосъ
 Хрипитъ... Молись, пока есть время, небу,
 Молись хоть мысленно, но безъ молитвы
 Не умирай.

Манередъ.

Всему конецъ! Не видятъ
 Тебя мои глаза... вотъ, всѣ предметы
 Кружатся, плаваютъ, а подъ ногами
 Дрожить земля... Прощай!.. дай руку...

Аббатъ.

Сердце

Чуть слышно бьется. Сынъ мой, умоляю:
 Хоть звукъ одинъ молитвы! — Что съ тобою?

Манередъ.

Повѣрь, старикъ, смерть вовсе не страшна мнѣ!
(Умираетъ.)

Аббатъ.

Онъ въ вѣчность отошолъ и улетѣла
 Его душа — куда? о томъ боюсь подумать,
 Но жизнь его покинула на вѣки.

Д. Мишасель.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ

«БАЙРОНЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ».

Мелкія стихотворенія.

I.

Стансы къ Августѣ.

1. А. Дружинина. (To mistress Augusta Leigh, изъ Байрона). «Современникъ», 1853, т. 37, № 1, отд. I, стр. 5. Перепечатано въ 1-мъ томѣ «Для Легкаго Чтенія» (1856, стр. 171).

2. В. Попова. (Къ Августѣ, изъ Байрона). «Сынъ Отечества», 1857, № 9, стр. 209.

3. К. Павловой. (Къ....., изъ лорда Байрона). «Русскій Вѣстникъ», 1859, т. 20, № 6, отд. I, стр. 347. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ К. Павловой» (1863, стр. 109). Выпущены IV и V строфы.

II.

Прости.

И. Козлова. (Прости, элегія лорда Байрона на разлученіе супруговъ, переводъ съ англійскаго). «Сынъ Отечества», 1823, ч. 85, № 18, стр. 182. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова».

III.

Стихи, написанные въ альбомъ на Мальтѣ.

1. И. Козлова. (Къ С—ѣ, безъ означенія, что подражаніе Байрону). «Новости Литературы», 1822, кн. I, № 12, стр. 191. Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ III кн. того же журнала, за 1823 г., стр. 188, и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Ивана Козлова».

2. Князя П. Вяземскаго. (Стихи въ альбомъ, изъ Байрона). «Дамскій Журналъ», 1823, ч. I, № 1, стр. 29. Перепечатано въ «Новостяхъ Литературы» (1824, кн. VII, апрѣль, стр. 46).

3. А. Бистрома. (Въ альбомъ Ф. А. Б...вой, подражаніе Байрону). «Московскій Телеграфъ», 1825, ч. IV, № 15, стр. 233. Перепечатано въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» (1835, № 7, стр. 54).

4. О. Тютчева. (Въ альбомъ друзьямъ, изъ Байрона). «Сѣверная Лира», 1827, стр. 441. Перепечатано въ «Современникѣ» (1854, т. 45, № 5, отд. I, стр. 6) и «Стихотвореніяхъ О. Тютчева» (1854, стр. 120).

5. П. Шкляревскаго. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Стихотворенія П. Шкляревскаго», 1831, стр. 1.

6. М. Лермонтова. (Въ альбомъ, изъ Байрона). «Отечественныя Записки», 1839, т. IV, № 6, отд. III, стр. 81. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій М. Ю. Лермонтова».

7. В. Межакова. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Литературная Газета», 1840, № 12, стр. 273.

8. В. Гаевскаго. (Въ альбомъ, изъ Байрона). «Сынъ Отечества», 1843, № 5, отд. III, стр. 3.

9. А. Бржескаго. (Idem). «Иллюстрація», 1847, т. IV, № 5, стр. 79.

10. Неизвѣстнаго. (Idem). «Москвитинъ», 1849, ч. V, № 20, отд. I, стр. 338.

IV.

Не вспоминай.

1. А. Григорьева. (Не вспоминай, изъ Байрона). «Русскій Міръ», 1861, № 72, стр. 1206.

2. Н. Гервеля. (Стансы, изъ Байрона). «Эпоха», 1864, № I и II, отд. I, стр. 32.

V.

Когда прощались мы съ тобой.

1. С. Дурова. (Безъ заглавія и означенія, что переводъ изъ Байрона). «Иллюстрація», 1846, т. II, № 17, стр. 273.

2. Н. Грекова. (Безъ заглавія, изъ Байрона).
«Библиотека для Чтенія», 1862, т. 170, № 3,
отд. I, стр. 188.

VI.

Къ М * * *

1. А. Де-ла-Гарди. (А. М...., изъ Байрона).
«Литературная Газета», 1847, № 48, стр. 758.

2. Н. Гервеля. (Стансы, изъ Байрона). «Библиотека для Чтенія», 1863, № 10, отд. I, стр. 56.

VII.

Къ М. С. Т.

Н. Грекова. (Безъ заглавія, изъ Байрона).
«Вѣкъ», 1861, № 9, стр. 316.

VIII.

Воспоминаніе.

1. Н. Щербины. (О гіметвганза, безъ означенія, что изъ Байрона). «Стихотворенія Н. Щербины» (1857), т. II, стр. 161.

2. А. Г. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Меркурій Модъ», 1859, № 10, стр. 151.

IX.

Стансы.

1. И. Козлова. (Стансы, изъ лорда Байрона).
«Библиотека для Чтенія», 1834, т. III, № 4,
отд. I, стр. 23.

2. Н. Огарева. (Стансы, изъ Байрона). «Отечественныя Записки», 1841, т. 19, № 12, отд. III, стр. 183. Перепечатано въ «Стихотворенiяхъ Н. Огарева» (1856, стр. 111).

X.

Стихи, написанные при полученiи извѣстiя о болѣзни лэди Байронъ.

А. Дружинина. (Стихи, написанные при полученiи извѣстiя о болѣзни лэди Байронъ, изъ Байрона). «Современникъ», 1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 11. Перепечатано въ 1-мъ томѣ «Для Легкаго Чтенiя» (1856, стр. 173).

XI.

Къ Д . . . .

А. Плещеева. (Подражанiе Байрону). «Стихотворенiя А. Плещеева» (1846), стр. 80.

XII.

Аонской дѣвушкѣ.

1. В. Яковлева. (Романсъ, изъ Байрона). «Романсъ, слова В. Яковлева, музыка А. Дерфельда. 1849».

2. Н. Щербины. (*Zōy moy, ois arapō*, безъ означенiя, что переводъ изъ Байрона). «Отечественныя Записки», 1851, т. 75, № 3, отд. I, стр. 110.

3. Л. Мейя. (Афинской дѣвушкѣ, изъ Байрона). «Русское Слово», 1861, № 5, отд. I, стр. 34. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ Л. А. Мейя» (1863, т. III, стр. 180).

XIII.

Стихи, вырѣзанные на чашѣ, сдѣланной изъ черепа.

1. Л—ва. (Стихи, написанные на чашѣ, сдѣланной изъ человѣческаго черепа, изъ Байрона). «Репертуаръ», 1841, т. I, № 3, отд. III, стр. 3.

2. Н. Берга. (Стихи, написанные Байрономъ на черепѣ). «Москвитянинъ», 1849, ч. VI, № 23, отд. I, стр. 105. Перепечатано въ «Переводахъ и Подражаніяхъ Н. В. Берга» (1860, стр. 197).

3. В. Бенедиктова. (Стихи, вырѣзанные на чашѣ, сдѣланной изъ черепа, изъ Байрона). «Сынъ Отечества», 1849, № 6, отд. III, стр. 1. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ В. Бенедиктова» (1856, ч. II, стр. 203).

XIV.

Стансы.

1. И. Козлова. (Къ Тирзѣ, подражаніе Байрону). «Стихотворенія Ивана Козлова» (1828), стр. 104. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

2. А. Мейснеръ. (Къ Тирзѣ, изъ Байрона).

«Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 11, стр. 208.

XV.

Экспромтъ въ отвѣтъ другу.

1. С. Дурова. (Безъ заглавія, изъ Байрона) «Литературная Газета», 1843, № 43, стр. 766. Перепечатано въ «Иллюстраціи» (1846, т. III, № 39, стр. 626).

2. Н. Васильковичъ. (Экспромтъ, изъ Байрона). «Молодикъ», 1843, ч. I, стр. 249.

3. М. Салтыкова. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Современникъ», 1845, т. 39, стр. 306.

4. Де-Ротула. (Idem). «Москвитянинъ», 1852, т. IV, № 13, отд. I, стр. 16.

XVI.

Стансы.

К. Случевского. (Стансы, изъ Байрона). «Общезанимательный Вѣстникъ», 1857, т. I, № 9, стр. 350.

XVII.

О если иногда.

1. В. Любича-Романовича. (Стансы, изъ Байрона). «Стихотворенія Василя Романовича» (1832), стр. 50.

2. Н. Грекова. (Элегія, изъ Байрона). «Отечественныя Записки», 1854, т. 97, № 12, отд.

I, стр. 214. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Н. П. Грекова» (1860, стр. 119).

3. В. Попова. (Стансы, изъ Байрона).

XVIII.

Подражаніе португальскому.

1. Князя П. Вяземскаго. (Португальская пѣсня, безъ означенія, что изъ Байрона). «Сынъ Отечества», 1820, ч. 60, № 12, стр. 268.

2. И. Козлова. (Idem). «Стихотворенія Ивана Козлова» (1828), стр. 46. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

3. Л—ва. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Репертуаръ», 1841, т. I, № 3, отд. III, стр. 2.

4. М. Михайлова. (Подражаніе португальскому, изъ Байрона). «Иллюстрація», 1847, т. IV, № 4, стр. 62.

XIX.

Тьма.

1. А. Воейкова. (Тьма, изъ лорда Байрона). «Новости Литературы», 1825, кн. XII, іюнь, стр. 172. Прозаическій переводъ.

2. А. Ротчева. (Тьма, изъ Байрона). «Сѣверные Цвѣты», 1829, отд. II, стр. 137.

3. Трилуннаго. (Idem). «Сѣверные Цвѣты», 1832, отд. II, стр. 35.

4. М. Вронченко. (Мракъ, изъ Байрона). «Ли-

тературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1833, № 21, стр. 167.

5. И. Тургенева. (Тьма, изъ Байрона). «Петербургскій Сборникъ», 1846, стр. 501. Перепечатано въ 3-мъ томъ «Для Легкаго Чтенія» (1856, стр. 213). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.*

6. Д. Минаева. (Idem). «Русскій Миръ», 1860, № 75, стр. 168. Перепечатано въ «Думахъ и Пѣсняхъ Д. Минаева» (1863, стр. 43).

7. П. Вейнберга. (Idem). «Русское Слово», 1864, № 4, отд. I, стр. 312.

XX.

Сонъ.

1. М. Вронченко. (Сонъ, сочиненіе Байрона). «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. 15, № 12, стр. 129.

2. Д. Глѣвова. (Сонъ, изъ Байрона). «Сѣверные Цвѣты», 1827, стр. 322.

3. С. Дурова. (Idem). «Иллюстрація», 1846, т. III, № 37, стр. 579.

4. Д. Коптева. (Idem). «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 283, стр. 1132.

5. П. Вейнберга. (Idem). «Русское Слово», 1864, № 2, отд. I, стр. 1.

XXI.

Томасу Муру.

Н. Гервеля. (Томасу Муру, изъ Байрона). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ первый разъ.*

XXII.

Томасу Муру.

Н. ГЕРВЕЛЯ. (Томасу Муру, изъ Байрона).
Здѣсь переводъ напечатанъ въ первый разъ.

XXIII.

Прости.

1. А. ГРИГОРЬЕВА. (Прости, изъ Байрона).
«Стихотворенія А. Григорьева» (1846), стр. 83.
Перепечатано, въ исправленномъ видѣ, въ «Свѣ-
точѣ» (1860, кн. II, отд. I, стр. 8).

2. Н. СПИГЛАЗОВА. (Idem). «Ярославскія Гу-
бернскія Вѣдомости», 1858, часть неофициаль-
ная, № 2, стр. 14.

3. М. ЛЕРМОНТОВА. (Idem). «Отечественныя
Записки», 1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253.
Перепечатано въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ
«Сочиненій М. Ю. Лермонтова».

XXIV.

Да будетъ.

1. Н. МАРКЕВИЧА. (Элегія, изъ Байрона).
«Стихотворенія Н. Маркевича» (1829), стр. 22.

2. С. ДУРОВА. (Мелодія, изъ Байрона). «Биб-
ліотека для Чтенія», 1845, т. 69, № 4, отд. I,
стр. 158.

3. А. ГРИГОРЬЕВА. (Bright be the place of thy
soul, изъ Байрона). «Московскій Городской Ли-
стокъ», 1847, стр. 666. Перепечатано, въ ис-

правленномъ видѣ, въ «Свѣточѣ» (1860, № 2, отд. I, стр. 9).

XXV.

Въ альбомѣ.

И. Козлова. (Стихи, написанные лордомъ Байрономъ въ альбомѣ одной молодой итальянской графинѣ, за нѣсколько недѣль до отъѣзда своего въ Мессолунги). «Новости Литературы», 1825, кн. XI, мартъ, стр. 150. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова».

XXVI.

Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ.

1. Н. Гервеля. (Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ, изъ Байрона). «Современникъ», 1852, т. 35, № 9, отд. I, стр. 135. Перепечатано въ «Москвитянинѣ» (1852, № 19, отд. IV, стр. 113) и «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 31).

2. В. Попова. (Безъ заглавія, изъ Байрона). «Общезанимательный Вѣстникъ», 1858, № 9, стр. 433.

Поэмы.

I.

Абидосская невѣста.

1. М. Каченовскаго. (Абидосская невѣста. Турецкая повѣсть. Соч. лорда Байрона). «Вѣстникъ Европы», 1821, ч. 120, №№ 18, 19 и 20, стр. 81—105, 161—179 и 241—258. Перепечатано въ «Выборѣ изъ Сочиненій Лорда Байрона» (1821, стр. 177—255). Прозаическій переводъ.

2. И. Козлова. (Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть лорда Байрона. Перевелъ съ англійскаго Иванъ Козловъ. Спб. Въ типографіи Александра Смирдина. 1826. Въ 8-ю д. л., стр. I—X и 1—92).

То же. (*Изданіе второе*. Спб. Въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія. 1831. Въ 16-ю д. л.) стр. 1—103. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Ивана Козлова». Кроме того, два отрывка изъ этого перевода были напечатаны въ «Новостяхъ Литературы» (1823, кн. IV, № 24, стр. 175) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825, ч. V, № 19, стр. 250—252). Оба отрывка — изъ второй пѣсни, именно строфы I, II, III и IV.

3. М. Политковской. (Абидосская невѣста. Турецкая повѣсть. Передѣлана съ англійской поэмы лорда Байрона М. Политковской. Москва. Въ университетской типографіи. 1859. Въ 8-ю д. л., стр. 1—57).

II.

Бенно.

1. В. Лювича-Романовича. (Беппо. Венеціанская повѣсть. Вольный переводъ изъ сочиненій Байрона). «Сынъ Отечества», 1842, ч. II, № 4, отд. IV, стр. 1—36.

2. Д. Минаева. (Беппо. Венеціанская повѣсть лорда Байрона). «Современникъ», 1863, т. 97, № 8, отд. I, стр. 401—438. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.*

III.

Гяуръ.

1. М. Каченовскаго. (Джяуръ. Отрывки изъ одной турецкой повѣсти. Соч. Лорда Байрона). «Вѣстникъ Европы», 1821, чч. 119 и 120, №№ 15, 16 и 17, стр. 165—180, 249—269 и 3—20. Перепечатано въ «Выборъ изъ Сочиненій Лорда Байрона (1821, стр. 107 — 176). Прозаическій переводъ.

2. Н. Р. (Джяуръ. Отрывки турецкой повѣсти. Изъ сочиненій лорда Байрона. Въ стихахъ. Переводъ Н. Р. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1822. Въ 8-ю д. л., стр. 1—31).

3. А. Воейкова. (Гяуръ, безъ означенія, что переводъ изъ Байрона). «Новости Литературы», 1826, кн. XVII, сентябрь и октябрь, стр. 114—154. Прозаическій переводъ.

4. А. Студитскаго. (Гяуръ. Отрывокъ изъ турецкой повѣсти лорда Байрона). «Москвитянинъ», 1844, ч. II, № 3, отд. I, стр. 1 — 44.

5. Е. Мишеля. (Гяуръ Байрона. Перевелъ Евгений Мишель. Спб. Въ типографіи комиссіонера императорской академіи художествъ Го-генфельдена и К^о. 1862. Въ 8-ю д. л., стр. 1—49). Прозаическій переводъ.

Кромѣ того, есть еще четыре отрывка изъ этой поэмы. Вотъ они :

6. П. Шереметьевскаго. (Отрывокъ изъ повѣсти лорда Байрона «Гяуръ»). «Зимцерла», 1829, отд. II, стр. 30—42. (Строфы I, II, III, IV, V, VIII, IX, XV, XVI, XVII, XXI, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXIX и XXX).

7. Трилуннаго. (Отрывокъ изъ поэмы лорда Байрона «Гяуръ»). «Галатея», 1829, ч. IV, № 19, стр. 175 — 181. (Начало поэмы до стиха: Attest it many a deathless age).

8. В. Трубникова. (Отрывокъ изъ «Гяура» поэмы лорда Байрона). «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1832, № 52, стр. 415 и 416. (Отъ стиха: Far, dark, along the blue sea glancing, до стиха: That sound had burst his waking dream).

9. И. Козлова. (Изъ «Джаура», подражательный переводъ). «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1838, № 24, стр. 466. (Отъ стиха: As rising on its purple wing, до стиха: Except an erring sister's shame).

Драматическія сочиненія.

Манфредъ.

1. М. Вронченко. (Манфредъ, драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе лорда Байрона. Перевелъ съ англійскаго М. В. Спб. Въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. 1828. Въ 8-ю д. л., стр. 1—64). Два отрывка изъ этого перевода (дѣйствіе I, сцены I и II и дѣйствіе III, сцена IV), подъ заглавіемъ: *Хоръ духовъ изъ Байронова «Манфреда» и Отрывки изъ Байронова сочиненія «Манфредъ»*, были помѣщены, до появленія въ печати полного перевода, въ «Московскомъ Телеграфѣ», 1827, чч. 15 и 17, №№ 10 и 18, стр. 57—59 и 65—72.

2. О. (Манфредъ. Соч. лорда Байрона). «Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. VIII, № 7, стр. 241—289.

3. А. Бородина. (Манфредъ, драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. лорда Байрона. Переводъ съ англійскаго). «Пантеонъ», 1841, ч. I, № 2, отд. I, стр. 1—24.

4. Е. Зорина. (Манфредъ, драматическая поэма Байрона). «Библиотека для Чтенія», 1858, т. 150, № 8, отд. I, стр. 1—46.

5. Д. Минаева. (Манфредъ, драматическая поэма въ 3 дѣйствіяхъ, Байрона). «Русское Слово», 1863, № 4, отд. I, стр. 1—58.

Кромѣ исчисленныхъ здѣсь пяти полныхъ переводовъ «Манфреда», существуетъ еще отрывокъ изъ этой поэмы. Вотъ онъ.

6. И. Козлова. (Обвороженіе. Ночь. Манфредъ одинъ. Тѣнь, въ видѣ молодой прекрасной женщины, поётъ.) «Невскій Альманахъ», 1828, стр. 347—352. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова».

И. Гербель.

6-го ноября 1864 г.
С. Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Отъ издателя	стр. V
------------------------	-----------

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Стансы къ Августъ — А. Дружинина	3
2. Прости — И. Козлова.	6
3. Стихи, написанные въ альбомъ, на Мальтъ — М. Лноермтова	10
Тоже — Э. Тютчева	11
4. Не вспоминай — Н. Гербеля	12
5. Когда прощались мы съ тобой — С. Дурова	14
Когда, безмолвные, съ минуты разставанья — Н. Грекова.	15
6. Къ М*** — Н. Гербеля	17
7. Къ М. С. Т. — Н. Грекова	19
8. Воспоминаніе — Н. Щербины	21
9. Стансы — Н. Огарева.	22
10. Стихи, написанные при полученіи извѣстія о бо- лѣзни лэди Байронъ — А. Дружинина	23
11. Къ Д... — А. Плещеева	25
12. Аенской дѣвушкѣ — Л. Мея	26
Аенской дѣвушкѣ — Н. Щербины	27
13. Стихи, вырзанные на чашѣ, сдѣланной изъ че- репа — Н. Берга	29

II

14. Стансы — И. Козлова	31
15. Экспромтъ въ отвѣтъ другу — С. Дурова . .	34
16. Стансы — Е. Случевского	35
17. О, если иногда — Н. Грекова	36
18. Подражаніе португальскому — И. Козлова . .	38
19. Тьма — И. Тургенева	39
20. Сонъ — П. Вейнберга	43
21. Томасу Муру — Н. Гербеля	52
22. Томасу Муру — Н. Гербеля	54
23. Прости — М. Лермонтова	55
Прости — А. Григорьева	56
24. Да будетъ вѣчный' миръ съ тобою — С. Дурова	57
25. Въ альбомъ — И. Козлова.	58
26. Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ — Н. Гербеля	59
Примѣчанія къ «Мелкимъ стихотвореніямъ». . .	61

ПОЭМЫ.

1. Невѣста Абидосская — И. Козлова	63
Примѣчанія къ «Невѣстѣ Абидосской»	117
2. Беппе — Д. Минаева	123
3. Гяуръ — А. Студитскаго.	169
Примѣчанія къ «Гяуру».	227

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Маноредъ — Д. Минаева	233
О русскихъ переводахъ изъ Байрона — Н. Гербеля	303
